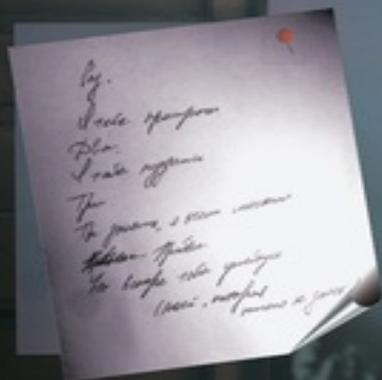

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ

По ту сторону отражения

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Любовные привороты сродни любовному суррогату и вряд ли смогут заменить настоящие чувства. Так Катрина считала раньше. Привороты, с помощью которых желаешь влюбить в себя не кого-нибудь, а известного рок-музыканта, приводят к одним лишь глупостям, странным ситуациям и даже к слезам. Так Катрина стала считать после эксперимента своей лучшей подруги. А теперь она вообще не думает о приворотах – сейчас Катрине очень хотелось бы разобраться в себе и понять, кого она любит: нежного и странного или скверного и знаменитого? А может быть, она любит их обоих или... одного и того же человека? И что ему (или все же им?) нужно от нее?

Что это?

Это не может быть шуткой?

Или это сон? Я сплю? Снится кошмар?

Нет, ногти с положенной для реальности болью впиваются в ладони – значит, я не в объятиях Морфея. Я нахожусь в реальной комнате, принадлежащей реальному человеку. Только вот какому человеку? И реальному ли... для меня?

Неужели?... Он – это и есть?... Он – это... Он...

Я хотела ответить на этот вопрос, по-настоящему хотела, но не могла поверить в ответ,

который срывался с моих полуоткрытых губ, вдруг ставших холодными, как лед Антарктиды.

События, происходящие со мной в последнее время, превратившись в гигантских полупрозрачных птиц с кривыми когтями и загнутыми клювами, кружили вокруг, касаясь мощными и невесомыми одновременно крыльями моих щек, лба, рук – и от этого по коже, сливаясь с мурашками, бежали искры холода, недоумения, страха и... ненависти.

Он просто тварь. Тварь, подонок, дрянь...

Но это не может быть действительностью! Мало ли таких украшений продается? А то, что эти парни похожи – это ведь... это ведь тоже можно объяснить? Или нет?

Нет.

Животное, сволочь, ублюдок... Возомнил себя мастером игр с людьми, скот?

Что-то темное, бескрайнее и тяжелое просыпалось во мне, и я понимала, что могу управлять этой злостью, но не хочу. Я не хочу, чтобы это гадкое, черное по цвету ощущение оставалось во мне, отравляя душу так же, как гематический яд травит и загрязняет кровь. Пусть оно выйдет наружу и перестанет распирает меня изнутри своей страшной силой.

В светло-васильковом бескрайнем небе, раздвигая испуганные белоснежные облачка, появилась огромная мутно-серая туча, отливающая то сталью, то свинцом. Мое небо темнело и все вокруг темнело вместе с ним – даже контуры в полутемной комнате стали размываться, а реальность переставала мною четко осознаваться – над ней колдовали все те же захлебнувшиеся в своем злобном торжестве птицы.

Мразь, мразь...

«Если ты чувствуешь, что реальность никак не входит в твою голову как единое целое, представь, что ты находишься не в своем теле, а взираешь на все происходящее сверху, как будто ты на несколько минут покинула его. Посмотри сверху на себя и на то, что окружает тебя. Оглянись внимательно, перемести взгляд. Ты почувствуешь себя спокойнее и, вероятно, сможешь найти решение той проблемы, что не дает тебе покоя». Так сказал мне однажды Томас. Это было давно, но, казалось, эти его слова прозвучали только что, над самым ухом. Тогда, когда я впервые услышала этот совет, мне тоже было плохо – все несчастья мира, так тогда казалось мне, шестнадцатилетней, навалилось на мои плечи, как огромный снежный ком. И тогда, как и сейчас, я ощущала себя обманутой и преданной теми, кто занимал в моем небольшом сердце важные места. Раньше я не вспоминала этих слов, но сейчас, когда я не знала, что думать и что делать, они вновь всплыли в памяти.

Ублюдок...

Я, пытаясь унять бешеный стук растревоженного, словно пчелиный улей, сердца, прикрыла глаза. Последую совету отца, все равно я сейчас не знаю, что делать.

А смотреть сверху было действительно легче, чем пытаться оценить проблему своими глазами. Посредине размытой серой комнаты виднелись очертания женской фигуры, нерешительно застывшей, словно статуя средней руки мастера, мечтающего стать именитым скульптором. Широко раскрытые темные глаза, забывающие моргать и всматривающиеся в жутко интересную точку на двери, приоткрытые губы, не хватающие воздух и не дрожащие – окаменевшие, бессильные пальцы слабых рук, так и не сумевшие взять голубой кулон с пола, странная гримаса удивления, смешанного с непониманием и обидой на бледном лице.

Ну и что же случилось с этой девушкой, вокруг которой тускло сияют меланхолично-голубая Грусть и светло-серое Разочарование, взявшиеся за руки, как лучшие друзья? Что же произошло с той, под ногами которой валяется, беспомощно раскинув тонкие девичьи руки, мертвая Надежда, постепенно превращающаяся в бесформенную пустоту, словно

подтверждая слова Леонардо да Винчи: «Там, где умирает надежда, там возникает пустота»? Что приключилось с той, над чьей головой вьется в пепельно-стальной дымке безграничное Удивление, уже готовое вот-вот уступить место пурпурной Ярости, злорадно потирающей руки в сторонке – ей очень хочется управлять разумом девушки, и она ждет подходящего случая, чтобы занять ее обездвиженное накалом эмоций тело.

Комната то медленно, то быстро вертелась вокруг темноволосой, касаясь своими контурами ее тела, и в ней, в этой нелепой статуе, я с большим трудом узнала себя.

Моя голова тоже кружилась, вслед за бесконечным движением комнаты, в котором теперь как украшения-портреты мелькали лица столь похожие и одновременно столь разные. Два таких разных блондина, которым принадлежит один кулон с топазом, смотрели на меня со всех сторон. Один – мягко. Второй – надменно.

Какая же глупая Катя.

Я закрыла лицо руками, и все остановилось. Встало на свои места и неприветливо замерло.

Антон и Кей – одно и то же лицо? Нежный, заботливый Антон, косвенный виновник того, что я вновь знакома с ласковыми крылышками бабочек, и проклятый эгоист, которого давно уже ждет собственный котел в аду за высокомерие и дерзость?

Значит, ты – один человек? Ты решил поиграть со мной в понятную только тебе одному игру?

Я яростно сжала кулаки – это стало моим первым движением – чувствуя, как ногти все сильнее и сильнее впиваются в ладони.

Его нужно убить. Зарезать, утопить, повесить, линчевать!

Мерзавец. Его определенно будут с особым нетерпением ждать в аду. Или уже ожидают. Даже не знаю, в каком только круге: в девятом или десятом? В девятом обитают обманувшие недоверившихся, в том числе и лицемеры – такие как он, Кей-Антон. А в десятом мучаются обманувшие доверившихся, те же предатели – и это самый близкий круг к Люциферу. Но предал ли меня Антон... Кей?

Да, предал! Поразвлекался.

Если это правда, то они все над тобой смеялись – Антон-Кей, Келла, Арин, проклятая Алина и все их дружки. Все они знали, и только ты одна... Ты была не в курсе.

Да, только я одна не знала ничего. Наивно предполагала, что нравлюсь одному... или даже двоим парням. Святая простота Катрина. А нет ли среди святых и мучеников святой Катрины?

Не знаю.

Я резко открыла глаза, чувствуя, как злость переполняет меня – огромная туча наливалась чернотой, заполняя все пространство неба, опровергая утверждение, что небеса – штука бескрайняя. Перед глазами замелькали обрывки полупрозрачного тумана. Что это со мной?

«Я его убью, я его убью, я его убью» – вот что пульсировало у меня в голове. Потом вместо этой незамысловатой фразы появилась другая: «За что? Что я ему сделала? Почему я?»

Меня разом лишили мечты найти того единственного, о котором мечтает каждая из девушек в юном и не очень юном возрасте. Взяли и неожиданно отняли возможности быть немного счастливой. Грубо, жестоко, с противной саркастической улыбкой на смазливом

лице, на которое клевало множество рыбок-девушек, мечтающих о нем, таком прекрасном принце. И я мечтала. И кто меня осудит за то, что я хотела любви?

Скажи еще – пусть первым бросит в меня камень тот, кто никогда не хотел тепла, ласки и нежности. Иди, найди Кея, устрой ему... Убей его! Ведь мне так больно.

Я знаю.

Когда-то давно, много лет назад я слышала красивую и грустную китайскую легенду о Красной Нити Судьбы, которая гласит, что у каждого есть своя вторая половинка. С нею мы связаны невидимой красной нитью. Нить эта находится на щиколотке, хотя японцы говорят, что на мизинце. Если однажды эти половинки встретятся – они никогда не смогут больше расстаться, и преграды перед ними падут. Те, кого соединила Красная Нить – уже не смогут друг без друга, потому что вместе они единое целое. Я поверила в эту легенду и со всей нежностью, на которую была только способна, ждала того, кто соединен этой Нитью только со мной.

Глупая Катя, бессмысленная нитка, идиотская легенда.

– Почему я? Скажи мне? Я обидела тебя? – прошептала я.

Антон, ну как ты мог? Я верила тебе, ты был такой... такой мягкий и милый, понимающий и надежный. Получается, тебя и нет вовсе?

Кей, я не знаю твоего настоящего имени, но хочу сказать тебе, что ты просто свинья. Думаешь, я – забитое существо, потерявшееся в тени своей великолепной подруги? Или глупая и наивная дура, которую можно дергать за веревочки?

Вот так вместо красивой красной нити судьбы на мизинце я нашла марионеточные нити, опутавшие меня тонкими змейками. Что же, такова жизнь.

Головокружение оставило меня, оцепенение прошло так же неожиданно, как и набросилось. И я сделала первый шаг. Нет, не к двери – к его кровати. Руки стали тяжелыми – так сильно захотелось мне этими руками порвать, ударить, разрушить хоть что-то.

Дальнейшее происходило в тумане, и я плохо понимала, что творю, а останавливаться мне совсем не хотелось.

Я перевернула стул. Разодрала надвое журнал. Сломала ручки и карандаш. Схватила блокнот и, удивляясь, что мои руки все же такие сильные, принялась рвать его на мелкие кусочки с небывалой легкостью – даже его твердую обложку. Полминуты – и пол был усеян бумагой, которая совсем недавно хранила в себе поэтические изыскания и глубокие лирические переживания подлеца Кея.

Потом пострадала кровать. Я со всей силы колотила упругие подушки, даже кусала их, бросала их на пол, молниеносно выдернула покрывало, простынь – и все это полетело вслед за подушками на пол, и я топтала, топтала их, пытаясь порвать нежную ткань. Но это вандализм у меня получалось плохо, слишком уж прочным был этот мягкий с виду материал. Поэтому я бросила это дело. Зато мой дикий взгляд переместился на небольшую декоративную вазу, и она тут же полетела на пол, но не разбилась, что дико разозлило меня. Кинув ее еще раз для порядка, я принялась ломать жесткие стебли странных искусственных цветов, которые поддавались мне на удивление легко – с печальным хрустом они ломались надвое и летели на пол. Я поняла, что они оказались настоящими, но мне было плевать. Я сильно сжала тонкие лепестки последнего цветка, превращая их в смятую цветную бумагу.

– Ненавижу цветы, – вырвался из моего горла тихий злой рык. Ненависть, прочно поселившаяся во мне, не давала адекватно воспринимать действительность.

Я легким движением смахнула висевшую на стене картину в металлической раме,

оцарапав при этом ладонь, но совершенно не чувствуя боли.

Увидела пульт. Он возлежал на круглой тумбочке-столике. Я дрожащими руками взяла его и кинула об стенку. В этот момент я уже сама не понимала, что же я такое творю в чужой квартире. Пульт ударился о стену, тихонько запищал, и тут же в противоположной стене сами собой открылись плавающие двери, ведущие в гардеробную.

– А у меня нет такой кучи вещей, **Нзапрещено цензуройN**, – прошипела я, чувствуя сосущую пустоту в сердце, и мои руки сами по себе стали выбрасывать аккуратно висевшие вещи Антона-Кея, пытались рвать их, сметали с полок все, на что натыкался мой взгляд. Я скидывала на пол все, даже не разглядывая и не обращая внимания на детали.

Одновременно с дверьми отползли вверх жалюзи, добродушно покачиваясь и обнажая окно, за которым было уже темно. Я схватила тяжелый рюкзак парня и кинула его в окно со всей силы, надеясь, что оно разобьется, но окно выдержало. И только глухой звук, переполненный обидой за то, что его, невинное стекло, пытается разбить какая-то помешанная, говорил о том, что я попыталась сделать.

Я оттерла непонятно откуда выступивший пот на лбу и дерзко дернула ручку окна на себя, рывком открывая его и вдыхая до боли в легких свежий воздух. Как я не выпрыгнула оттуда – ума не приложу. Наверное, инстинкт самосохранения, самый древний из всех, пустил в мои гены крепкие корни. Зато я увидела случайно ту самую злополучную серебряную цепочку с камнем, по которой опознала в Тропинине уroda Кея, и подобрала ее с пола. Ласково-ласково поглаживая холодный и переливающийся слабыми бликами камень, я прошептала:

– Спасибо за подсказку, мой милый друг. Спасибо за все и прощай. Мне было так хорошо. – Не договорив, я выкинула проклятый голубой камень в темно-синий проем окна с каким-то демонским смешком.

Если не получается разбить уродские окна – разобью плафоны, которые раньше не попадали в поле моего зрения. Они висят так притягательно близко от моих напряженных рук, утонченные и такие хрупкие.

Ненавижу вас и вашего хозяина-ублюдка!

– Подонок! – не узнала я собственный голос.

С этим мыслями я попыталась сбить светильники руками, чувствуя, как зашкаливают удары сердца. Эффекта не было – один, самый маленький, только немного треснул, а остальные все так же висели. Оглядевшись, я схватила ту самую небьющуюся вазу и ею шарахнула по модным светильникам.

Их звон, напоминающий тонкий стон раненого, обрадовал меня. Падайте, светящиеся твари! Нет больше света! И не надо! Мне ничего не надо.

Осколки безжизненно посыпались на пол. Один плафон причудливой формы, второй, третий, еще один...

И мне было безразлично, что в доме Кей и его омерзительная мать-змея. И что они наверняка слышат то, что я делаю. Если я увижу сейчас эту тетку с низким голосом или ее наглое сыночка, я наброшусь на них обоих. Я убью их. Убью любого, кто окажется у меня на пути. И пусть они молятся Богу, что я сейчас в комнате одна! Не слышат того, что я здесь делаю – им же хорошо, ведь я могу и выйти! Покажу себя во всей красе.

– Твари, – хрипло выдохнула я, кидая так кстати подвернувшийся флакон с одеколоном о ту же стену. Комнату тут же заполнил противный терпкий запах.

Я каким-то чудом сорвала с разноуровневого потолка свисающий шар-светильник, и он

километры, чтобы сообщить Афинам о долгожданной победе, а мой марафон закончился бесславно. Я так и не нашла своей второй половинки, в поисках которой все бежала и бежала, даже не осознавая этого.

Слабость накатила новой прохладной волной.

Может быть, я его любила.

Дверь открылась внезапно, так, будто ее ударили ногой, а не открыли рукой, как полагается воспитанным людям, и на пороге появился Антон. Он так и застыл в проеме, сжав одну из рук в кулак и прижав к груди, с немым ужасом взирая на меня и на кошмарный беспорядок, совсем не подходящий его комнате. Вместе с ним в комнату ворвался и свет, яркий и ослепляющий. Парень коснулся выключателя, нерешительно шагнул вперед, раздумав быть второй статуей в этой комнате, но потом вновь остановился. Он ничего не говорил, но его взгляд был подобен всем тем взглядам, которыми жалостливые личности награждают слабых раненых животных, истекающих кровью, но не смевших от страха перед людьми не подать ни звука.

Молчание хрусталем, таким новым матовым плафоном, повисло над нами. Общая нерешительность окутала нас сияющей светло-серой сетью. Мне было больно, но на миг я подумала, что и Антон... нет, Кей, тоже чувствует боль.

Я думала, что молчание будет долгим, ведь вид у парня был таким потрясенным, словно здесь сидела не одна я, а пировали два десятка привидений, часть из которых играла в развеселом сводном оркестре «Кладбищенские истории», где я была дирижером.

Я тихо, приглушенно рассмеялась, чувствуя себя актрисой.

– Катя! Катя, ты что? – закричал Антон наконец.

«Катя, ты что!» – передразнивая, пропищал ехидно в моей голове внутренний голос, не желая отпускать руку довольной Ярости.

– Что случилось? Что?!

Вот же орет! Не думала, что у Антона такой громкий голос. Да, он достаточно громкий у Мистера Совершенство по имени Кей.

Кричит... Наверное, ему очень не понравился беспорядок в комнате. Еще бы, я бы тоже не была от такого варварства в восторге.

– Катя! – его чересчур громкий голос эхом отозвался в моей голове. Я поморщилась. – Катя! Катя, ты меня слышишь?

Нет, я оглохла, ослепла и отупела. Козел, какой же ты козел. Придурак. Ненормальный ублюдок. У тебя ведь проблемы с психикой, не так ли? Или ты принадлежишь к некой новой разновидности извращенцев?

Я подняла на блондина все еще злой и уже беспомощный взгляд, но промолчала. У меня почти не было сил, чтобы вставать, так зачем же я буду говорить? Этот мерзавец недостойн, чтобы с ним разговаривали. Едва только я подумала это, как мой рот сам собой открылся, и я едва ли не прорычала:

– Кей... Кей. Ненавижу.

– Что ты сказала? – тихо-тихо, так, что я с трудом расслышала, спросил он.

– Ненавижу, – с придыханием сообщила я.

– Что? – парень все еще разглядывал меня. – Что ты говоришь? Катя, ты в порядке?

И он медленно стал подходить ко мне, осторожно, боясь спугнуть.

– Ты – Кей. И ты – **Запрещено цензурой**, – выдавила я из себя, внимательно следя за его движениями.

– Солнышко, что с тобой? – его глаза расширились. Какой виртуозный актер!

И солнышко твое погасло, чтобы возродиться не ясным и золотистым кругом, а серебряным и мрачным – луной.

– Не смей меня так называть, – прошипела я.

– Катя... – Он вновь замер. – Что ты несешь?

– Что несешь? Ты ведь все сам знаешь. А я до последнего надеялась, когда увидела кулон, что вас двое. Двое! – и к своему ужасу, я засмеялась, как последняя истеричка. А я ведь всегда презрительно относилась к ним, а теперь сама нахожусь в истерике и не знаю, что делать.

– Катя, ты о чем? – как-то жалобно и безнадежно спросил этот предатель, понимая, видимо, что его вопрос звучит не просто глупо, а наигранно глупо.

– Ты – это он! – выкрикнула я, сквозь беспричинный смех, некрасивый и совсем не подходящий для девушки. Ну и пусть мой смех не похож на милое щебетание Алины! Я такая, какая есть, и ты этого не исправишь, подлый... подлая тварь. Жаль, что злость пропадает, я бы устроила много чего дельного в этой комнатке богатенького мальчика, решившего развлечься за чужой счет.

– Кто – он? Кто? – все-таки подошел ко мне совсем близко Антон, настороженно глядя то на меня, то на разбитые плафоны. – Что с тобой? Что случилось? Катенька?

– Я не Катенька, – пьяным голосом ответила я.

– Что с тобой? Зачем ты это сделала? – сжал виски ладонями Кей-Антон. В голосе его была если не паника, то растерянность – точно.

– Ты еще... еще будешь спра-спрашивать, что слу-случи... чилось? – Я поняла, что не могу контролировать ни смех, ни внезапно появившиеся в уголках глаз слезы. – Зачем же ты так? За-зачем ты так со мной? Ведь я... Я... тебя... ты...

И я разрыдалась, закрывая вмиг ослабевшими руками лицо, чтобы он не видел моего искривленного рта и сморщенного лба, и изогнутых страдальческой дугой бровей. Дуга... радуга... Сразу же в мою голову хлынули воспоминания. А он рассказывал мне про радугу... говорил, что нравлюсь, держал за руку, обнимал и целовал. А самое главное – ведь я верила ему.

Иллюзия – вот значит кто ты, Антоша. Ты был моей большой и красивой иллюзией, хрупкой, ненадежной, обаятельной, разбившейся. Ненавижу тебя, Кей...

– Катя, перестань, не надо... – зашептал он, опускаясь рядом со мной.

– Я тебя ненавижу.

– Перестань, – тихо-тихо прошептал он, склонив голову.

– Не-ненавижу тебя, Кей.

– Я не...

– Ты подонок, – устало выдохнула я, понимая, что хочу закрыть глаза и никогда уже их не открывать.

– Но я...

– Заткнись, молчи.

– Я не понимаю, почему ты так решила! – он взял меня за руку, но я вырвала ее и спрятала за спину. Сидеть на коленях стало совсем неудобно – колено покалывало.

– Твой кулон... Ты на-настоящая тварь.

– Какой кулон? – стал озираться парень. – Пожалуйста, успокойся!

– Синий, в нем ты щеголял... Что, смешно тебе было, да? Издеваться над Катей – весьма

забавное занятие? – и перестав всхлипывать, я вновь громко расхохоталась.

Истеричка. А он ведь сейчас перед тобой – всади ему куда-нибудь в сонную артерию кусок стекла, что лежит рядом с тобой. Или в глаз.

Не могу... не хочу ничего.

– Я не Кей, Катя, пойми, – пытался что-то сказать Антон, но я не слушала его, только слабо отбивалась от его рук.

– Да послушай же меня! – одним неувливаемым движением крепко взял меня за запястья хозяин квартиры. – Катя!

Да перестань же ты повторять мое имя, я и так знаю, как меня зовут.

– Я не Катя, я Валентин Петрович, – стала нести какую-то чушь я. – Твой сосед с пятой квартиры... Точно!

И засмеялась, громко и с душой, вытирая одновременно слезные дорожки, свободно бежавшие по щекам, за что тут же получила хлесткую пощечину, а потом еще одну – по другой щеке. Охота безумно ржать сразу же пропала. Только вот слез стало намного больше. Надо же, второй раз при нашем Крутом Звездном Мальчике рыдаю, что он обо мне подумает?

Ты дура? Ты сама о чем думаешь-то?

– Извини, извини меня за это. Это нужно было, чтобы ты успокоилась, прости, девочка моя, – зашептал блондин, пальцы у него едва заметно дрожали, и он с ненавистью смотрел на свою ладонь. А я хотела одновременно ударить его по лживым губам и обнять. Почему – не знаю.

Как же я раньше не замечала, что это один и тот же человек?

Антон опустил ладонь на пол и почему-то дернулся. Что с ним? Трясучка началась? Током ударило? Бог решил покарать этого морального уроды прямо при мне?

Недоуменно поднеся руку к лицу, он заметил немного алой крови посредине ладони. Фу, кровь... Ненавижу кровь.

– Стекло? Тут везде стекло. Ты не поранилась? – с искренней заботой спросил парень и тут же поднял меня вверх, с легкостью, как будто я весила килограммов пять, не больше.

– Отпусти меня – не нашла я ничего лучше, чем вновь слабо ударить его по теплему предплечью.

– Я тебя не... Черт, Катя!! – воскликнул он. – Тебе больно?

– Еще бы. Мое сердце сейчас лопнет. Бойся – забрызгает кровью, – как можно больше яда вложила я в эту фразу. Подействовало – человек, которого я сейчас ненавидела, на миг опустил глаза.

– Тихе, не кричи, тебе очень больно?

– Почему больно? Ты пытаешься... – не поняла я, думая, что парень хочет поменять тему, но проследила за его взглядом и увидела, что на том месте, где только что были мои ноги, виднеется небольшая багряная лужица без бликов. Я умудрилась пораниться проклятым стеклом и даже не заметила этого. Третий раз за последнее время я увидела кровь, только в этот раз уже свою. Меня тут же затошнило, и волнами стала накатывать слабость. Да что же это такое? Почему именно у меня подсознательное отвращение к крови? Господи, как же я сегодня устала...

Я едва не потеряла сознание, и хорошо, что этот идиот-притворщик держал меня, иначе моей спине повезло бы грохнуться на, скажем, осколки.

На какое-то время я почти перестала воспринимать действительность. Такое чувство, что я калека: и физическая, и эмоциональная. То, что Кей взял меня на руки и принес в

другую комнату, осторожно уложив на что-то приятное и мягкое и едва касаясь моего лица, убрал пряди разметавшихся волос со лба и щек, я вспомнила много позже.

Если раньше все вокруг кружилось, то теперь оставалось спокойным, только потемнело, погасло и поблекло. Ярость, недовольно уступив место светло-сиреневой Слабости, оставила меня. Кажется, ей было интересно, совсем ли переразложилась в пустоту моя Надежда.

Полностью пришла я в себя уже в огромной гостиной, освещенной вполне обычным светом. Я полулежала на диване. Колену что-то мешало. Оказалось – плотная белая повязка.

– Тебе лучше? Тебе надо к врачу? Как ты? Милая, что с тобой? – тут же засыпал меня вопросами Кей-Антон, сидевший на полу около меня, не смеявший взять за руку (его ладонь нервно подрагивала рядом с моим запястьем) и с тревогой глядевший мне в глаза.

Я медленно перевела взгляд на белокурого парня и сглотнула. Он был без своих больших очков, а волосы его были убраны назад и казались совершенно другими. Даже лицо вдруг изменилось. К тому же оно было чуть влажным – как будто бы парень только что умывал его.

Точно, он.

– Кей, ты последняя сволочь на земле, – прошипела я, чувствуя себя уже вполне хорошо – только голова сильно болела и чуть-чуть колено. – За какие грехи я тебя встретила?

Двойник самого себя молча заглянул мне в глаза. А он все равно красивый, даже когда печальный. Я буду ненавидеть красивых светловолосых людей.

– Я не Кей, – каким-то отчаянным жестом закрыл лицо парень.

– А кто? Его двойник-фанат? – издевательски спросила я.

– Да нет же, нет.

– Так да или нет? Отвечай.

– Я – Антон, – твердо сказал он. – Антон, Антон, понимаешь, Антон.

– Не ври. – Пристав, я покачала головой. – И это ты мне повязку наложил? – осторожно касаясь ее, спросила я.

Это как же мне плохо от вида своей крови стало. Меня передернуло. И как стыдно... за то, что я сделала в его комнате, за то, что позволила эмоциям прорваться наружу, а, самое главное, за то, что позволила дурачить себя... Выставила себя посмешищем!

– Я, – коротко кивнул он. – Сильно болит?

– Ты меня лапал! – попробовала закричать я, но этого не получилось – голос до сих пор был тихим и глухим. К тому же едва он напомнил мне про боль, колено начало саднить сильнее.

Молодой человек пожал плечами, продолжая настороженно глядеть на меня:

– Ты ведь все равно в юбке.

– Еще бы ты с меня штаны посмел бы стянуть, – делано фыркнула я и попыталась подняться, но Антон (или мне все же называть его Кеем?) не дал мне этого сделать.

– Прекрати. Как ты умудрилась порезаться? И... зачем устроила все это? Что на тебя нашло? Хотя, я подозреваю...

– Ничего. Я уйду. – Мне совсем не хотелось вспоминать произошедшее. – Не хочу тебя видеть. Никогда.

– Нет, ты сейчас никуда не уйдешь. Объяснись, – потребовал он.

– Что-о-о? Это я должна объясняться? Ты, что болотное! Это ты объяснись, – стала вновь заводиться я. – Узнаю Ваше Высочество, господин Кей.

– Я – Антон, – сухим безэмоциональным голосом сказал мне парень.

– Замолчи, просто замолчи.

– Хорошо, – он закрыл глаза и чуть дрожащим голосом проговорил: – Катя, он мой брат.

– Кто? – не поняла я, не забыв прошипеть это слово со всей своей искренностью.

– Кей – мой брат, – отвел серые глаза Антон.

– Брежнев тоже мой кузен. А Мадонна – троюродная тетька. Ты что, брат самого себя? – зло засмеялась я. – Я уйду и не желаю тебя никогда видеть. Прав же был твой Арин. Марионеточник хренов, и не смей на меня смотреть такими глазами! – выкрикнула я. – Я тебя ненавижу.

– Успокойся.

– Ого, в твоём голосе раздражение или мне это слышится? Какой же ты гадкий! Я не буду распинаться о том, что я чувствовала и чувствую, и я не попрошу у тебя прощения за то, что сделала. Надеюсь, ты...

– Катя, – немного жестко прервал он меня. – Выслушай меня, наконец.

Он молча встал и под моим пристальным взглядом ушел в другую комнату быстрым шагом, откуда вернулся почти в тот же миг с небольшим черно-белым прямоугольником в руках.

– Вот, – протянул он мне рамку с фотографией.

– Это что? – не спешила я принимать ее в свои руки. Однако всего пара слов, брошенных парнем, и я схватила фото.

– Я и мой брат Кей, – произнес он подозрительно ровным голосом. – Посмотри, пожалуйста, и ты мне поверишь. Нас двое.

– Это... кто? – ошеломленно выдохнула я, чувствуя, как бежит мой взгляд с одного лица на другой. Кажется, я знала ответ.

– Я и Кирилл, – спокойно ответил Кей, не глядя на меня.

– Не может быть!! – зачарованно поглядела я на хозяина квартиры, а затем вновь уставилась на фото. Сзади, выглядывая из-за моего плеча, на фотографию уставилось мерцающее розово-оранжевым цветом Любопытство.

– Мы близнецы. Может.

К своему безмерному удивлению, я стала разглядывать двух молодых людей: Кея и... Кея? Абсолютно одинаковые лица, идентичные фигуры, даже причёски почти одни и те же – только челки на разные стороны у обоих, да и одежда тоже разная, по цвету и по стилю: на первом черная водолазка, на которой ярким голубым пятном выделяется кулон, и черные же джинсы, заправленные в тяжелые военные ботинки; на втором – нежно-зеленый пуловер и белоснежная рубашка – ее острый воротник выглядывает из-под него, белые джинсы и остроносые белые ботинки. Здесь братьям лет семнадцать-восемнадцать, и оба такие милые... Один, в темном, сидит на стуле, закинув ногу на ногу – вероятно, это Кей. Второй, в светлой одежде, стоит за этим стулом, опершись спиной о серую стену. Кажется, это Антон.

– Какой ужас, – прошептала я, понимая, что совершила ошибку с большой буквы. К тому же волосы у Кея светло-пепельные, даже с бело-серебряным отливом, а у хозяина квартиры они остаются светло-русыми, более темными и менее яркими. Или Кей носит парик?

– Почему? – забрал у меня из рук рамку Антон – теперь мне можно называть его именно так? – Сейчас мы не общаемся. Это наше последнее фото. А вот мы в детстве. – И он протянул мне целый альбом, большой, темно-синий, с семейными фотографиями.

– Из-за мамы? – вырвалось у меня само собой, и я потеряла ноющее колено.

– Не напоминай мне о ней, – отвернулся Антон.

– А где она? Ушла?

– Ушла.

– Она... слышала?

– Нет, у меня комната звуконепроницаемая. Так ты веришь мне теперь? – проникновенно поинтересовался он. Я листала альбом. Двое мелких одинаковых мальчишек смотрели на меня то с грустью, то с задором.

– Не знаю... да... – мне трудно было в это поверить, но факты говорили об обратном! – А кулон? У Кея такой же! Я видела!

– У нас они одинаковые. С детства. Это амулеты, – услышала я отрывистый ответ.

Вот черт, ты попала, детка.

Я выбросила амулет Антона?? По-моему, в этом пока признаваться не стоит. Катя, ты сумасшедшая. Он тебя убьет, честное слово, он тебя саму из окна выбросит.

Так, может, они не близнецы? Может, он обманывает?

Нет, не обманывает. Его мать тоже говорила, что у него есть брат...

– Вы действительно братья? Этого не может быть! Это невозможно! Это невероятно! – закричала я, не осознавая этого.

– Это нормально, хотя я и не хотел, чтобы у меня был такой брат, – сказал парень с горькой улыбкой.

– Он мерзкий, – тут же согласилась я. – А вы... вообще не общаетесь? – прорезалось во мне любопытство.

– Нет. Почему? Ты же с ним встречалась пару раз. Как тебе его характер? – спросил с вымученной улыбкой Антон, которого еще пару минут назад я считала Кеем.

– Ужасный! – воскликнула я, вспомнив самодовольного гнусного блондина.

– Вот видишь. Даже такая милая и спокойная девочка не смогла вынести его, – поморщился парень.

Знал бы ты, что твоя милая умудрилась выбросить, ты бы так ее не называл. Боже, что я натворила? После всего этого погрома и истерики Антон никогда не захочет видеть меня вновь. И это будет его право.

Мы пару минут молчали.

– А, Антон... У тебя есть девушка? – требовательно спросила я, вспомнив слова его родительницы. Кстати, понятно, от кого у его брата такой характер. В мамочку.

– Нет, – удивился он такому вопросу. – А если ты слышала крики матери, то знай – я не буду с кем-то встречаться по ее прихоти. Этим займется... Кей. Может быть.

Кажется, ему все же было не по себе, что я слышала слова его мамы. Антон очень нервный, хотя и скрывает это. Но я же вижу...

– Почему?

– Я думаю, ты все слышала и поняла, – туманно объяснил он, усаживаясь рядом, вытянув вперед ноги и опершись руками о диван. Подумав, парень скрестил ноги.

– Ты будешь встречаться только с тем, с кем тебе самому захочется? – напрямую спросила я. Блондин лишь кивнул.

– Я тоже, – помолчав, выдавила я. – Я тоже, поэтому... я тебя поддерживаю.

– Спасибо. И прости меня, хорошо?

– А? За что? А, ну да...

– Я не говорил. Про Кея. – Он замолчал, собрался с мыслями и продолжил: – Катя, ты знаешь, что такое иметь знаменитого и прекрасного брата? Братика, которого с детства

родная мать любит больше, чем тебя? Тебе повезло: вас трое, и все вы одинаково любимы.

– Томасом, – широко улыбнулась я. – Иногда мне кажется, только им. Ну, еще и Алексеем, бабушкой и дедушкой.

– Я никогда не спрашивал. Твоя...

Я перебила парня, замахав руками – поняла, о ком хочет спросить:

– С ней все в порядке, но иногда мне грустно вспоминать. Давай, сейчас мы не будем говорить на эту тему. Иначе я опять буду реветь.

– Да, конечно. Катя, тебе сильно плохо? Ты так сильно боишься крови?

– Это фобия. Я привыкла. Знаешь, как со мной врачи всегда мучаются? – пожаловалась я. – Например, в школе меня медсестра терпеть не могла. Я постоянно падала в обморок во время прививок.

– Сейчас хорошо себя чувствуешь? Хочешь что-нибудь? – с искренней заботой спросил он, дотронулся до моих волос и провел по ним рукой. Приятно...

– Нет, я ничего не хочу. Я хочу задать много вопросов. Много. Можно?

– Да, – согласился Антоша, – задавай.

– Откуда ты знаешь, что я виделась с Кеем? – тут же прямо спросила я.

– Кирилл сам мне об этом сказал.

– Сам? Он дурак?

– Есть в нем такое, ты права, Катя.

Парень повел плечом, словно бы не хотел говорить об этом.

– Ну, почему, почему он это сделал? – не отставала я.

– Потому что ты мне понравилась, – наконец, ответил Антон мне. А приятно, что я ему нравлюсь! И этому человеку я только что устроила такое... Настоящую бурю в стакане.

– И что?

– Он узнал, что ты мне не безразлична, решил показать свое превосходство. Он так всегда делает. Доказывает, что лучше.

– Вы что, – широко открыла я глаза, – конкурируете между собой?

– Вроде того, – подтвердил Антон. Его улыбка стала злой, как будто бы его раздражал Кей, а может, и он сам себя раздражал. – Кирилл – мамин любимчик, красавец, известный музыкант и все такое.

– Вот как его зовут, – задумчиво протянула я, – Кирилл, значит.

– Из-за того, что ты мне понравилась, Кей тобой заинтересовался. Мне редко нравятся девушки... так сильно. – Парень отвернулся от меня. Я еще больше смутилась от откровенности.

– Я и не знала... что сильно тебе нравлюсь. Ты тоже мне... сильно нравишься, – проговорила я тихо и тут же спросила, сжав руки в замок: – А как же он узнал, что я тебе, ну, нравлюсь?

– Мы не общаемся, но изредка пересекаемся. Он видел нас вместе, – сухо отвечал хозяин квартиры.

– Вот оно как. Я же говорила, что он, Кей, – натуральная сволочь, Антон, а он... он... мне... – чуть не призналась я парню, что его брат мне нравился и... нравится?? До сих пор?

– Что? – не понял парень.

– Он рогатый мозгоед, – все же не стала озвучивать я свои мысли. Я стиснула ладони в замок, чтобы унять дрожь. Думаю, самому Кеечке я не нравлюсь. – Давай вместе проклянем его? И не принимай его действия близко к сердцу.

– Да.

– А еще, – я отвела глаза, – прости меня за то, что я сделала. Мне безумно стыдно.

– Я заслужил. Из-за меня, – он сглотнул, – брат тебя доставал. И, наверное, будет это делать и дальше.

– Ничего, я переживу, – пообещала я, хотя и не была в этом уверена. – А то, что со мной случилось – это шутка что-то вроде аффекта. У меня так пару раз в жизни было. Не понимаю, что делаю, не контролирую себя, злая, как взбесившаяся ведьма... Кое-что даже не помню. Вот же я кретинка, да?

– Нет. Все хорошо, – элегантно поцеловал Антон мое запястье.

Я немного повеселела. Он это заметил и тут же улыбнулся.

– Антош, если ты один в один похож на брата, почему так... одеваешься-то? Почему выбрал такой... м-м-м... стиль? – мучил меня вопрос. – Ты такой красивый, как...

– Как он? – Догадался мой обаятельный собеседник, простивший мою выходку.

– Да. Ты очень красивый. Ты прячешь себя.

– Ты права. Прячу. Чтобы не быть похожим на него, – сквозь зубы выдохнул Тропинин. – Он... он бывает очень плохим человеком. Он играет с людьми, притворяется. Знаешь, сколько масок у него в запасе? Раз – и он с легкостью надевает одну. Два – вторую. Три – и новая маска наготове. Его голову посещают странные мысли, он совершает странные поступки – нормальные люди не будут этого делать, поверь. Говорят, он эксцентричен, потому что все творческие личности эксцентрики, так или иначе. Нет, он не как Сальвадор Дали – не ходит в акваланге и блестящем костюме из синей кожи, но самомнение у него почти такое же.

Я молчала, не желая прерывать странный монолог парня, наполненный горячностью, скрываемой под личиной небрежности и некоторой злости.

– Черт возьми, этот парень ведет себя как мальчишка, возмнив себя мужчиной. Я не могу понять: он максималист или взбесившийся богатый идиот, которому нечем занять голову? Он псих, он настоящий псих. Жизнь – игра, музыка – жизнь. Люди – игрушки, гитары – живые. Его смысл – это музыка. Она для него не развлечение, нет, а часть его самого. Странная позиция, верно? – повернулся ко мне Антон. Глаза его блестели от невыраженных чувств, заполняющих его душу. Наверное, он все же в глубине души любит непутевого брата-эгоиста и хорошо понимает его – близнецы, как-никак.

– И... он никогда не мог нормально общаться со своим братом – со мной. Знаешь почему? Он думал с самого детства, нет, скорее, с подросткового возраста – тут я не прав, что лучше и правильнее делать то, что велит ему мама. А я никогда не хотел следовать ее настойчивым советам. Девочка моя, ты знаешь, как это страшно – потерять себя?

Я помотала головой. Ну и взрослым же Антон сейчас выглядит!

– Я считаю – он потерял. И мать потеряла. Для нее счастье – не мир в семье – это второстепенно, а финансовое благосостояние. Но оно должно быть не просто стабильным, оно должно все расти и расти, и плевать, что у нее и так уже много денег, очень много, даже ее внукам хватит этих денег. Ее цель – обойти всех, стать еще богаче, еще лучше, и ради этой цели она работает, работает и работает. – Горечь в его голосе стала обжигать и меня. – И так не только у моей мамы, понимаешь? Это почти у всех, кто занимается бизнесом. У всех них есть какая-то планка, к которой они стремятся, считая ее целью жизни. Они счастливы только тогда, когда достигают ее. Достигают, а потом тут же повышают, чтобы в жизни появилась новая цель. И планка постоянно поднимается все выше и выше. Понимаешь,

Катя? – он глянул на меня так, что я едва не заревела. – А символ счастья у Кира... Кирилла – управление компанией мамы. И не потому, что он жаден до денег и власти, нет, для него это означает высшее доверие с ее стороны.

Я с тревогой поглядела на парня.

– Такие, как они, все стремятся к иллюзии счастья. На остальное и остальных не обращают внимания.

– Думаешь? – подняла я брови. – У каждого свое понятие о счастье... У них такое.

– Оправдываешь?

– Нет. Пытаюсь рассуждать, – отозвалась я, коснувшись его руки. – Иногда я бываю немного глупа и не совсем понимаю кое-что, но...

– Ты не такая, – вдруг прошептал Антон. – Мне кажется, ты не такая. И твоя семья не такая. Ты словно с другой планеты. И ты мне нравишься этим, – он уже по-доброму улыбнулся, но глаза оставались больными. – Я такой идиот. Я буду требовать наказания у высших сил.

– За что? – серьезно спросила я. Мне не понравился смысл его шутки.

– За то, что не смог завоевать тебя, – не менее серьезно отвечал мой собеседник, и я слегка напугалась его грустного тона.

– Может, смог? – предположила я осторожно.

– Его игра продолжится, и я останусь без тебя. Ладно, я не хочу говорить об этом. Держись от него подальше, Катя, хорошо? – вдруг закончил свою речь хозяин дома.

Я кивнула. Головокружение и боль почти прошли. Наверное, близкое присутствие этого милого парня на меня так повлияли.

– Я понимаю тебя. И что он беспринципный подонок, твой брат, – тоже, – сказала я. – Ему просто охота доказать тебе, что он круче и лучше, но на самом деле ты дашь ему фору на сто очков вперед. Он знает это и старается. А ты... Антон, ты мне очень нравишься, что скрывать? И когда я подумала, что ты и он – это один человек, я хотела умереть. Или убить тебя... его, потому что я верила тебе, и сейчас верю. Я хочу, чтобы мы общались и чтобы у нас было все хорошо. Ты... намного лучше.

– Не говори так.

– Нет, серьезно! Я рада, что хорошо общаюсь с тобой, а не с ним, к примеру.

– Я тоже этому рад, – тихо сказал он.

– Нет, вы так похожи... это просто жестокая схожесть. И как я раньше не понимала... ты мастер маскировки. Тебя фанатки не донимают?

– Не узнают, – усмехнулся брат Кея. – Я и не стремлюсь, чтобы они узнавали меня. Прячусь. Кстати, Катя, не говори Кириллу и его друзьям обо мне. Что ты в курсе наших с Киром отношений. Пусть для них это останется тайной, хорошо?

Я задумчиво пообещала, а потом задала новый вопрос:

– Антон, а почему ты раньше-то не сказал о Кее? Если знал, что он меня достает. Точнее, пытается завладеть моим вниманием странными способами.

– Я думал, ты обидишься или еще что-нибудь в этом духе, – произнес он несмело. – Хотя на самом деле я думаю, что со мной могут общаться только потому, что я брат такой звезды. Считаю меня чудачком – я сторонюсь общения. Я не хотел говорить про Кира. Прости, прости меня за это. Я сделаю все, что хочешь!

Я вздохнула. Нет, надо признаться, что я выкинула некоторые его вещи – в том числе и амулет. Мне так неловко... Мне стыдно!! А раз он говорит, что сделает все, что я пожелаю,

попрошу у него, чтобы он на меня не злился за это.

– Антош, не сердись, но ты кое-чего лишился...

– Чего?

– Я боюсь говорить. Вдруг ты меня убьешь за это. Рассердишься, и...

– Я не буду сердиться, ты что. Я перед тобой очень виноват.

– Я выкинула твой кулон, какие-то фотографии и динозавра... – призналась я скороговоркой. Замерла. Несмело заглянула в его лицо и вздрогнула.

Мне показалось, или он побледнел? Его лицо окаменело, или это игра света и мое субъективное восприятие? Ну, все, сейчас он меня выгонит и скажет, что никогда не захочет видеть. Я сжалась на диване под его внимательным взглядом. Вдруг я ценности выбросила??

– Вот как? – с тяжелым вздохом проговорил Антон, но голоса не повысил.

– Пошли, поищем? – предложила я тут же подхалимским тоном, старательно рассматривая собственную травмированную коленку.

– Нет, все в порядке, – наконец, произнес он. – Раз выбросила – так тому и быть.

– Нет, серьезно, я могу поискать и...

– Катрина, не нужно. Все в полном порядке.

Я ничего не смогла ответить, и Тропинин тоже ничего не стал больше говорить. Мы, как распоследние дураки, молча сидели не меньше получаса и избегали глядеть друг на друга. Мне было очень неудобно.

Да что же это происходит? Что я выбросила? Что я наделала? А может, он чувствует за собой какую-то вину?

Потом Антон, напугав меня, внезапно поднялся и ушел в свою комнату. Вернулся. Также ничего не говоря, принес из бара высокие стаканы, поколдовав немного над ними.

– Возьми, – протянул он мне один из них.

– Спасибо, что это? – несмело приняла я его.

– Холодный чай со льдом. Успокаивающий. Пей.

– Ты злишься, да? – спросила я.

– Нет, совсем нет. Катя, ты хочешь что-нибудь?

– В смысле? – не поняла я, пробуя на вкус прохладную темную вкусную слегка вязущую жидкость, мало похожую на обычный чай.

Прикинь, он туда яда подложил, чтобы с тобой расплатиться?

– Есть или пить, – уточнил он. – Что ты хочешь? Хочешь посмотреть кино или поиграть в видеоигры?

– Нет, – поспешно отказалась я, – ничего не хочу. И не говори пока о еде, ладно? Мне еще немного нехорошо. Ох, уж эта фобия.

– Конечно.

Еще минут десять утомительной тишины. Не могу понять – злится он или нет? Что случилось?

– Катя, – прошептал парень вдруг, опустив голову мне на плечо, но не обнимая.

– Что? – тихо спросила я его, удивленная поведением Антона.

– Я сумасшедший.

– Я знаю... В смысле? – спохватилась я. Что он имеет в виду? Что-то недоговаривает или?..

– Из-за тебя, – кратко отвечал он.

– Мне никто еще не говорил, что из-за меня стал психом, – засмушалась я.

– Значит, я первый?

– Получается так, – согласилась, касаясь щекой его волос, и первой взяла его за руку – накрыла ею его неподвижную ладонь.

– Еще раз прости, – зачем-то сказал он и добавил совсем тихим голосом: – Я трус, кажется.

– Замолчи, – слабо откликнулась я и сама погладила его по голове, легко-легко касаясь волос. – Иначе мне придется признаваться в том, что я дура. Это ты меня прости. Я ведь такое устроила. Я правда сожалею!

– Ничего. Это я виноват, – не желал уступать сокурсник.

– Я сейчас все уберу. Возмещу и все такое...

– Все в порядке.

– Но... – я попыталась было сказать, что мне правда очень стыдно. Меня действительно сжигало это назойливое неприятное чувство.

– Не вспоминай об этом, все хорошо. Не переживай, – проговорил Антон. – Прости меня. Хорошо?

– Ты не виноват... Это я.

– Нет. Я.

И мы замолчали. Я полулежала на диване, он сидел рядом.

Эх, хороша сцена: «Прости меня» – «Нет, ты меня извини». Идиллия. Только идиллии не длятся долго, вслед за ними наступает нечто диаметрально противоположное.

Антон вдруг наклонился ко мне, опершись локтем о диван справа от моей головы. Его лицо оказалось над моим. Во мне что-то словно перевернулось.

– Я пойду домой, ладно? – внезапно сказала я, понимая, как безумно мне хочется вновь коснуться его губ. Я хочу целовать его. Ласково, неторопливо, до головокружения.

– Может, останешься? – он просительно заглянул мне в глаза. – Мне нравится быть с тобой наедине.

Я помотала головой и отстранилась. Он потер лоб.

– Останься. Или... ты меня боишься?

– Нет, конечно.

– Тогда останься.

– Нет, спасибо, – с сожалением отказалась я. – Мне правда пора.

– Почему? Тебе ведь только что было нехорошо, – растерялся он.

– Ты такой красивый, – невпопад сказала я и осмелилась коснуться его щеки. – Очень красивый.

– Не говори мне этого. – Парень поморщился.

– Разве это плохо? – удивилась я. Нога опять разболелась. А может быть, она и не переставала болеть, просто я не чувствовала ничего.

– Быть красивым – прерогатива Кея, – отрывисто отозвался Антон. – Это ты красивая.

– Нет. Это свойство Нинки, – улыбнулась я.

– Твое. Не уходи, – вновь попросил молодой человек.

– Нет, мне надо домой, – заупрямилась я и встала. – Правда, мне уже пора.

Мы прошли в коридор, где Антон, наконец, включил неяркий матовый светильник с зеленоватым отливом – как раз такой, чтобы после темноты глаза не закрывались сами собой от чересчур яркого света, как это обычно бывает, когда из темной комнаты заходишь в чересчур светлое помещение.

– Не провожай меня, хорошо? – сама не зная почему, произнесла я. Мне было грустно – почему, не знаю. Но подозреваю, что из-за этого дурака, его брата. Остаточные явления истерики.

– Почему? – удивленно проговорил он, собираясь обуваться, но я покачала головой.

– Мне надо побыть одной.

– Но я не могу так. Уже темно.

– Нет.

– Ты девушка! – сдвинув брови, воскликнул он, его пепельные глаза стали подозрительными.

– И что? – уже обувалась я. – Я прекрасно доберусь до дома, не волнуйся ты так.

– Я должен тебя проводить.

– Тебе еще убираться, – выдавила я улыбку. – Не надо.

– Тогда я вызову тебе такси, – решил Антон, видя мое упрямство. Я улыбнулась.

– Нет, не надо. Автобусы еще прекрасно ходят, – все с той же вымученной улыбкой отозвалась я. – И в подъезд я выйду сама. В общем, оставайся дома.

Я не хотела слушать его возражения, поэтому быстро собралась и, неожиданно ловко уклонившись от возможного поцелуя, быстро выбежала, помахала ему и, не дожидаясь лифта, поспешила прочь по лестнице, касаясь руками причудливых узорчатых перил.

Я не сдержалась и, перед тем как дверь квартиры Антона скрылась из моего поля зрения, оглянулась. Сердце мое слегка сжалось – парень так и стоял в проходе, опустив голову так, что волосы закрывали глаза, держась руками за косяки, потерянный и опустошенный.

Прости, Антош, я не знаю, что со мной сейчас. И кто мне сейчас нужен.

Я быстрее побежала по лестнице, слыша свой глухой топот, а на глаза наворачивались непрошеные слезы.

Истеричка. Однозначно, истеричка.

Я не знаю, что со мной.

А я знаю!

Что же?

Просветить?

Да.

Ты обрадовалась, что все-таки интересуешь Кея. Ты хочешь к нему, правда? Признайся, милая, ага?

Это неправда!

Антон-то тебя меньше интересует, ха-ха-ха!

Неправда, говорю же, это неправда.

Ну, уж сама себе не лги, милочка. Не лги, говорю! Себе врут только сумасшедшие.

Все, хватит думать на эту тему. Хватит!!

К тому же тебе стыдно перед Антоном за свои мысли относительно господина Кея. Ну и стыдливая же ты, Нинка знала бы – умилилась!

Я пулей выбежала из подъезда, под пристальными взглядами охраны, привыкшей к тому, что жители и гости этого дома ходят размеренным и важным шагом.

По улице я тоже почти бежала, чуть прихрамывая и терпя саднящую боль, перерастающую в настойчивый жгучий зуд, все дальше и дальше от этого странного дома, в котором квартиру в стиле хай-тек я немного разгромила... Следом за мной вприпрыжку

неслись господа Страх и Стыд, таща за обе руки госпожу Неуверенность.

Прости меня, Антон.

Полтора следующих дня прошли относительно тихо и неярко. Мне словно было дано время обдумать сложившуюся ситуацию, с виду банальную и почти неконфликтную, но для меня совсем непростую. А думать на тему Антон-Кей, он же Кирилл, я не желала. Мне было гораздо интереснее размышлять о бытовых проблемах, учебе, о негативном отношении Нинки к Келле, которая подозрительно часто вспоминала бедного парня, а также его дальних родственников, или даже о том, что моя Настя умудрилась, наконец, найти себе идеального, по ее меркам, парня: красавца-блондина с огромными синими глазами и огромным состоянием. Жаль только, что у него уже была законная супруга – об этом подруга узнала только на третьем свидании. Тогда же она уверилась, что идеальных мужчин не бывает.

В общем, в моей голове включился защитный механизм от нежелательных дум. Нога у меня довольно быстро заживала, почти не болела, но иногда я замечала, что, кажется, слегка начинаю хромать. Это заметила и Нинка, и ей пришлось объяснять, что я якобы порезалась о разбитый плафон в студии Томаса. Он, кстати, тоже умудрился заметить, что колено у меня перебинтовано и самолично на следующий день сменил повязку, правда, она у него получилась кривая и косая, поэтому перебинтовывал меня ворчащий Леша, как всегда, опаздывающий на какую-то крайне важную светскую тусовку. Когда-то у него был роман с девушкой-врачом, вернее, одновременно с двумя такими девушками, поэтому в медицине он понимал немного больше папы.

Зато потом со мной вновь приключились довольно-таки глупые события – именно в то самое время, когда Ниночка и ее Келла должны были посетить навязчивую старушку Эльзу. Келла чувствовал себя вроде бы хорошо, говоря, что это пустяк, но повязку с его головы никто снимать не собирался, даже он сам. Поэтому подружка очень переживала по поводу того, как в таком виде парень предстанет перед тетушкой и как она отреагирует на синеволосого. Понравится ли ей новая его прическа? Или пожилая женщина разочаруется в нем?

А еще ударник нервировал подругу тем, что постоянно выпрашивал ее о местоположении временно затихшего Бабы Яги, потому как очень уж хотел поговорить с Валерием на пару крайне интересных тем.

– Сходи со мной в гости, хоть заговоришь с ним тогда, – отвечала ему по телефону Нинка, постоянно забывая прибавлять слова «милый» или «дорогой». Келла же, напротив, не забывал все время называть девушку Королевой. Сначала Нинке это нравилось, да потом стало надоедать, а в последние два дня вообще выбешивало.

– Какая я ему королева, дрозду поганому? – триндела она мне под ухо все три пары в пятницу – этот день был относительно легким, так как не было семинаров. – Я что, старая такая? Почему не принцесса-то?

– Успокойся, Нин, – неизменно говорила я ей.

– Ага, успокойся! С ними, мужиками, успокоишься!

Ее тихий возглас достиг чутких ушей преподавательницы английского языка, которая крайне ревностно относилась к своим занятиям.

– Журавль, не могли бы вы вести себя тише. Я, как-никак, объясняю новую тему. Я понимаю, что вы умная и все знаете, но все же ведите тише, иначе я попрошу вас покинуть аудиторию.

– Да-да, извините, – тут же добреньким голоском прощбетала подруга, а как только

препод отвернулась, прошипела: – Я-то умная, а ты – дура тупая. Объясняет как попало, еще и выпендривается. Языка не знает, но лезет.

После пары утомительного иностранного должна была состояться последняя лекция, посвященная истории изобразительных искусств, о которых я и так ежедневно слышала дома от Томаса, а также от его многочисленных творческих друзей, каждый из которых мнил себя знатоком всего, что можно было. Краб, например, решивший остаться у нас погостить (в отместку, видимо, из-за того, что родственники потревожили его дачный покой), рассказывал все, чтобы было связано с литературой. Он каждое утро и вечер такие монологи устраивал, что волей-неволей приходилось их слушать и даже головой кивать изредка. Потому что если этот горе-писатель видел, что его никто не слушает («нет обратной отдачи»), то начинал еще более нудным тоном рассказывать все заново.

Сейчас слушать об истории искусств эпохи Возрождения мне совершенно не улыбалось, поэтому я предложила Нинке сбежать с пары, на что она, крайне раздраженная из-за Келлы, ответила из вредности:

– Прогул? Нет уж, Катенька, никаких прогулов. Мне, например, интересно послушать про Микеланджело, Боттичелли и Леонардо да Винчи.

Пришлось нам еще полтора часа сидеть в университете, хорошо еще, что преподавательница не только рассказывала, но и показывала нам слайды и фильмы об искусстве той далекой эпохи. Зато, когда мы вышли из аудитории, ослепленные ярким светом после просмотра кино в полной темноте, подруга тут же заспешила к Эльзе и унеслась, оставив меня одну.

Надеюсь, с Эльзой Нинке повезет, иначе она будет обвинять в неудаче весь мир, а слушать все ее злобные претензии буду я одна.

Я поболтала с одногруппницами и сходила с ними ради разнообразия в столовую, где они принялись выпрашивать у меня подробности расставания Ниночки и Сеточкина, узнавать про мою личную жизнь, рассказывать о своей, а также весело сплетничать и обсуждать последние новости. И только после этого я направилась на остановку. К моему облегчению, студентов на ней было не слишком много, так как было довольно поздно, и основная их масса уже уехала.

Нога продолжала слегка болеть, а повязка мешала нормально разгибать колено. Зато настроение у меня было мирное.

Автобус подошел достаточно скоро, к тому же он был полупустым, и я сразу же нашла себе удобное одиночное местечко в самом его конце. Хотела под шум мотора и виды города в наступающих сумерках обдумать то, что произошло со мной в самом недавнем прошлом: о том, от чего я убегала в последнее время и о своих чувствах к Антону и его братику. Что-то в происходящем было не так, и, скорее всего, это «не так» было именно со мной. Но моим думам помешал настойчивый писк телефона, подаренного мне Кеем – я так и не нашла в себе силы избавиться от милого кнопочного телефончика. То пользовалась им, то не пользовалась.

– Алло, – устало произнесла я. Вновь незнакомый номер. Интересно, кто это опять? Может быть, Его Высочество? Его-то я давненько не видела, Кирилл не подавал никаких признаков жизни. Нинка упоминала, что, по словам Келлы, Кей и Филипп уехали по своим музыкальным делам в Питер.

А может быть, это Антон? С ним я переписывалась и даже разговаривала по телефону, но пока в университет он не приходил, ссылаясь на работу.

– Добрый вечер, Кэт, – услышала я, к своему удивлению, негромкий и знакомый голос, мягкий, чуть вкрадчивый и совершенно спокойный.

– Арин? – произнесла я удивленно. – Это ты?

– Я. Ты свободна? Можешь говорить?

– Да, а что? Что-то случилось? Откуда у тебя мой номер, ведь...

– Это неважно. У меня немного времени, извини, что перебиваю, – несколько извиняющимся тоном произнес музыкант и, чуть подумав, задал странный вопрос: – Ты сейчас одна?

– Одна. Точнее, в автобусе, и тут есть люди, естественно, – не понимая, что ему понадобилось, произнесла я.

– Я имел в виду не то. С тобой рядом нет твоих знакомых? – уточнил Арин. – Например, подруги. Или того парня, с которым я видел тебя в торговом центре?

– Нет, – сухо отвечала я, – мы пару дней назад расстались и больше не виделись.

– Расстались? Вы, – удивленно спросил он, – все-таки встречались?

Я слегка смутилась – хотела бы я этого, но можно ли считать пару встреч за то, что мы являемся парой?

– Нет, я имела в виду то, что мы распрощались и разошлись по домам.

– Хорошо, понятно. Кэт, я хотел тебе кое-что сказать. Понимаешь... м-м-м...

Что? Признаться в любви? Ну, что ты замолчал? Не томи меня, мне и так не слишком хорошо – проклятый осадок до сих пор терзает душу.

– Что, Арин? – со вздохом переспросила я. Нет, точно знаю, что не услышу таких слов от этого парня. Кажется, в его сердце надолго и очень прочно вселилась Алина. Да и не нужно мне такое признание, что я буду с ним делать?

– Кэт. В тот раз я сказал тебе неправду, – услышала я его ответ.

– В смысле? – не поняла я, чувствуя какой-то подвох.

– В прямом. Я был зол на Кея, поэтому намеренно очернил его в твоих глазах. – Однако в голосе парня не было ни тени раскаяния, а может быть, я не улавливала этого – так хорошо он прятал эмоции.

– В смысле? – протянула я. – Арин, я тебя вообще не понимаю.

– Сам себя не понимаю. Иногда, – сказал он, и мне почудилось, что он невесело улыбается. – Кэт, не оставляй Кея одного – ты ему нужна.

– Что?

– Его характер непрост, но не игнорируй его.

– Что-что? – чуть громче повторила я все тот же вопрос.

– Ты правда ему нравишься, – отстраненным тоном произнес длинноволосый музыкант.

– Я? Кею? Арин, что ты несешь? – и я горько засмеялась. Музыкант вздохнул.

– Кэт, это странно – признаю. Кей пренебрежительно относится к женщинам. Но ты чем-то зацепила его. Ему плохо без тебя.

– Нет, ты не прав, я совсем не нравлюсь этому дураку. И терпеть его не могу! Он эгоист до мозга костей! – закричала я, а потом, опомнившись и поймав укоризненный взгляд старушки-пассажирки, сидевшей через кресло, замолчала, переваривая только что полученную информацию, которая была полной противоположной той, что «дал» мне пару дней назад Антоша в порыве вынужденной откровенности.

– Он эгоист, но хочет быть с тобой. Позвони ему сегодня же. Прошу.

– Да ты что? Это он тебе попросил, да? – тщательно контролируя громкость голоса,

заговорила я тихонько в телефон.

– Нет, поверь, Кэт, я не буду делать что-то глупое по его просьбе, даже очень настойчивой, – отозвался молодой человек. – Я давно знаю Кея, и знаю, нужно ли его слушать или нет.

– Но зачем тогда ты звонишь, говоришь мне все это? – не понимала я, и это непонимание начинало немного злить.

– Я вижу, как он мучается – сам из-за себя, – задумчиво произнес он. – Я знаю, он тебя достает, но это всего лишь проявление его симпатий. Он эксцентричный человек.

Я тут же вспомнила слова Антона о своем брате. Тот тоже говорил об эксцентричности.

– Симпатий? Позвонить в четыре часа утра – это симпатии? Шантажировать? Унизить или оскорбить – это тоже...

Он вновь мягко перебил меня. И как только у бас-гитариста получается это делать так, что я совсем не обижаюсь на него за это?

– Кэт, Кей – как мальчишка. Дергает девочку, которая нравится ему, за косичку.

– Как-то странно он дергает, не находишь? – обиженно пробурчала я. – Я скоро лысой останусь. Он волосы с корнями выдерет.

А может, обольет голову кипятком – говорят, на ожогах волосы не растут.

– Нахожу. Кэт, но он ждет тебя. Позвони ему.

– Зачем тебе это нужно, Арин? Хочешь, чтобы он бросил Алину? – неожиданно догадалась я, и от этого у меня похолодело где-то в области сердца. Неужели и этот парень любит глупые интриги? Просто не музыкальная группа, а итальянский королевский двор, где мерзавец Кей – король, Келла – его ближайший помощник, а Арин – серый кардинал. Только вот я никак не тяну на фаворитку Его Величества. Вот Алина... Да что же я все про нее думаю?

– Так что там с Алиной? – спросила я недовольно. – Из-за нее?

Арин странно хмыкнул.

– Отчасти. С ней очень трудно... – не пожелал распространяться он на эту тему. – Но есть еще пара причин. Наш солист не может сосредоточиться на музыке. У него проблемы с менеджером. Он устраивает скандалы. Вчера напился. Приехал и напился.

Это что, из-за меня с ним такие чудесные метаморфозы происходят? Что-то не верится мне, будто все это из-за меня. Антон говорил о Кее немного другие вещи.

– Останови его, Кэт, – продолжал длинноволосый мягким тоном. – Ты можешь. К тому же мне, как его другу, больно на него смотреть. И не только мне.

– Остановить? – воскликнула я. – Да он меня презирает! Решил поиграть! Ты все путаешь, Арин! Его брат мне все про Кея рассказал.

– Кто? – не понял Арин с великим удивлением.

Блин, Антоша же просил меня не говорить о нем в присутствии Кея и его друзей! Что у меня за язык!

– Да я так.

– Ты общалась с его братом? – удивленно произнес парень и вдруг усмехнулся: – А-а-а, вот что. Представляю, что его брат наговорил.

– Представляешь? – переспросила я.

– У мальчиков Кирилла и Антона всегда были большие проблемы в общении. Хотя они и близнецы. Сколько помню, они... Ладно. Неважно. Мне пора. Дела. Перезвоню тебе позже, мне приятно с тобой разговаривать. До встречи, Кэт, – заторопился Арин, но вдруг сказал: –

Передавай привет тому, кто тогда был с тобой в «Августе».

– Передам, – машинально согласилась я, но тут же опомнилась: – Арин! Арин, ты хорошо знаешь брата Кея? Зачем ты хочешь, чтобы я передала ему привет?

Частые гудки были мне ответом. Он уже не услышал этих слов.

Они знакомы? Антон и Арин? Но это неудивительно, если Кей и Арин – друзья. Но что-то я не вижу их дружбы, или она какая-то необычная.

Что происходит?

Кому мне верить? Антону или Арину?

Кей играет со мной или?..

Я не мигая глядела на темную улицу, освещенную тысячами огоньков, но среди причудливых сплетений света я не находила ответа. Единственное, что я нашла – свою собственную остановку, к которой автобус весело и феноменально быстро приближался.

Не понимая, что происходит, я вышла из общественного транспорта в такой задумчивости, что едва не упала на ровном месте, подвернув все ту же ногу. Почти зажившую, кстати. Автобус, чихнув темно-серым выхлопом, понесся дальше, а я, отделившись от небольшой толпы, побрела к своему дому. Все окна квартиры – а их отсюда прекрасно было видно – освещены, значит, родственники дома. А судя по тому, что на балконе, кажется, стоят два человека, у нас еще и гости. Почему я так решила? Ни Томас, ни Леша не торчат на балконе, тем более вдвоем. Обычно это место занимают курящие...

Не хочу гостей – хочу спать, хочу, чтобы все перемоталось на месяц назад, чтобы я знать не знала ни Кея, ни... Антона бы я знала, но не стала бы с ним близко знакомиться!

Ну что же со мной такое? Какой идиотский характер, какие противные мысли. Катя, ну какая же ты зануда. Права Нинка, ох как права. Забей ты на всех, хватит рефлексировать по поводу и без. Долой мысли!

Я поглубже вдохнула и подняла голову к темному небу, с востока окрашенному неведомым художником в густо-фиолетовый цвет, зато на западе еще светло-синему. На нем появились первые звезды, а вот луна, напротив, спряталась за очередной тучкой, показывая тем, кто, как и я, сейчас глядел в небесную ночную даль, лишь отблески своего желтого таинственного света.

– Екатерина! – услышала я незнакомый голос и, не думая, что обращаются ко мне, даже не стала оборачиваться – так и продолжала идти и разглядывать небо. Единственное созвездие, которое я знала, – Большая Медведица. Кажется, там, чуть левее от луны, оно как раз и явило свой лик ночи...

– Катя! Катрина! – раздавалось все ближе и ближе. – Подруга Нины!

Едва услышав этот вопль, я обернулась, сразу же забыв о Медведице, о звездах и о небе. Кто это еще??

Ответ я узнала быстро. Прямо передо мной, улыбаясь, как Санта-Клаус, стоял господин с милейшим прозвищем Баба Яга и покручивал в ловких пальцах ключи от своей дорогой блестящей машины, припаркованной тут же, рядышком.

– Привет, Катя! – излишне дружелюбно сказал Валерий. Он открыл было рот, чтобы что-то еще добавить, но я развернулась на сто восемьдесят градусов и на всех парах понеслась к дому. Мало ли что в голове у этого чокнутого на почве любви к Нинке? После нашей последней встречи, когда он шандарахнул бедного Келлу по башке, я стала Бабу Ягу побаиваться. Вдруг ему и меня захочется угостить бутылкой по голове или познакомить свои кулаки с моим лицом, к примеру? Я не парень, такого не переживу, сразу на две части

развалюсь после первого же удара.

– Постой! – поспешил за мной Валерий тут же. – Мне нужно только спросить...

Что там Баба Яга хотел разузнать, я так и не поняла – побежала быстрее. Ну, Нинка! То Папа, то Сеточкин, то Баба Яга меня достают!

– Катя! Я тебя специально ждал!

Кавалер подруги прибавил газу и начал стремительно меня нагонять. Господи, он что, меня убить хочет? За что? Неужели тоже к Нинке... приревновал?

Точно, считает, что у вас отношения такие... не такие, короче!

Я хоть и не слишком быстро всегда бегала, но в этот раз сумела оторваться от преследователя – видимо, страх придал мне силы. Я даже боли почти не чувствовала в колене! Только около подъезда я замешкалась: ключи никак не желали находиться на дне сумки. И это обстоятельство сыграло на руку подоспевшему Бабе Яге.

– Катя! – парень приблизился ко мне с широченной улыбкой, которой мог, несомненно, научиться только в дурдоме. – Вот мы и встретились.

Я резко обернулась и стала озираться по сторонам. Как назло, никого во дворе не было! Совсем никого! Что это он на меня так смотрит, как будто у меня отросла длинная борода, и я превратилась в доброго волшебника, у которого ему, Бабе Яге, не влом попросить исполнения желания?

– Что вам надо? – отошла я на шаг назад. Надо же, так вляпаться! Мне определенно этой весной не везет!

– Можешь звать меня на «ты». К чему такая официальность? Мы же друг друга давно знаем, – тем временем отвечал Валерий, старательно мне улыбаясь. Интересно, у него есть какая-то особенная ниточка за ушами, которая натягивает рот в улыбке?

– Ну... – протянула я. Уж не знаю, как мы друг друга знаем, но то, что мы часто виделись – это факт. Вот только на меня обычно этот парень обращал внимания не больше, чем на голубей, в избытке обитающих в нашем районе. Он всегда только на Журавлика смотрит с немым обожанием: точь-в-точь как Данте на несравненную Беатриче.

– Как у тебя дела? – решил завести разговор Данте современности тем временем, не видя моего замешательства, а речь при этом у него была такая непринужденная, что я просто не могла не ответить:

– Нормально все...

– И у меня все хорошо, – ответил на вопрос, которого я не удосужилась задать, этот сумасшедший. Интересно, у него-то сколько тараканов в голове? Три десятка? Или целые стада особенных, костных, по всему телу пасутся?

– Я рада, рада, что хорошо.

– Хотя, на самом деле, Катюнь, не так уж и хорошо, как могло бы быть, – по-свойски продолжал Валерий, опершись рукой на стену рядом со мной и нависая как скала над бедной маленькой Катей, которую ни разу в жизни не называли Катюней. Екатериной, Катриной, Катериной, Катькой, Катечкой, Катенькой и даже Кэт – да, но Катюней...

– А что такое? – нашла в себе силы спросить я, отодвигаясь подальше.

– Из-за Ниночки, моего милого солнышка. Да ты и сама все знаешь! Напали на меня вдвоем, трусы! – возопил вдруг он. – И где? В зоопарке! В месте, где собираются дети и женщины! Использовали грязные приемы, навалились на меня вдвоем!

Я с еще большей опаской на него покосилась сквозь спутавшиеся волосы, упавшие на лицо. Это он сейчас придуривается или считает, что так на самом деле и было? Если верен

второй вариант, значит, Баба Яга все-таки действительно болеет какой-то загадочной психической болезнью, а может быть, он употребляет какие-нибудь наркотические препараты, и зря я грешила в этом на Кея и Келлу, этих двух злодеев, «коварно выследивших Валерия и напавших на него в зоопарке»?

– Подонки! – воскликнул он, почему-то напомнив мне Жириновского. – Глаза его, кажется, смеялись.

– Ужас просто, – пробормотала я, – какие нехорошие.

– Я рад, что ты меня поддерживаешь! – а он умеет изощренно издеваться, скажу я.

– Ага.

– Я этим двум тварям припомню... как издеваться надо мной... Кхм. – Валерий пытливо уставился на меня и замолчал.

Интересно, может, он таким образом, подкатывая ко мне, местонахождение Келлы и Кея узнать пытается, чтобы разыскать парней и отомстить им? Например, как следует отпинать с охраной или той же розочкой разрисовать их лица прекрасными кровавыми узорчиками?

– Катя, мне нужна от тебя всего лишь одна вещь! – молитвенно сложил руки перед собой Валерий, подтверждая мои мысли. Действительно, хочет от меня что-то.

– Какая? – еще сильнее вжалась я в холодную стенку. А если он, душевнобольной, попросит сейчас что-нибудь вроде ключика к сердцу Нинки, что я ему отвечу? Что мол, Нинка у нас что-то вроде современного Коцея Бессмертного и хранит свой ключик в страусином яйце в сундуке у меня дома? Может, пока не поздно, звонить в милицию или орать, что убивают? Нет, скорее всего, этому сумасшедшему нужна только информация о врагах. Хоть Кей и Келла те еще придурки, но мир без них будет скучнее. Имею в виду, что вдруг Валерий их все же пришить захочет ради отмщения себя, милейшего?

– Мне нужно знать... – задумчиво почесав голову, начал молодой человек.

– Я поняла, что ты хочешь, – перебила я Валерия смело.

– Поняла? Как? – очень удивился он.

– Логически помыслила, для чего ты будешь меня искать.

– Да? Вот же странность. Ну ладно. Мы ведь с тобой почти что друз...

– Я не знаю, где они! – второй раз перебила я Нинкиного назойливого ухажера, сама про себя молясь, чтобы он не разозлился на мое поведение.

– Как так не знаешь? – удивился он, но не рассердился, слава Богу.

– Вот так! – торопливо ответила я, думая о том, что не выдам ему музыкантов группы «На краю», потому что поклонники не простят мне, если этот персонаж с фольклорной кличкой убьет ребят, побьет или просто испортит лица шрамами. Если Кею изуродовать харю, он не переживет и точно спрыгнет с крыши.

– А если поискать? – не принял «нет» за ответ мой собеседник.

– Я не знаю, где искать, – сглотнула я. – Правда.

– Как не знаешь? Обычно люди для этого определенное место имеют...

– Место? – имеет в виду, что каждый имеет место, где можно отлежаться?

– Они в твоей квартире, это точно, давай поищем, – любезно предложил парень. – Я тебе помогу.

Издевается, что ли? В моей квартире?

– А что им делать в моей квартире? – искренне изумилась я. Неужели Валерий думает, что я живу вместе с Келлой и Кеем или прячу их у себя? Вот же дебил!

– Находиться, что делать, – пожал мощными плечами Валерий и немного отстранился от

меня, но руку не убрал. – Катюнь, они ведь точно у тебя дома должны быть, лежат себе где-нибудь в укромном местечке. Я один раз под кроватью нашел. Там прятались-валялись...

Мне тут же представилась собственная незаправленная постель, на которой, прикрывшись пуховым одеялом в большой розовый цветочек, возлежит полураздетый испуганный Кей с испуганными глазками, а из-под кровати торчат трясущиеся босые пятки не менее испуганного Келлы. «Мы прячемся в укромном местечке», – сообщают эти двое, когда я вхожу в комнату, дружным хором.

Несмотря на серьезность ситуации, я расхохоталась.

– Что смешного? – мрачно поинтересовался Валерий, подходя ближе. – Мне кажется, что ты меня обманываешь. Их не может не быть.

Если он меня ударит (а ведь он может, наверное, это только Ниночке не надо бояться Валерия), я тут же скончаюсь от страха и ужаса! Ну, за что мне ужасное время? Кей, Антон, Арин и так перемешались в моей несчастной голове, и их образы до сих пор кружатся в ней, как полупрозрачные мотыльки, не оставляющие в покое мой разум, так теперь еще один псих выискался, чтобы попортить мне жизнь!

Но Валерий повел себя еще безумнее, чем я могла предположить.

– Катечка, милая, красивая, умная, любезная, превосходная, загадочная, – залез безил вдруг Баба Яга, заставив меня широко открыть рот. Он что, решил переквалифицировать свое полубезумное чувство страсти и любви в сторону моей скромной персоны?

– Хорошая, прекрасная, обаятельная, умная...

– Вы... ты это уже говорил, – прервала я Бабу Ягу чуть испуганно.

– В самом деле? Про умную или про обаятельную? – озадачился молодой мужчина. – Не важно. Дорогая моя подруга! Проси что хочешь!

– Я ничего не хочу, – осторожно ответила я. Во-первых, лихорадочно припоминая, как давно успела стать «подругой» Валерия, а во-вторых, поражаясь такой его щедрости. А что, если у него ногу попрошу отрезать? Или чек на миллион долларов? Хотя, про ногу мне больше нравится.

– Нет, возьми все, что хочешь, – дружелюбно произнес он. Как же его прижало Келлу с Кеем найти! Но почему его тупая голова думает, что они у меня в доме?

– Да я, собственно, ничего не желаю, – вынуждена была я отказаться, хотя хотела бы очень многое. Телефон, например, а этот бы с чистой совестью вернула бы мерзкому Кею, который издевается надо мной, чтобы насолить братцу. А еще я ноутбук хочу собственный, огромные наушники и присмотренные серьги и кольцо с россыпью бриллиантов и сапфиров. И миллион долларов и свой особнячок.

– Как так? – явно расстроился молодой человек. – Екатеринка, в этом мире все что-нибудь да хотят!

Я хочу счастливой любви, к примеру, но ведь ты же мне этого не дашь, верно? Вот чего ты прицепился? Совсем ролики за шарик заехали?

– Да не знаю я, где они бывают и живут! У меня их явно нет! Стопроцентно! И не будет. Я вообще в первый раз увидела их в «Животном мире»! – не выдержала я, уже чуть не плача от обиды.

– Ты о чем? – обалдел Баба Яга.

– Ну, о тех парнях, – проямлила я.

– Каких? – еще сильнее удивился он, и я поняла, что сморозила глупость. Кажется, Нинкин кавалер не ищет встреч с недавними противниками. Но что ему тогда надо?

– Да это я так... предположила, – я отвела глаза. Зато за Кея можно не беспокоиться. Ну, и за Келлу, конечно.

– Так ты неправильно предположила, – рассмеялся собеседник. Дай мне, пожалуйста... – проникновенно произнес Валерий, глядя мне в глаза, и замолчал.

– Что??

– Дай мне, пожалуйста, фотографию, – наигранно стеснительно попросил Баба Яга.

– Зачем? – от удивления у меня охрип голос.

– Очень надо. В одно место с ней сходить хочу, – так же застенчиво проговорил русоволосый обладатель шикарной машины и малого количества мозгов.

– В какое еще место?

Мои глаза сами по себе широко открылись. Мне кажется, или с Валерием на почве несчастной любви и драки с конкурентом совсем плохо сделалось?

– Ну, в такое, – не стал распространяться про таинственное место парень, – ты, Катюша, только фотографию дай, а?

Одно место... туалет, что ли? Какая глупость. Он что, хочет с моей фотографией в туалет пойти? От таких мыслей, с одной стороны, было дико смешно, а вот с другой – очень неприятно. По-моему, недавней тихой ночью Валерию дятлы в голове дыру продолбили, а галки мозг унесли, иначе с чего бы он такие, мягко говоря, странные вещи мне говорит?

– Екатеринбург, мне неловко говорить. Это занятие не совсем достойно нормального мужчины, – задумчивым тоном говорил молодой человек.

Еще бы! С чужой фото по всяким сортирам ходить, да еще и вслух это говорить бедным девушкам – не есть ли это отклонение от нормы?

– Но тут такая ситуация... Ну, ну неловко все-таки, но, говорят, действует. Обещают стопроцентный результат.

Я, затаив дыхание, глядела на Бабу Ягу.

– Дай мне снимок Ниночки, где она в хорошем настроении и крупным планом, очень прошу, – выпалил на одном дыхании он. – Неважно, цифровую или обычную.

– Чего? – окончательно почувствовала я, что такое нести на себе ярмо «дура».

– Ниночкино фото.

– А разве у тебя нет?

– Есть, – согласился он, – но на всех фото, что есть у меня, любимая не такая, какая должна быть.

– Но зачем снимок у меня брать? – перестала я понимать происходящее.

– Ты ее близкая подруга, – отвечал Валерий, – у тебя наверняка есть.

– И для каких целей-то он нужен?

– Нет, я понимаю, что это странно. Но надо же все способы опробовать, – здесь он наклонился к моему уху, опасаясь, видимо, что невидимые духи на пустынном дворе услышат его признание.

Однако духи все же материализовались – хлопнула дверь подъезда, раздались шаги, и кто-то осуждающе зацокал языком.

– Милуемся, значит, – услышала я вдруг за спиной надтреснутый, но уверенный голос Фроловны. Мы с Валерием одновременно обернулись. Перед нами стояла, уперев руки в боки, сама бабка свет Фроловна, а также престарелая жена председателя и еще какая-то старушка, которая каждый вечер выгуливала своего большого черного кота на поводке. Одновременно со своим меланхолическим котиком пожилая женщина выгуливала и своего

внука, маленького и инфантильного Ванечку.

– Мы не милуемся! – я отпрянула от Валерия. От такой перспективы меня даже немного затошнило. Ему же стало смешно.

– А то мы не видим, – закудахтала Фроловна.

Естественно, не видите!

– Это, конечно, не наше дело, – несколько брезгливо меня оглядывая, произнесла бабка с котом, который, по-моему, очень сильно хотел домой – такой тоскливый и замученный у него был взгляд, – но иметь четырех мужчин одновременно – это чересчур для такой молоденькой девушки.

– Да вы ничего не понимаете! – топнула я ногой от бессилия что-либо им объяснить.

– Мы-то понимаем. Отцу до тебя дела нет, мать смоталась к слонам, бабушка одна приличная, да и то в другом городе, – поджала сухие губы Фроловна. – А ты и рада без присмотра вытворять такое, пока папаша в своей секте. Да в наше время!..

– Семейка разврата и порока...

– Мы себе этаким безобразности не позволяли...

– Безбожники и отступники от православной веры...

– Чтили...

– Дамы, дамы, – вмешалась культурная жена председателя, – ну зачем вы так? Может быть, Катя и этот молодой человек просто друзья?

– Ага, друзья-целовальники, – ядовитым хором сказали бабки и, одарив меня осуждающими взглядами, будто я Родину предала, пошли во дворик. Кот и Ванечка пессимистично взглянули на меня и поплелись вслед за добренькими бабушками.

Валерий, до этого молчавший, беззаботно засмеялся. Его изрядно позабавила эта ситуация. По-моему, он больше прикидывается идиотом, чем есть на самом деле.

– Четвертый, значит? Это ты мою Ниночку, что ли, беспутством... м-м-м... некоторым заразила?

– Конечно, – огрызнулась я, злясь на престарелых соседок за то, что они так не вовремя появились, и одновременно открывая дверь, ключ к которой нашелся на самом дне сумки.

Четверо парней!

А этот идиот еще и Нинку приплетает! Да знал бы он, сколько у нее парней было, и скольким она ради удовольствия мозги проедала!..

Я скрылась в подъезде, вся красная как рак. Что за насмешка судьбы, у меня ведь, можно сказать, было лишь немного Антона, а после того, что я ему устроила, теперь и вовсе не будет, а тут эти выжившие из ума старушки утверждают, что у меня четыре друга. Ирония судьбы!

– Екатеринка, – позвал меня Валерий, который, как оказалось, зашел следом за мной, – ты фото-то мне дашь?

– Не дам я ничего, – не собиралась я подставлять Нинку. Представляю, какой грандиозный скандал меня ждет, если подруга узнает о чем-то подобном. К тому же Бабу Ягу я почти перестала опасаться.

– Очень прошу тебя, – не сдавался ее поклонник, которого я уже не боялась, а тихо ненавидела.

– Я не дам фотографию, – твердо сказала я, нажала на кнопку вызова лифта, быстро села в него, пока Баба Яга не опомнилась, и поехала вверх, на свой родной двенадцатый этаж, слушая недовольный кашель мотора и его недовольные, едва ли не предсмертные

хрипы. Несчастный жаловался мне на то, какие тяжести ему приходится поднимать.

– У всех свои проблемы, парень, – вздохнула я. Надо же, чуть-чуть пообщалась с Валерием, так стала уже с лифтами беседовать.

Когда его дверки распахнулись, я первым делом вместо долгожданной площадки двенадцатого этажа, увидела чуть запыхавшуюся физиономию Валерия, которая радостно и одновременно просительно маячила передо мной. Как я говорила, этот парень был не на много выше меня, поэтому я едва не столкнулась с Бабой Ягой нос к носу.

– Ты чего? – отпрыгнула я в сторону. Какая же я ловкая в случаях опасности – загляденье! А то, что этот дебил несет какую-то угрозу, я нисколько не сомневалась.

– Дай, пожалуйста, фотографию? – все с той же улыбкой попросил он. – Я ее верну, честное слово. Прямо сегодня. Главное, чтобы на ней Нина улыбалась. И была реально счастлива.

– Отстань. Слушай, у меня нет никаких фотографий, – выдохнула я, жалостно глядя на собственную дверь.

– Катюша, я выполню любое твое желание! Просто дай фото моей любимой. Я ведь всего лишь хочу сделать нас...

Дальнейшую его пламенную речь я перестала воспринимать, зато прислушалась к шуму за собственными дверьми. Кажется, именно в нашей квартире играет громкая музыка, кто-то смеется, веселится и, кажется, даже поет. Навалило, блин... гостей. Как же мне надоело приходить домой и встречать там непонятно кого и непонятно в каких количествах.

– ...поэтому мне очень нужно фото счастливой Нины, – закончил тем временем мой спутник, которого я, будь мужчиной, спустила бы по лестнице.

– Нинка не любит фотографироваться, – слабо соврала я, обдумывая, как проникнуть теперь домой и избежать попадания в квартиру этого субъекта. Уйти в магазин и убежать через второй вход? Или пойти сразу к Нинке домой? Пусть сама прогоняет Бабу Ягу свою помешанную. А у меня и без него проблем выше крыши.

– Она очень красивая, – тут же нашел железный аргумент Валерий, – красивые девушки любят камеры.

– Нинка не такая, – неуверенно сообщила я, хотя подруга просто обожает фотографироваться у профессиональных фотографов – снимков с сетов у нее дома до фига и больше, – и выпалила: – Слушай, мне тут в магазин забежать надо, так что я пойду, пожалуй.

Я не успела сделать и шага по направлению к лифту, как дверь нашей квартиры с шумом распахнулась. На площадке вместе с громкими и мелодичными звуками роко-попса (эта песня была на пике популярности в конце девяностых) появилась высокая шатающаяся личность, обладающая длинной и волнистой шевелюрой, забывшей о том, что такое расческа уже как лет пять назад. Дверь личность открыла размашисто и чуть не заехала по носу Валерия. Тот негромко выругался.

– О, – сказал длинноволосый, – а вы ко мне?

Что значит ко мне? Тут я живу! Об этом факте я и поторопилась сообщить мужчине.

– Так это ты, маленькая хозяйка! – непонятно чему обрадовался гость и поманил меня и Валерия в квартиру. Нам пришлось зайти, а длинноволосый дядька, сказав, что пошел курить в подъезд, потому что «балкон заняли» какие-то «железные дровосеки», слегка покачиваясь, вышел на лестницу. Ясно, очередной знакомый Томаса, а, судя по обуви и раздающимся голосам, перекрывающим громкую музыку, таких знакомых у нас полный дом.

– Какой ужас, – в какой-то эстетической панике начал озираться по сторонам молодой

человек, – кто тут живет?

– Я тут живу, – сварливо отозвалась я.

– А такое чувство, что это резиденция этого, раскрашенного демона... Мерилина Мэнсона. Ну и интерьерчик, кошмар какой-то. Нужно вздернуть дизайнера всего этого.

– А Нинке нравится, – мстительно сообщила я. – Особенно вот его она любит, – ткнула я в сторону молчаливого Чуни, с немой тоской вззирающего на нас с противоположного конца коридора.

– Да мне тоже, в общем-то, – пробормотал Баба Яга, – а это что за радиоактивный зубастый колобок, на которого кого-то сверху стошнило? – и, не стесняясь, указал пальцем на тотем. По-моему, тот обиделся. Я бы тоже расстроилась, если бы мне сказали, что у меня вместо волос чья-то полупереваренная еда.

Хмуро взглянув на незваного гостя, я собралась с силами, чтобы сказать о том, что ему пора домой. Валерий, правда, так не думал. По-моему, он решил взять меня измором. Рассуждая о том, как же у меня шумно и людно, он преспокойно разулся и прошел по коридору вперед, разглядывая с неподдельным изумлением папины картины. Музыка заглохла, кто-то заорал, что надо «петь всем вместе нашу молодежную», и уже через пару мгновений большой сводный хор заорал веселую рокерскую старых лет песню под чью-то гитару.

И вот так постоянно! С самого детства!

Хорошо еще, что сегодня гитарист приличный, иногда, бывает, такой умник с отдавленными гигантским медведем-плясуном ушами начинает брэнчать, что мне жутко становится.

Я еще раз вздохнула и перевела взгляд на обувь, валяющуюся едва ли не по всему свободному пространству. Приперлись же. Нет бы дома сидеть, взрослые уже люди, а не... тут мой взгляд совершенно случайно зацепился за синее яркое пятно в общей свалке темной обуви. Нинкины любимые туфли этого сезона! Стоят себе гордо и спокойно прямо на чьих-то стоптанных кроссовках. Конечно, подобная вещь могла бы быть у сотни и даже тысячи других молодых женщин и девушек, но я не верила в такие случайности. К тому же именно эти туфли подружка покупала во время новогодней поездки в Рим вместе со своей мамой и сестрой, а потом мне все уши проела удачным приобретением.

Ого, что подружка тут делает? Как сюда попала? А вот рядом, кажется, ботинки Келлы на здоровенной подошве и со сложной шнуровкой, если мне не изменяет память. Глядя на обувь Нины и ее мнимого парня, я даже умилилась. Одинаковые эгоисты: пришли и, не стесняясь, положили свою драгоценную обувь сверху чужой, чтобы она не теснилась в общей куче и не маралась.

– Катюнь, ты ведь дашь фотографию, да?

Не дам я тебе ничего, наглый, беспринципный идиот! Ты не Баба Яга, ты Карлсон – такой же невежливый и бессовестный!

Но если тут Ниночка и Келла, нельзя допустить, чтобы Валерий их увидел! Опять же драка будет, а мне вся мебель в этой квартире дорога. И у синеволосого до сих пор еще голова не выздоровела.

А чего, весело будет!

Ага. Надо сначала точно проверить, моя ли эта подруга со своим поклонником-барабанщиком или нет?

– Валерий, – расправила я плечи. – Постой, пожалуйста, тут и никуда не уходи!

– Почему?

– Я за фотографией пойду.

– Так ты мне ее все-таки дашь? – обрадовался он.

– Дам, дам. Ты стой тут. Или иди сюда, – дружелюбно распахнула я двери в спальню Томаса, в которой находились четыре человека в каких-то накидках, в том числе и Краб, тот самый фантаст с манией величия. Они оккупировали пол, усевшись в кружок. Единственным источником света здесь была лишь пара высоких темных восковых свечей – их пламя мерцало, отчего казалось, что по стенам бегают тени каких-то загадочных существ. Комната казалась зловещей, а собравшиеся походили на представителей тайных масонских лож восемнадцатого столетия, собравшихся, чтобы обсудить что-то важное.

– А вот и дух пожаловал! – радостно сказал Леша, которого я сразу не признала в темноте. – Смотрите, все работает, – и он расхохотался.

– Хочешь, можешь идти к нам, Екатерина, – подал голос тот, кто, вероятнее всего, затеял этот балаган – еще один знакомый Томаса, мнящий себя великим мистиком, медиумом, знатоком мира мертвых и едва ли не знаменитой Еленой Блаватской в новом воплощении. Каждый приход этого мужчины с грустными-грустными глазами потерянного спаниеля и заунывным голосом оборачивается тем, что он буквально силой заставлял других проводить какие-то странные мистические сеансы, пытаясь выйти на связь с представителями иных миров.

– Закрой дверь, – прошептал Краб мне. – Мы духа вызываем.

– Чьего? – не нашла я вопроса лучше.

– Пушкина, блин, – отозвался родственник все так же весело. Он был настроен скептически по отношению к оккультному дарованию медиума. – А пришла вот ты. Катька, ты что, дух? Или наш главный маг по ошибке вызвал живого человека, а?

– Это непочтение к миру мертвых, – пробубнил медиум в ответ.

– Какое еще непочтение? Мертвым уже все равно, батенька, – прокартавил Алексей, подражая одному очень известному лидеру пролетарской революции.

– Нет, милостивый сударь, я докажу вам, что они существуют! – не вытерпел горе-медиум. – Су-ще-ству-ют!

– Полноте, батенька, – продолжал дурачиться дядя, решивший повеселиться. – Духи только в армии. Катька, иди к нам?

Я отказалась и захлопнула дверь. Надо же, и скептик-дядя с ума сошел. Духа они вызывают. Ну-ну. Еще бы джинна позвали, или с привидением решили бы поздороваться. Валерий с обалдевшим лицом взглянул на меня.

– Это кто? – зачарованно произнес он.

– Люди.

– А что они делают? – задал новый вопрос он.

– Духа вызывают, – ответила я, перекрикивая общий шум. – Хочешь с ними посидеть?

– Спасибо, не хочу, – поспешно отказался Валерий и добавил: – С такими-то стенами только духов вызывать... Кто все это придумал только?

– Валерий, жди здесь, – попросила я парня, не ответив на его вопрос. – Тебя не должен видеть... э-э-э... мой папа.

– Почему это? Я что, плохо выгляжу? Как-то не так? – Баба Яга, как всегда, с большим подозрением относился к людям. Наверное, до сих пор глубоко в душе у него сидят комплексы по поводу былой внешности. – Ты знаешь, сколько тысяч баксов стоит этот

костюм, часы и ботинки?

– Представляю. Просто папа, м-м-м... он не любит, когда я привожу домой молодых людей. – Если бы Томас услышал эти мои слова, очень удивился бы. Он даже бурно бы запротестовал.

В это время из кухни появился немного нетрезвый парень лет двадцати пяти, чья голова могла похвастаться зеленым ирокезом. Он помахал мне и удалился в комнату Эдгара.

– Не любит, говоришь? – задумчиво проследил за ним Баба Яга, явно чувствуя подвох. – А их тут достаточно вообще-то.

– Это друзья папы, – смутилась я, – а моих... друзей папа ненавидит и сразу же выгоняет. В общем, стой тут, а я за фотографией. И никуда не ходи, ясно?

А про себя подумала, что если Нинка и Келла действительно здесь, то будет плохо. По крайней мере предупрежу Нинку, пусть она разбирается с поклонником, потому что я сама не могу его выпроводить вон.

Я маленьким и очень деловым вихрем проверила все комнаты и даже туалет (он был занят). Как я и думала, наибольшее скопление людей было на кухне. Человек восемь, не меньше, расположилось за нашим столом, заполняя собой все пространство. Во главе его, как истинный хозяин, восседал Томас, а по обе руки от него находились бородатые дядьки с пивом, в которых я без труда узнала рок-музыкантов местной и довольно известной группы старой закалки. Все они старательно и громко пели. Просто король Артур в окружении своих верных рыцарей. Вон даже и менестрель есть – еще один мой знакомый, чьи ботинки я нашла в прихожей. На широком подоконнике, с гитарой в руках, сидел Келла (именно он и играл, подтверждая в который раз слова, что хороший барабанщик должен уметь владеть и гитарой), а рядом с ним, положив белокурую голову ему на плечо, примостилась задумчивая Нинка, похожая на ангела больше, чем обычно. Она молчала, болтала ногами и изредка поглядывала на синеволосого, как на диск с любимыми ужастиками, – то есть со смесью мрачноватого удовольствия и умиления.

Нет, жить стало очень страшно! Что творится? Ниночка с ума сошла или ее любовный приворот подействовал в обратную сторону, то есть на нее саму? Если так – то я ей не завидую. Влюбиться в этого шального парня, по-моему, еще хуже, чем в Кея. Зато какой у нее вид безмятежный! На миг я даже позавидовала подруге, сидевшей с мирной полуулыбкой около Келлы и удобно устроившей на его плече голову. Она качала ногой в такт песне и изредка задумчиво глядела на молодого человека, увлеченного гитарой. Внезапно мне тоже захотелось оказаться на ее месте, вот только не около синеволосого.

А около кого, позволь узнать? Нет, поставим вопрос точнее – около которого из братиков?

Отстань со своими глупостями.

Я выглянула из-за угла и помахала Нинке. Она меня не замечала. Я вновь помахала ей, но и этот мой жест остался ею незамеченным. Зато один из бородатых рокеров подумал, что я подаю знаки внимания ему, и в ответ замахал мне с самой приветливой улыбкой. Я смутилась, ругая про себя подругу. Когда не надо, все замечает, как будто у нее глаза не только на затылке, но и на висках!

Откуда мне было знать, что Журавль сильно утомилась этим днем и использовала Келлу в качестве удобной подушки. Вообще блондинка ждала Кея, поэтому и терпела общество всех этих странных людей во главе с моим папочкой уже третий час подряд.

После университета Нинка на машине отца прибыла к месту, где ее ждал Келла, и

бедному, но крайне корыстному Виктору Андреевичу, который хотел заполучить наследство тетушки, пришлось взять среднюю дочь и ее «противного синеволосого жителя планеты Кретинов» в коттеджный поселок, где проживала Эльза Власовна. С одной стороны, Нинкин папа радовался, что у него в руках есть хоть какой-то рычаг воздействия на наглую нервную систему тетки, с другой стороны – его жутко раздражал Келла, и с каждой минутой дядя Витя все больше и больше ненавидел парня, развязно рассевшегося на заднем сиденье рядом с Ниночкой. В парне его не устраивало все, начиная от неформальной одежды («голодранец чертов, напялил широкие джинсы с цепями, бомжара несчастная»), украшений («ух, мелкий урод, харю все себе проколол, вы только посмотрите на него!»), прически («только бездельники красят волосы, да еще одни типы, о которых в приличных местах не упоминают!») и даже характера («развязный блохастый пес, отодвинься от моей дочери!»). Но сейчас дядя Витя не мог ничего поделать с гнусным музыкантом, и даже когда парень, громко хлопнув дверью, забрался в салон его дорогой и крайне любимой машины, сказав нагло: «Привет, папа», – Виктор Андреевич лишь благосклонно кивнул. И заметил:

– Называй меня лучше Виктором Андреевичем.

– Я не люблю, чтобы так официально, но если «папа» вас не устраивает, давайте буду звать дядей Витей, – тут же возразил молодой человек. На какой-то миг Нинке, сидевшей рядом, показалось, что Келла изощренно издевается над ними. Она ткнула барабанщика в бок.

– Что, детка? – тут же обернулся к ней парень.

Глава семьи Журавлей услышал, как этот наглец бесцеремонно обращается к его драгоценной дочери, и закашлялся.

– Ничего, – мило улыбнулась ему моя подруга, – но зови меня лучше Ниной, а не деткой.

– Без проблем, малышка.

Девушка вздохнула и ободряюще подмигнула отцу.

– Ниночка, я понять не могу, зачем мы едем к этой вашей тетке? – спросил ее Келла.

– В гости, – очень вежливо отвечала она, – Эльза Власовна нас очень ждет. Только... не вздумай ее называть тетей или бабушкой, хорошо?

– О'кей, – вытащил из кармана мятную жвачку Келла и засунул в рот сразу пару подушечек.

Журавли, одинаково сильно не переваривающие мяту, опять же синхронно подумали: «Чтобы ты подавился!», только дядя Витя обозвал Келлу «тупым гадом», а Нина подобрала красивый, но нецензурный эпитет к слову «козлина».

– У нашей Эльзы Власовны очень непростой характер, – начал распространяться тем временем о тетке Виктор Андреевич. – И с ней нужно, так сказать, держать ухо востро, ведь у нее уже начинается... гм-м... старческий маразм. Поэтому с ней так тяжело. Но мы, Журавли, как заботливые и любящие родственники, не можем оставить эту пожилую одинокую женщину одну и частенько навещаем ее, чтобы, так сказать...

– Это все понятно, дядя, а я-то здесь при чем? – перебил его Келла. – Мне-то зачем ее навещать? Я ей пока еще не родственник.

– Просто так, – уклончиво отвечал дядя Витя.

«Надеюсь, никогда и не станешь им. Еще и подрался, мерзавец», – злобно думал Журавль, глядя на синеволосого через зеркало заднего вида. Чуть выше теперь уже бритого виска белел плотный лейкопластырь, который и вызвал в ранимой душе Журавля-старшего бурю эмоций.

– Просто так ничего не бывает. Кстати, клевая у вас тачка.

– Спасибо, – сдержанно отвечал ее хозяин и решил похвастаться, чтобы усть молодого нахала. – Это...

– Знаю, «Фольксваген Фаетон», – без особенного почтения к хорошему и дорогому немецкому автомобилю представительского класса сказал Келла, показывая, что хорошо разбирается в машинах.

Виктор Андреевич обиженно замолчал, а барабанщик продолжал как ни в чем не бывало:

– «Мерсы» и «Ауди» круче, если вам тачка F-класса нужна.

– Чем это они круче? – раздраженно спросил дядя Витя, который никогда не смог бы признать, что его вещь чем-то уступает другим.

– Ну, начнем с того, что в вашем «Фольксе» подвеска жесткая.

– Зато система безопасности отличная! – запальчиво выкрикнул Нинкин папа. – А двигатель шесть литров, между прочим!

– Большой расход топлива. Воображаю, сколько тачка бензина жрет. И камеры заднего вида у вас почему-то нет, – внимательно поглядел вперед Келла.

– Ах ты, соп... – вспомнив, что грубить Келле сейчас нельзя, Виктор Андреевич закашлялся и посетовал на мнимый насморк, используя просторечное слово, похожее на ругательство, которым он хотел одарить «наглого панка».

– Хватит про машины, – недовольно произнесла Нинка. – Бесит.

– Тогда, детка, предложи свою тему для разговора, – улыбнулся ей синеволосый.

«Ух, наглый ублюдок», – подумали синхронно голубоглазые папа и дочка. А Келла, с усмешкой оглядывая то салон машины, то Нинку, рассказал пару развязных анекдотов и чмокнул девушку в уголок губ, что, естественно, ее тут же разозлило. Хорошо еще, дядя Витя этого не видел. В это время он высунулся из машины, чтобы всласть поорать на водителя «Мерседеса», который только что по вине Журавля едва не врезался в его же «Фаетон», а потом лишь чудом сумел избежать встречи со столбом.

– Развелось криворуких водил, – с чувством собственного достоинства произнес дядя Витя. – Купят права и ездят, идиоты паршивые.

Это было единственное, в чем они были солидарны с Келлой.

У Эльзы Власовны стало еще хуже (для Нинки, разумеется), потому что она испытывала атаку сразу по двум фронтам. Виктор Андреевич к тетушке не пошел, помня, что она приглашала только его дочь и синеволосого панка.

Хозяйка большого трехэтажного особняка, выстроенного в традиционном английском стиле, с нетерпением ожидала молодых гостей. Как всегда, ухоженная, с высокой сложной прической, в парчовом темно-зеленом платье, тетушка Эльза самолично выплыла навстречу внучатой племяннице и ее молодому человеку.

– Ну, здравствуй, – сухо сказала она Нинке, зато Келла удостоился от старушки едва ли не жарких объятий, что заставило Ниночку высоко поднять брови и подумать: «Ее что, на молодых потянуло, старую ведьму?»

Эльза провела гостей в огромную, уставленную антиквариатом гостиную на первом этаже, главным украшением которой являлся камин, усадила перед собой и принялась буравить обоих пронзительным взглядом из-под очков в тонкой серебряной оправе.

– И что случилось с твоим молодым человеком, милочка? – почему-то пожилая женщина кинула недоброжелательный взгляд на Нинку, которая уже успела подсчитать,

сколько примерно стоит мебель и сам дом. Особенно блондинке понравился украшенный эффектной керамической плиткой ручной работы камин и внушительное зеркало в позолоченной раме над ним.

– А? – едва сумела оторваться от мыслей, кому можно подороже продать все это старинное богатство, когда ведьма запишет на нее, Нинку, дарственную или оформит наследство.

– Я думала, в молодости не страдают глухотой, – ехидно произнесла вежливая тетушка. – Что с дорогим Келлой? Ох, как же мне нравится твое имя, милый, – улыбнулась она парню. Тот в ответ тоже разулыбался. Кажется, недавно пораненная голова совершенно не мешала ему.

«Я – милочка, он – милый, так-так-так. Вот и спросила бы у него, а не у меня, дура древняя», – одарила почему-то синеволового злым взглядом Нинка.

– Тетя Эльза, он упал, – очень мило произнесла девушка, словно речь шла о чем-то приятном.

– Упал? – явно не поверила родственница.

– Да, тетя.

– Странно люди падают, – поджала губы Эльза Власовна. – Такое чувство, что он на кого-то упал. Дорогой друг, – обратилась она к парню, – это ведь из-за этой глупой развязной девицы ты пострадал?

– Тетя! – повысила голос обиженная Ниночка. А Келла тут же, весело поглядывая на нее, рассказал Эльзе Власовне то, что произошло в парке, не забыв даже самые мелкие детали.

Ниночка, которая поразилась такому поведению парня (ей казалось, что он тут же благородно скажет, что Журавль тут совершенно ни при чем), стала нервно трясти ногой, получив по этому поводу еще пару замечаний, исполненных сарказма.

Около часа пожилая женщина беседовала с Келлой, не обращая ни малейшего внимания на Нинку, а затем пригласила их «на чашечку чая».

– Крутой дом у старушки, – шепнул Келла Нинке, когда они шагали в столовую.

– Нормальный.

– Что-то ты грустная, зайка.

– Иди на фиг, – не удержалась моя подруга от небольшой грубости. Хозяйка дома совершенно случайно расслышала про «фиг» и посетовала:

– Зря Витя, мой крайне умный племянничек, не внял голосу моего разума – а откуда же у него своему взяться? – и не отправил тебя и Ирину в пансионат для девиц, а сынка, вашего недоразвитого морально и духовно, но переразвитого физически, Сергея – в кадетский корпус.

С этими словами Эльза Власовна чинно прошла в такую же большую, как и гостиная, но очень уютную столовую, где главенствовали красные и бордовые оттенки. Пригласив гостей за прямоугольный стол, стоявший точно посередине комнаты, напротив широкой лестницы с резными перилами, ведущей на второй этаж, тетушка позвонила в колокольчик, и две молоденькие девушки в строгой форме горничных с удивительной быстротой накрыли на стол.

– Я – как старая мещанка, – сказала хозяйка дома.

– Вы не старая, – тут же заявил Келла. Это Эльзу Власовну польстило.

– Вы не мещанка, – одновременно с ним произнесла Нинка.

– Спасибо, дорогой друг, – ласково улыбнулась тетушка синеволоосому барабанщику, а у

Ниночки поинтересовалась:

– Считаешь меня старой? Ну-ну. Да, думаешь, плохо быть мещанкой?

Ее внучатая племянница неуверенно кивнула.

– Вот, ты вновь и вновь оскорбляешь меня, деточка. Я есть мещанка и буржуйка. Я команду и требую, чтобы моим капризам притворствовали. Впрочем, вы, моя нелюбезная родня, и так делаете это. И прислуга у меня вышколенная.

«Старая карга», – про себя подумала Нинка, но сама принялась расхваливать кекс, – хорошо хоть, повязка этого свиного рыла, который вечно поддакивает маразматичке, ее не смутила».

Пока Эльза Власовна не видела (в это время она что-то принялась рассказывать о временах своей молодости), Келла под столом принялся писать своей королеве эсэмэску, при этом умудряясь не сводить преданных глаз с пожилой женщины.

– И тогда в шестьдесят восьмом году мы приехали в Великобританию...

Звук пришедшего сообщения, раздавшийся в ее кармане, заставил Нинку вздрогнуть и выронить кусочек торта на белоснежную скатерть, а замолкшую тетущку Эльзу очень нехорошо посмотреть на внучатую племянницу.

– Где твои манеры, позволь спросить? А, ну да, это же ты, о чем я говорю?

– Извините, тетя, – стушеввалась блондинка.

– Твои «извините» не помогут моей любимой скатерти стать прежней, – нехорошо посмотрела на коричневое пятно Эльза Власовна.

– Да, Нина, будь аккуратней, – светским тоном вставил Келла.

Нинка поплотнее сжала зубы, заставила себя улыбнуться и произнесла:

– Тетя, я отвезу скатерть в химчистку, не волнуйтесь.

– В таком случае я с ума сойду от беспокойства. Я не смогу доверить эту вещь в твои кривые руки, дорогуша, – не моргнув глазом, заявила тетущка. – Это не просто кусок какой-то дрянной материи, а венецианские кружева ручной работы. Ладно, что теперь... потерянного не вернешь, слушай дальше, дорогой друг, – обратилась она вновь к Келле. – Мы приехали в благословенный Лондон, чопорный и тусклый, как и все англичане, и встретились с самим...

«Лучше бы ты там чуму подхватила», – подумала Нинка, умудрившись вытащить свой телефон под столом, и прочла:

«Малышка, мне скучно».

«А я тебе что, клоун первого разряда, придурок?»

Но, поглядывая на родственницу, она напечатала ответ, диаметрально противоположный мыслям:

«Потерпи, скоро пойдем, милый».

Келла ответил быстро. И если у него звук в телефоне был отключен, то светловолосая девушка совсем забыла поставить телефон на беззвучный режим. Рассказ Эльзы Власовны, которая уже описывала события, произошедшие с ней в Венеции, вновь был прерван новым звуковым сигналом.

– Я смотрю, ты с каждой минутой все более и более возвращаешь свой потенциал хамства и некультурности, – неодобрительно сказала тетущка молодой родственнице.

– Простите, тетя, этого больше не повторится.

– Надеюсь.

«Ух, козел синий, опять подставил», с этими мыслями девушка открыла новое

сообщение.

«Не хочу терпеть. Хочу к тебе:»».

«Хоти-хоти», – подумала Нинка с неприязнью.

«Мы скоро пойдем. Видишь, как тетя тебя любит?»»

«Я ее боюсь, детка. Вдруг у нее на меня планы какие-нибудь, а? Я тебе верен;););)»».

«Перестань»».

«Ниночка, у тебя такие ножки красивые:»».

«Спасибо»». – Свои длинные ноги девушка любила.

«Пойдем сегодня ко мне, детка? Покажешь ножки во всей красе...»»

Прочитав это сообщение с явным подтекстом, Журавль не удержалась и погрозила парню изящным кулачком. В ответ он ей развязно подмигнул. Нинка от злости дернула коленом, и телефон, до этого преспокойно лежавший на нем, с громким звуком упал на пол.

– А в Мадриде как раз начинались... Милочка, ты нарочно задумала меня перебивать? – рассердилась Эльза Власовна.

– Простите, я нечаянно, – кинула на синеволового музыканта «На краю» гневный взгляд блондинка.

– За нечаянно бьют отчаянно, – прибегла к народной мудрости пожилая дама, поправляя рукой высокую прическу.

– Вы правы, тетя, – заявил Келла.

– Я не бываю неправой, – уверенно заявила одна из представительниц славного семейства Журавлей, напомнив молодому человеку почему-то саму Ниночку. А девушка, сдерживая гнев, кивнула.

«Ты такая забавная, детка», – подумал парень, с удовольствием глядя на нее, но больше сообщений не отправлял.

Когда они вновь переместились в гостиную, Келла уселся рядом с Нинкой на один и тот же полосатый зелено-коричневый диванчик и, вроде бы как случайно, пару раз умудрился задеть ее колени. Озлобленная, как дракон, Нинка (она только пар из ноздрей не пускала кольцами) стала нервно поправлять чуть сползшую юбку от строгого темно-синего костюма, который она специально надела на встречу с тетушкой. Поведение Келлы, без всякого стеснения обнимающего ее за талию и пару раз поцеловавшего в шею, девушку злило все больше и больше. Она вообще ненавидела физические контакты, и это было одной из причин ее быстрого расставания с молодыми людьми. Очень часто они казались до тошноты противными, как только распускали грабли, а некоторые казались такими, даже если просто брали красавицу за руку.

«Проклятый гиппопотам, бабник несчастный, убери свои грязные руки, помешанный стрекозел», – ругалась она про себя. Тот руку убирать не спешил – напротив, она слегка сползла вниз.

– Правильно-правильно, поправляй, – заметила ее движения Эльза Власовна, – ужасно одеваешься, впрочем, как и сестра. Нет у тебя эстетической совести.

– Чего нет, простите? – не поняла ее родственница.

– Вкуса.

«Можно подумать, у этого Келлы вкуса бездна. Ну почему в меня Кеечка не влюбился, мать его?»»

Еще около сорока минут (все это время Келла держал Нинку за руку, и та,

прислушиваясь не к словам жабы, а к собственным ощущениям, поняла с удивлением, что прикосновения парня не вызывают уже ничего, кроме идиотской теплоты) Эльза расписывала свое путешествие по Северной Африке, а потом вдруг решила уйти за альбомом с фотографиями, чтобы показать молодежи «прекрасные снимки». Как только пожилая женщина чинно удалилась по лестнице вверх, Келла, недолго думая, развернул потянувшуюся за очередным печеньем Нинку к себе, с явным намерением поцеловать. Его другая рука по-хозяйски оказалась на ее бедре.

– Ты чего? – взревела и без того озлобленная на весь мир девушка, – охренел совсем?! Смерти ищешь?

– Тихо, – тут же зажал ей рот ладонью парень, – чего орешь?

– Да ты мне уже весь мозг вынес, дятел! Ты можешь вести себя прилично, идиот? Сколько можно! Хватит меня домогаться! Ты достал меня, ушлепок! В горле сидишь.

– А разве я не могу поцеловать свою любимую девушку? – с невинным видом поинтересовался Келла, – я ведь тебе нравлюсь, правда? Наша любовь взаимна? – И его глаза странно сверкнули.

– Взаимна, взаимна, но держись от меня пока подальше. По крайней мере в гостях у тетушки.

– Тебе противно? – то ли с ироничной, то ли со зловещей интонацией, медленно произнес барабанщик.

«Какие нынче привороженные пошли наглые, **Нзапрещено цензуройN**».

– Не раздражай меня, дружок, – случайно копируя начальственные интонации собственной тетки, проговорила девушка надменно. – Ясно?

Синеволосому музыканту ясно не было, потому что он вновь притянул Нинку к себе, но она тут же стала колотить руками по его плечам и груди и даже случайно попала по затылку. У парня тут же слегка закружилась голова.

– Демоница, – взвыл Келла, безуспешно пытаясь схватить впавшую в ярость девушку за руки, – только не по голове! Мужик в юбке!

– Ах ты сволочь! Ты как меня назвал? – еще больше распалилась блондинка.

– Вот, значит, как твой несчастный молодой человек получил сию прискорбную травму, – появилась в это время Эльза Власовна, неся в руках тяжелый фотоальбом.

– Тетя, вы не так поняли! – мигом оставила Келлу в покое Журавль.

– Дорогуша, я очень сожалею, что мы состоим с тобой в кровной родственной связи. Может быть, ты и на меня хочешь накинуться? Давай-давай, покажи мне свою дьявольскую натуру, мой пересохший ангел, – ядовито произнесла хозяйка дома в английском стиле. – Или тебе со мной, несчастной старухой, и с моим прекрасным другом Келлой скучно? Тогда ты можешь нас покинуть.

Естественно, Нинке никуда уходить не хотелось. Выслушав гневную нотацию «трухлявой ведьмы», девушка еще какое-то время наслаждалась ее обществом. Келла обиделся на Нинку и перестал на нее даже смотреть, полностью погрузившись в мир шестидесятых и семидесятых, о которых с патетическими интонациями рассказывала тетя Эльза. Это почему-то нервировало девушку не меньше, чем оскорбительные слова двоюродной тетушки. На нее не реагировало какое-то рыло, на нее, королеву!

Когда они стали собираться домой, барабанщик популярной группы по-прежнему не обращал на Нинку никакого внимания, хотя очень тепло попрощался с тетей и успел подмигнуть хорошенькой горничной. Вездесущая Журавль-старшая заметила это и тут же

сказала синеволосому парню, что если ему будет очень нужно, телефон своей работницы она обязательно даст ему, ибо понимает, в какой он, Келла, сложной ситуации рядом с тигрицей, которая прикрывается птичьей фамилией.

– Береги голову, мой дорогой друг, – напутствовала парня тетя Эльза. – И, конечно же, приходи в гости. Тебе, – она подчеркнула это слово, – я буду всегда рада.

– Приходите к нам в гости, тетушка, мы вас очень ждем, – тут же вставила Нинка.

– Ой, не ври, – сразу же изменился тон пожилой женщины.

– Вы что, – похлопала длинными ресницами Нинка. – Это правда. Мы вас ждем!

– Правда в данном случае то, что ты под нее старательно маскируешь свое притворство, – фыркнула пожилая хозяйка дома.

– Но...

– Хватит, девочка, у меня от тебя начинается мигрень. Отстань.

– Тетя, я просто пытаюсь быть вежливой... – скромно потупив пышущие демонским огнем глаза, сказала Нина.

– Вежливость – самая приемлемая форма лицемерия, – тут же услышала она в ответ новую умную вещь. Келла хмыкнул, но ничего не сказав, вышел и пошел дальше по дорожке из камня. Он шел мимо ухоженных зеленых клумб, мимо старичка-садовника с аккуратными седыми усами, усердно трудящегося рядом с одной из них, прямо к массивным воротам.

– До свидания, было очень приятно с вами пообщаться, – улыбнулась с поддельной теплотой, которая вот-вот должна была перерасти в горячку, девушка.

– Подозреваю, что мой юный друг Келла постесняется приезжать ко мне в одиночку, поэтому жду на следующей неделе и его, и тебя, мадемуазель Зловредность.

С этими словами Эльза Власовна захлопнула дверь перед Нинкой.

«Противная старуха, чтоб ее раскорячило», – подумала светловолосая девушка и поспешила вслед за «юным другом» Келлой, который, не оборачиваясь, быстро шел вперед.

Журавль смогла его догнать только через пару минут, когда они оказались на длинной аллее, утопающей в зелени.

– Эй! – властно окликнула его Ниночка. – Ну и что ты? Куда бежишь?

Ответа не последовало.

«Молчишь, козел? Последние нервы из меня решил вынуть? Мало я намучалась у проклятой бабки?»

– Я не поняла, – ледяным тоном произнесла она, – ты почему смеешь молчать, дерево? Остановись, когда я с тобой разговариваю. Недоумок, ты стал глухим?

– Что тебе надо? – с этими словами Келла резко развернулся, и с большим удивлением Нинка заметила, что его, в общем-то, обычно добродушное лицо приобрело какое-то злое, даже жестокое выражение. Кажется, таким он был в день их первой встречи, когда едва не подрался с теми туповатыми типами из «Горизонта». А еще когда Баба Яга привязался к синеволосому, что-то подобное было в его темных глазах. Вот только теперь к общей злости прибавилось еще что-то: то ли обида, то ли сильнейшее раздражение, то ли гнев непонятно на что, а может быть, и что-то вроде тщательно скрываемого страха.

– Что мне надо? Замечательный вопрос, дуб, – обозлилась девушка. – Мне многое нужно. И вообще, где наш обаятельный и веселый придурок, ежеминутно совершающий тупые поступки? Что еще за разозленная борода стоит передо мной и корчит унылые рожи за упокой?

– Заткнись, – совсем не по-влюбленному поглядела на нее «разозленная борода».

– Что ты мне сказал? Нет, поставлю вопрос по-другому – это ты мне сказал? – негромко спросила девушка, а потом без перехода заорала на всю аллею. – Да ты кто такой?! Как ты смеешь? Щенок!

Парень окинул ее не самым нежным и ласковым взглядом, но ничего не произнес в ответ. Журавль, крича, схватила его за предплечье. Синеволосый оттолкнул свою королеву, которая быстро и неумолимо приближалась к званию «бывшей», и быстрым шагом пошел дальше. Спина его была прямой, как у аристократа, а взгляд был направлен вперед.

«Ненавижу! Игнорировать вздумал?» – пронеслось в голове Нинки пламенным вихрем. Так с девушкой еще никто не осмеливался поступать. Недолго думая, Нинка в порыве ярости схватила с земли два камня, некстати оказавшихся у ее ног, обутых в любимые синие туфли на высоченных каблуках, и с силой кинула в молодого человека, первым едва не попав в его многострадальную голову. Второй камешек, небольшой и гладкий, угодил прямо в лопатку и весело отскочил на землю, затерявшись в молодой траве. Келла остановился, а его спина дрогнула. Физическое воздействие оказалось куда более действенным, чем крики. Медленно, как в фильме, барабанщик «На краю» развернулся.

– Упс, – сама себе поразилась блондинка, потому что теперь он был обозлен настолько, что казалось, поднеси к нему спичку, и парень загорится. Над ним так и сиял и колыбался рваный силуэт пламени. У него даже кулаки сжались.

«Мать его... по ходу я перегнула палку, и он меня сейчас ударит. Интересно, я до Эльзы добежать успею, если прямо сейчас побегу? И поможет ли она мне?» – отстраненно подумала Нинка, поняв, что переборщила.

– Иди сюда, идиотка! – заорал барабанщик обидчице. – Иди сюда, сейчас же, ты!!

«Пора делать ноги», – мудро решила представительница прекрасного пола, столь метко владеющая искусством метания камней, и понеслась вперед. Оказалось, Келла бегал намного лучше. Не больше двадцати секунд – и он, настигнув нахалку, прижал ее спиной к рядом растущему огромному дереву с толстым темно-коричневым стволом и с необыкновенно густой листвой, сквозь которую едва-едва пробиралась пара солнечных лучей. Девушка замерла, перестав сопротивляться, и с недовольным видом уставилась не на парня, а вверх, на зелень.

– Ты меня за дурака держишь? – намертво сжал ее запястья Келла, чтобы она вновь не смогла ударить его.

– В смысле? – как раз и держала его за дурака Нинка. Она медленно перевела взгляд на его лицо.

– В самом прямом, – агрессивно проговорил Келла, сильнее сжимая ее руки. Он чувствовал свое превосходство, и ему это нравилось.

– Отпусти.

– Мне не нравится твое поведение, – неспешно и оценивающе оглядел ее фигуру он. – Я люблю послушных девочек. С первого дня нашего знакомства ты за... доставляешь мне много неприятностей.

– Просто ты не достоин ничего другого, – не смогла сдержать язычок за зубами Нина. – Знаешь, а я ведь тоже люблю послушных мальчиков. У нас несостыковочка, осел.

– Кретинка.

– В твоей голове наплыв неадекватата, – отозвалась тут же девушка. – Ты такой тупой. Бесишь.

Нинка заметила, как парень от ярости сжал зубы. Его мимика ей не понравилась.

– Не смей меня бить, потому что я тебя зарежу, выродок.

– Молчать.

– Зарежу, обещаю. Кишки вытяну через уши. Почку достану голыми руками из за...

Вместо вполне ожидаемого удара по щеке Келла очень тяжело вздохнул, запустив руку в ее пышные светлые волосы, крепко и даже немного больно зажал их в кулаке и притянул девушку к себе – близко-близко, так, что Нинка даже могла различить едва заметные желтоватые крапинки в его карих глазах.

«Фу, его лицо рядом, – подумала она про себя отстраненно. – Если попробует поцеловать, укушу скотину. До крови». – И сжала губы.

Но, вопреки ожиданиям Нинки, музыкант не стал ее насильно целовать: Келла закрыл глаза, чуть закусил губу и, осторожно отпустив ее руку и волосы, неожиданно отошел на пару шагов назад.

– И что это было? – не поняла смелая Нинка, не спешив отлепляться от ствола дерева, – с ума сошел, псих?

– Из-за тебя я должен был лишиться свободы, малышка, – сквозь зубы проговорил парень, засовывая руки в карманы. Теперь пришла его очередь изучать крону. – Мне это дико не нравится. Это тупо. И ты мне реально надоела со своими закидонами.

«Главное – не ссорься с ним, хотя я и понимаю, что с такими крокодилами, как он, нелегко. Терпи, дочь. Наследство не за горами», – проплыли большими субтитрами в голове девушки слова Виктора Андреевича, и Журавль тут же решила взять себя в руки.

– И?

– Я думаю иногда – зачем ты мне? Я люблю свободу.

– Я тоже.

– Это видно. Чертова эгоистка. Ты ничего не понимаешь. – Келла развернулся спиной, явно желая уйти.

– Эй, прости, – обняла вдруг Келлу в неожиданном порыве Нина, прижимаясь к его спине и матерно проклиная сама себя: таким добрым и сентиментальным казался ей ее собственный поступок. Но себя она утешала тем, что эти объятия только ради наследства.

«А ты все-таки сильный», – подумала она мимолетом, кладя голову на его широкое плечо.

Кажется, молодой человек тоже не ждал от блондинки таких действий. Потому что сначала он просто застыл, прикрыв глаза и опустив лицо, чувствуя на шее горячее дыхание коварной девушки, в это время напряженно обдумывающей тот факт, что обнимать рыло – совсем не противно. И только потом он повернулся и, не спеша, вытащив руки из карманов, несмело, как будто бы не веря в происходящее, обнял девушку в ответ. Очень бережно.

Какое-то время они просто глядели друг на друга, а затем, чувствуя, как взаимопроникают в личное неприкосновенное пространство друг друга, столь тщательно охраняемое обоими, решили, что просто обязаны поцеловаться. Иначе с ними случится что-то плохое.

Губы обоих были очень теплыми, словно их коснулись лучи знойного солнца. Сначала парень и девушка были осторожны, словно изучая друг друга, а потом расслабились, и их объятия стали куда более горячими. Кажется, обоим это нравилось, потому что и Ниночка, и Келла перестали обращать внимание на окружающих.

– А ты горячая девочка, – прошептал парень, касаясь губами ее шеи и чувствуя, что поход Нины в его квартиру просто обязан состояться, иначе он точно подохнет. А еще ему нравился

тот факт, что к высокой девушке не нужно было наклоняться. Склонять спину молодой человек не любил.

– Энергичный мальчик, – слегка укусила его за губу блондинка, прекрасно осознавая, что сводит Келлу с ума. И это ее радовало.

«Тля, хорошая же картинка», – подумалось ехидной Нинке, у которой впервые в жизни от какого-то там поцелуя с каким-то там клиническим синеволосым идиотом закружилась голова. «Конец мая, кругом молодая листва, деревья зелененькие, птички поют, солнышко светит, а под деревьями я, такая вся из себя, красавица, и с этим придурком целуюсь! Видели бы меня люди. Позор, позор... Вот черт, а тело у него хорошее. Сильный». И она сильнее сжала ладонь на его плече, чтобы он понял, что Нину Журавль нужно обнимать еще крепче.

Он понял.

А люди видели. Кое-кто даже умилялся.

Проходившие мимо них бабушка в пенсне и ее внучка – девочка лет пяти-шести с длинными золотыми кудряшками, синхронно обернулись на целующуюся около огромного дерева пару.

– Ната, ты спрашивала, что такое любовь между тетенькой и дяденькой? – вопрошала ребенка старушка.

– Да, баба Леля, – пропищала ее внучка.

– Вот она, смотри, – на глазах ломала старушка в пенсне стереотипы бабушки, не разрешающей детям смотреть на сцены поцелуев. – Когда ты вырастешь, Наточка, ты тоже будешь такой красивой, как эта девушка, и у тебя будет такой же милый молодой человек. Только мы тебе парня найдем не такого оригинального... Беленького, чтобы у вас деточки были такие же светленькие, как ты.

Идущие следом за ними три девушки-подружки, которым можно было дать лет по четырнадцать-пятнадцать, тут же захихикали.

– Она еще сама лялька, а ей бабка уже жениха ищет! Клево, блин! – воскликнула одна из них, что-то увлеченно печатающая в сотовом телефоне.

– Либеральная старушка. Тоже такую хочу!

– Ой, а глядите, как парочка целуется, давайте их сфотаем? – заприметила Нинку и Келлу ее приятельница. – Какие милые! Восторг!

– Тьфу, – третья продемонстрировала откровенное недовольство увиденной картиной, – аж противно! Глэмка и нефор, жесть какая-то, куда мир катится? Скоро готы с моделями начнут встречаться.

– Не ворчи! Ты завидуешь просто, – тем временем запечатлела Нинку и ее парня на камеру одна из девушек, а вторая последовала ее примеру. Парочка показалась романтической.

«Не завидую, – подумала сердито третья девушка, – просто также хочу, чтобы все романтично было и красиво. А всех нормальных парней расхватали такие вот жабы, как эта блонди. И вообще, я хочу себе Келлу или Рэна из “На краю”. Да любого парня из этой группы хочу! Каким-то дурам ведь повезет, будут с ними, а я... никогда с ними не встречусь».

А вслух она лишь брезгливо произнесла, дернув плечом:

– Фу, развели на улице слюни розовые. И синеволосый какой-то страшный.

– Сама ты страшная! – накинулись на нее подруги. – Он милашка!

Девушки, оглядываясь, удалились. Только лишь вечером этого дня, когда они перекинули фотографии с телефонов на компьютер, одна из них с восторгом узнала Келлу и выставила

фото в Интернет, начав с неофициального, но жутко популярного сайта, посвященного их любимой группе... Андрей потом долго сердился на барабанщика, и тот в конце концов заявил, что это не он.

Келла и Нинка слышали только слова старушки, и это их обоих необыкновенно смутило, хотя они и не спешили признаваться в подобных чувствах друг другу.

«Что такое с моим гребаным сердцем? Оно что, тает?» – с животным испугом подумала Журавль и первой отпустила Келлу, коснувшись кончиками пальцев его губ.

Он улыбнулся.

– Классно я целуюсь? – тут же спросил парень, уже ничуть не злясь. Его огненный характер позволял парню быстро загораться, испытывая самые разнообразные эмоции, но и отходил он тоже быстро.

– Не очень. Твои пирсы мешаются, – надула губки Ниночка, теребя музыканта за край футболки. На самом деле ей нравились его проколотые губы, и против пирсингов на носу и в бровях она ничего не имела против.

– Они никому не мешаются и всем нравятся, не гони, детка. Я вообще классный, просто ты еще не была со мной в... А, блин, звонят. Подожди. Это важный звонок...

И, прежде чем блондинка начала доказывать обратное, Келла ответил на телефонный звонок. Та тут же прислушалась – она всегда была жутко любопытной.

– Да?

– Это я, – раздался в трубке голос менеджера Андрея.

– А я думал, это не ты, – серьезным тоном проговорил барабанщик, одной рукой обнимая Нинку. – Я думал, это пробудились демоны ада.

– Ты где? – бархатным голосом поинтересовался Андрей, привыкший не обращать внимание на идиотские шуточки подопечного.

– А что? – насторожился тот мигом. Контроль менеджера его порядком раздражал.

– Значит, не в студии. А Кей где? – задал новый вопрос тот.

– Я ему не пастух. Откуда мне знать, где он может шариться. Так что ты хочешь?

– Я по поводу обложки нового альбома еду сейчас к художнику одному.

– К Томасу? – радостно спросил Келла.

– Вы знакомы? – удивился менеджер группы «На краю».

– Нет, про него Кей рассказывал. Немного. Однажды, – путано объяснил парень.

– Кей с ним знаком? Странно, но неважно, – проговорил Андрей. – В общем, я еду сейчас к этому Томасу домой, он покажет мне наброски, и мне хотелось бы увидеть там кого-нибудь из группы. Кажется, Кей и Филипп больше всех спорили насчет обложки.

– Ну, так их и ищи, я занят. Мне по фиг на обложку. Вы можете от руки нарисовать там корявых упыриков, и я ничуть не расстроюсь, – отозвался Келла. Нинка хмыкнула, но продолжала подслушивать, машинально поглаживая парня по предплечью.

– Опять в клубе веселишься? – поинтересовался менеджер.

– Почему опять? – отодвинулся от оттопыренного Ниночкиного уха барабанщик. – Я... я со своей девушкой.

– Ах, с девушкой, ну что ж, тогда не буду мешать, – откровенно смеясь, сказал звонящий, – если что, передавай Кею, чтобы связался со мной, пусть к этому Томасу подъедет. До связи. Привет девушке.

– От тебя я девушке точно привет передавать не буду, – усмехнулся Келла и спрятал телефон в джинсах.

– Красивый у мужика голос, – сказала Нинка и тут же засыпала музыканта вопросами. – Что ему надо было? Что он имел в виду под клубами? Почему передавать привет не будешь?

– Да я раньше часто туда ходил. Пока тебя не встретил, – очень неопределенно выразился парень. – А голос у этого чувака классный – так все телки говорят. Наш Андрейка – бабник жуткий, даже мне его не пере... – и опомнившись, он закашлялся, а потом продолжил: – На него женщины так и вешаются, а он рад со всеми заигрывать, ну и так далее.

– Бывают такие, – кивнула Нинка с видом знатока мужского пола. – У Катьки дядька такой же мачо. Хотя парень хороший, но не без дури. Кстати, – вспомнилось девушке, – и моей дурынде этот ваш Андрей понравился. Она его всю дорогу импозантным мужчиной называла и говорила, что, типа, это ее типаж. А, неважно, я ей потом мозги промою. А что там насчет твоего Кея? Его ждет... Томас, да?

– Вроде. Ну, может быть, он к нему и приедет, – пожал плечами Келла. – Кстати, мы такси ловить будем или ты хочешь на автобусик сесть, королева? Там бывает очень романтично. – Он вновь решил поцеловать ее, но девушка, коснувшись его щеки губами, немного отстранилась.

– Хочешь, мы съездим к Томасу? – мягким и ненавязчивым тоном предложила Нинка Келле. – А ты, кстати, в курсе, что он отец Кати?

– А, да, Кей рассказывал.

– Что-то тебе много Кей рассказывал. Странно даже. Так что, съездим к Радовым? Ты увидишь этого превосходного художника, обложечку. Поверь, Томас может такое нарисовать, что даже ты, мой котенок, будешь шокирован до глубины своей музыкально-барабанной души, – несколько перехвалила папу Кати Журавль, – и ты встретишься со своим другом Кеем.

«И я заодно с ним встречусь, с моим Кеечкой! Не упускать же мне такой шанс!» – вероломная Нинка все еще не теряла надежду затащить в свои сети и фронтмэна «На краю».

– Как скажешь, девочка моя, – весело согласился парень. – К Томасу так к Томасу. Повторим еще раз? – он имел в виду поцелуй.

– У Радовых дома. Поехали.

Таким образом, они и прибыли в квартиру Катрины, в которой и так уже было немало дорогих гостей, приглашенных ее непутевым папой по случаю какой-то там круглой даты, связанной с его изобразительным творчеством.

Томас просто не мог нарадоваться на вновь пришедших, особенно долго жал руку Келле, назвав его «современным и не боящимся никакой критики юношей», а также «истинным панком», а когда узнал, что они с Нинкой вроде как встречаются, тут же принялся расписывать синеволосому все плюсы Журавлика, нещадно увеличивая их в размерах. Ниночка была в очередной раз описана папой «земным ангелом во плоти человеческой» и «Мадонной этих чудных краев». Кстати, они прибыли намного раньше Андрея и Кея, который, как предполагала Нинка, должен был приехать с менеджером.

Она вместе с Келлой уютно устроилась на подоконнике. Нинка едва ли не первый раз за все время общения с синеволосым почувствовала, что он не такой уж и гад. «Что там Катька недавно говорила? Ага... В мужчине хороши не только милое личико и модная одежда, но и крепкое удобное плечо? Возможно-возможно...»

Келла наклонился и поцеловал ее лоб.

«Надо же, какие мы нежные», – подумала Нинка, чувствуя себя кошкой, объевшейся

сметаны.

Келла вполне сносно играл на чьей-то гитаре, многочисленные рок-гости пели, не боясь побеспокоить шумом соседей, какие-то идиоты ушли вызывать духа. А еще Келла был теплым и уютным, в общем, светловолосая девушка пребывала почти что в идиллии.

Вот только идиллии не длятся долго – это общепризнанная истина.

Ни Катя, ни ее подруга не знали, что к ждущему в коридоре Валерию подкатывает в это время друг Томаса – Борис и спрашивает, почему он, Валерий, стоит «тут в полном одиночестве, когда все веселятся на кухне?»

– Кухня – это стратегическое место этого дома. А в ту комнату, – покосился Боря на спальню Томаса, – не ходи. Там сумасшедшие спиритизмом занимаются.

И он повел слегка озадаченного Бабу Ягу напрямиком на кухню. Естественно, когда я увидела этого дурака, было уже поздно. Он сразу заметил Келлу и Нинку.

Он все-таки увидел их.

– Ой, что будет, – закрыла я лицо руками. Валерий, узрев Нинку с конкурентом, тут же потерял контроль над собой и бросился к ним, чудесным образом перелетев через стол, словно изучал в какой-то восточной школе боевые искусства. Правда, он опрокинул большую бутылку хорошего живого пива, принадлежащего одному из ветеранов тяжелого рока, сидевшего за столом и рассуждающего о современном шоу-бизнесе. За что Яга и поплатился. Он не успел накинуться на Келлу, который тоже не ожидал увидеть Валерия здесь, а был перехвачен сразу тремя парами сильных рук, одна из которых радовала присутствующих напульсником с зелененькой коноплей, в то время как на футболке обладателя напульсника значилось: «Нет наркотикам!».

– Козел! **Нзапрещено цензурой около трех разN**, ты опять с моей любимой! – бешеным голосом заорал Валерий, пытаясь дотянуться до Келлы. Спрятавшаяся за его широкой спиной Нинка молча показала средний палец надоедливому поклоннику.

– Силен, парень, – никак не могли справиться с ним нехилые гости папы, а сам Томас даже в такой момент сумел сохранять спокойствие, заявив, что «у молодых всегда гормоны играют».

– Пусть играют где-нибудь за пределами этого места, – зычно прогудел тот, кто лишился пива, и буквально через пару минут сопротивляющийся Валерий, все еще желающий «набить морду этому ходячему мертвецу», оказался за дверью. Кстати, удерживать пришлось не только его. Келла был не из пугливых товарищей, и даже после того, как получил бутылкой по голове, все еще хотел разобраться с наглецом, посягающим на его личную девушку.

– Что за шум, а драки нет? – появился тот самый длинноволосый дядька, которого я встретила у входа в свою квартиру.

– Была уже драка, – ухмыльнулся один из бородачей. – Сгоняй лучше за пивом.

– Какое пиво? – возмущенно завопил Томас, увидев меня. – Ребята, мы же не пьем алкоголь!

Началось.

Дурдом завертелся с новой силой, набирая обороты.

Я осторожно открыла дверь и выглянула в коридор. Баба Яга наблюдался между двенадцатым и одиннадцатым этажом, угрюмо сидящий на подоконнике.

– А тебе что надо? – он явно забыл, что еще полчаса назад я была его подругой.

– Вот, возьми, – протянула я фото Нинки, которая радостно улыбалась в объектив. Это снимок делала я сама на зимних каникулах, когда подружка вдруг решила справлять Новый год у меня, а не дома и не в клубе, и безумно радовалась тому, что в соседнем доме пара придурков едва не подожгла квартиру, неправильно запустив петарду из окна.

Парень как-то странно взглянул на меня, на фото, потом вновь на меня и вдруг засмеялся.

– Что смешного? Да, у Нинки здесь кривая рожа, – хмуро проговорила я. – Зато она радостная, как мышь, поселившаяся в сырном погребе.

– Вот уж не думал, – произнес он задумчиво. – А ты странная, Катя.

– Спасибо за комплимент.

– Нет, в хорошем смысле. Спасибо тебе. Seriously – если что понадобится, скажи. Валера все для тебя сделает.

– Да ничего мне не нужно, – засмушалась я. – Езжай лучше домой. Хотя... скажи мне, зачем тебе нужна фотография-то?

– Я же тебе говорил, – растерялся он.

– Э-э-э... Кажется, я прослушала, – призналась я.

– Ну, это немного необычно. Только не смейся, Екатеринка. Хочу приворожить любимую, – коварным шепотом отвечал мне Баба Яга.

– Чего? – я даже поперхнулась я. – Вы... ты в своем уме??

– Ага.

– Приворожить? Ее? – стараясь не захихикать, я прижала ладонь ко рту. Надо же! Мою подружку собираются ее же оружием... пристрелить. Пристрелить – не иначе. Потому что даже если какая-нибудь суперсильная экстрасенс или колдунья заставит мою подружку против воли влюбиться в Бабу Ягу, она этого не вынесет.

– Я тут про такую классную тетку-ведьму услышал. Пришел к ней, а она мне – нужна фотка хорошего качества, и та, где объект приворота будет в самом лучшем расположении духа. А на всех снимках, что есть у меня, Ниночка злая или недовольная. Или безразличная. Но никак не счастливая. Она не любит, когда я ее снимаю, кричит жутко, а когда фотографирую тайно, то она почему-то не улыбается, – поведал мне о своей трудной жизни несчастливому влюбленного молодой человек. – В социальных сетях ее фото вообще нет.

Еще бы! Неудивительно. Один из родственничков сказал Журавлям, что все данные оттуда просматривает ФСБ, составляя компроматы на все и вся, особенно на обеспеченных людей. Поэтому подруга предпочитала только «аську» и еще парочку программ.

Ну, Баба Яга, ну силен! Что у него есть общего с моей лучшей подружкой – так это упорство, в его случае доходящее до маразма.

– Может, не надо приворотов? Слушай, отдай мне фото обратно!

Я испугалась – вдруг и правда Нинку приворожит?? С Келлой у нее же вроде как получилось. Если бы знала для чего ему изображение подружки, ни за что бы не дала.

Да ну, будет весело, если она в этого шизика втюрится. Поржешь.

Последней по-любому будет смеяться Нина. На моей могиле – если узнает.

Ну, может, ты и права...

– Валерий, отдай, пожалуйста. Все эти привороты ни к чему не приводят. Они не действуют, – серьезным тоном произнесла я. – Я точно знаю.

И потянулась за фотографией, Валерий, естественно, отдать ее мне не пожелал. Более того, он спрыгнул с подоконника и почему-то побежал вверх с радостной улыбкой.

– Отдай! – понеслась я за ним. Господи, ну почему у меня все через одно славное место, начинающееся на букву «ж»? – Отдай сейчас же!

– Да ни за что! Моя прелес-с-сть, – задорно помахал он снимком передо мной, напоминая не напыщенного богатого папенькиного сыночка с миллионом дурных причуд, каким мне всегда казался, а мальчишку-дурака, того самого, который, как и в известной дразнилке, заслуживает «сорок палок по бокам». – Катюша, отвяжись!

– Валерий, привороты – это запрещенный прием! Отдай фото! Что за детский сад! – с этим словами, переполненными возмущением, я чуть не упала, но оказалась вроде как подхвачена Бабой Ягой, за что была ему благодарна.

– Осторожней надо, – тут же сказал он, продолжая меня удерживать – руки у него были сильными. – А фото не отдам. И вообще, я его во внутреннем кармане пиджака спрятал. Попробуй, достань.

Услышав это, я тут же попробовала достать злополучный снимок. Воистину – благие намерения ведут в ад.

– Раздевайся! – немедленно потребовала я у этого идиота, за какой-то миг превратившегося в глупого пацана. – Прямо сейчас!

– Сама раздевайся, – перехватал он одну мою руку, когда как второй я вцепилась в его плечо и не желала отпускать. Ну и пусть наиглупейшая ситуация, но мне нужно это фото вернуть!!

Естественно, Яга был сильнее – он прижал меня, вцепившуюся одной рукой, к стене и смеялся, легко удерживая.

– Раздевайся, или я сама это сделаю, – прошипела я, потому что мне его глупые детские игры надоели, и полезла стаскивать с него пиджак.

– Ух, какая ты грозная, – пощекотал меня под подбородком он, не отпуская.

То, как подъехал на двенадцатый этаж лифт, ни я, ни глупый Баба Яга не заметили. И тех, кто вышел из кряхтящего лифта, мы, конечно же, тоже проигнорировали, громко вопя. Наверное, это было зря. Наши слова были неправильно поняты.

– Раздевайся? Ого. Я не понял, чем вы тут занимаетесь? И какая у вас поза, – раздался мрачный, чуть хриплый голос за нашими спинами. Знакомый голос. – Вы меня слышите?

– Чем занимаются молодые в подъезде? – вышел вслед за Кеем из лифта менеджер Андрей, тот самый красавец-мужчина с обаятельным голосом, что запал мне в душу. – Отстань от них, Кей. Какая тебе разница, не понимаю? Ребята, не обращайтесь на нас внимания! Мы вам не сильно помешали? – обратился он к нам с пониманием. Меня пока не узнавал.

– Не помешали, – с достоинством отвечал Валерий, не отпуская моих рук, и шепотом спросил, кто это, а мне не нужны были пояснения о том, кто пожаловал в мой скромный дом.

– Это суперзвезда, – едва слышно пробормотала я, во все глаза разглядывая Кея, застывшего наверху и закинувшего за плечо худи – черную свободную кофту с серой надписью и капюшоном. Сам он оставался в темной майке, открывающей плечи и руки. Надо же, у него и на плечах татуировки имеются – разноцветные, абстрактные... Вроде бы я различаю лапы чудовище, похожего на водного дракона.

Кей поддерживал наш зрительный контакт – только если у меня взгляд был удивленным и немного испуганным, то у него надменно-изумленным и чуть-чуть озлобленным. А звездой я называла его по двум причинам: первая вполне понятна, а вот вторая заключалась в том,

что Кей как раз находился под яркой электрической лампочкой, и мне, стоящей на нижних ступеньках лестницы, казалось, что она светит не над ним, а за ним, создавая некий светящийся желтоватый ореол над его белокурой макушкой. Ну не человек, а просто Ангел. Жаль, что у него звезда во лбу не горит, а то был бы не Кеем, а девицей-лебедью из известной пушкинской сказки. Кстати, первым строчкам описания чудесной девы этот шикарный (на мой скромный вкус) парень вполне подходит:

*...Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает...*

– Какая суперзвезда? – пристал опять Валерий. Пока что он не узнавал своего недавнего соперника. Он только Келлу помнил хорошо.

Ох, знал бы ты, дорогой Яга, какая. Наглая и противная звездень.

– Отпусти меня.

И я медленно-медленно, как заморенная черепаха, отошла от него, забыв о фотоснимке. Откуда здесь взялся Кей?! И нет, мне вовсе не кажется: вот он, стоит наверху, около нашей квартиры, чуть склонив голову набок и с совершенно непробиваемым выражением лица. И я не могу понять: то ли он недоволен, то ли обиделся, то ли злится, то ли ему смешно, то ли он полностью погрузился в какой-то неясный для меня скепсис. Но взгляд недобрый – это точно. Ни намек на приветливость. Если это было бы возможно, его взгляд прожег бы меня насквозь как лазерные лучи.

*...Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит...*

– Какая тебе разница, пошли? – позвал его менеджер.

– Какая разница? Да вообще-то... вообще-то никакой, – продолжая рассматривать меня, отвечал тем временем светловолосый Андрею. – Мне показалась, что я увидел там одну девушку.

– Какую еще девушку? – с нескрываемым изумлением поглядел на подопечного менеджер группы «На краю».

– Свою.

– У тебя девушек мил... – но закончить фразу мужчина не успел – Кей его перебил в своих лучших традициях:

– Может, пойдем уже? Или ты хочешь посмотреть на этих? – небрежно кивнул блондин в нашу сторону и первым пошел к двери, ведущей в нашу квартиру.

*А сама-то величава,
Выступает, будто пава...*

Господи, что же мне в голову лезет-то?

– Пойдем. Извините, молодые люди, – весело обратился менеджер ко мне и Бабе Яге,

все еще стоящему у стены и молча разглядывающему вновь прибывших, – что помешали вам. Продолжайте, пожалуйста.

– Да, точно, продолжайте и помните, что подъезд – не место для... любви, – явно копируя веселый тон менеджера, произнес Кей хорошо поставленным голосом. – Постоянно кто-то будет мешать процессу.

*...А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит...*

Я тихо засмеялась, прикрыв рот ладонью. Блондину этот мой жест не понравился – он косо на меня взглянул, будто я на чьих-то похоронах дала волю смеху. От его пристальных серых глаз смеяться расхотелось.

– Да, действительно, смешно, ха-ха-ха. Не всякая девушка... согласится в подъезде.

– Наверное, только со своим любимым согласится, – проговорила я тихо, а он услышал каким-то чудом, и его серые глаза сверкнули.

Я застыла, чувствуя, как по спине ползут предательские мурашки. Опять этот дурак несет очередную чушь! Принесло же Кея какими-то ветрами в мой дом! Там и так куча народа, так еще и этот самодовольный глупец решил зайти на огонек. Моя квартира как ночлежка, честное слово. И до чего же Кеюшка парень вредный – нет бы просто пришел, так приперся как раз в самый неподходящий момент! Мне, конечно, все равно, что он тут подумает обо мне и об этом Бабе Яге, но как-то неприятна мне эта ситуация. А то, что Кей не один, а вместе с этим импозантным молодым мужчиной, который мне так нравится, ситуацию только усугубляет.

– О чем он? – не понимал Баба Яга всей напряженности этой глупой и двусмысленной ситуации.

– Кей, Кей, опять ко всем придираешься, – покачал головой Андрей, чей голос меня очаровывал не менее, чем внешность солиста «На краю». – На своем опыте знаешь о подъездах? – поинтересовался между тем он, уже около самой двери, ведущей в мою квартиру.

– Да, на своем, личном, – не отводил от меня взгляда Кей. Все-таки парень удивлен.

*...Молвить можно справедливо.
Это диво, так уж диво...*

Но что значит на своем опыте? Вот поганец!

Не, он извращенец.

– А в квартире весело, – прислушался тем временем к звукам, доносящимся из-за двери, красавец Андрей, – этот Томас вообще мужик веселый. Кстати, теперь я понимаю, почему ты злишься. Я оторвал тебя от какой-нибудь новой...

– Можешь помолчать? – недовольно спросил солист группы. Я фыркнула.

– Какой ты сегодня нервный, – поднял руки вверх Андрей в примирительном жесте, а затем позвонил в дверь. Ему долго не открывали.

– Ну, кто это, а? – шептал тем временем мне на ухо Баба Яга, и, судя по его зловещему

тону, Кея молодой человек все же узнал, – этот манерный пи... кхм... кхм... парень ведь тоже в парке был, да? Друг того синеволового ублюдка? Слушай, он что, твой парень?

– Нет, – отчаянно зашептала я в ответ, косясь на отвернувшегося певца, – он просто так...

– Точно твой парень, – сделал какие-то совершенно странные выводы Валерий. – Он, наверное, что-то не то подумал про нас. Ну и взгляд! Ревнует он тебя.

У тебя самого знаешь какой взгляд, когда ты Нинку с другими парнями видишь?

– Но не бойся – я тебя выручу. В знак благодарности, – и без перехода Валерий крикнул на полподъезда: – Эй, ты, стой!

Кей нехотя обернулся. Лицо при этом у него было недовольное.

– Это ты мне? – процедил молодой человек сквозь зубы.

– Не тебе, – тут же встрял Андрей, которому не улыбалось, чтобы Кей влезал в какие-то непонятные разборки непонятно с кем.

– Нет, это мне, – тут же заупрямился блондин.

– Ему! – тут же подтвердил Нинкин поклонник. – Слушай, белый хрен, она не хотела, а я к ней приставал.

– К кому? – нехотя поинтересовался музыкант, пропустив мимо ушей милейшее обращение к своей персоне.

– К кому? К стене, блин. К этой девочке. Так что ты не так все понял, – объявил Валерий с какой-то странной гримасой.

– Ну, приставай дальше, – опять отвернулся Кей с явным намерением последовать за менеджером в мою квартиру, как только она распахнется, но, несмотря на то, что Андрей нажимал на звонок, никто не открывал – наверное, из-за музыки не слышали.

– Нет, ты не понял! – с жаром возразил Баба Яга, хватая меня за талию, и мне почему-то стало неприятно, так, что пришлось отбиваться от него. – Девочка не хотела, а я к ней реально приставал!

– А я при чем? – откинул прядь волос со лба Кей.

– Как при чем? Вы же встречаетесь.

– Если только в ее снах, – услышала я грубый ответ.

– Да, парень, иди-ка ты со своей девушкой... на другой этаж, – встрял менеджер. Говорил он также спокойно, но в голосе появилась едва заметная угроза. Какой же у него все же голос красивый!

– Никуда я не пойду, нам и тут удобно, – ничуть не смутился Валерий, прижавшись к стене. Другой рукой он все еще фривольно пытался обнять меня.

– Тогда будь добр, отстань от нас.

– Но я к ней приставал! – гордо заявил Валерий, ткнув в меня пальцем. Я потеряла плечо – больно же.

– А мне-то что? – волком посмотрел на него Кей. Их разговор завертелся по кругу.

– Как что? – искренне изумился Валерий. – Она же твоя девушка.

– Твоя девушка? – так же искренне удивился Андрей, не звонивший, а теперь стучавший. – Что за бред? Кей, не обращай внимания. Мальчик явно перекурил. Парень, ты прости нас, что мы тебе и твоей девушке помешали, но мы уйдем, и занимайтесь чем хотите, идет? Будешь сам ее защищать, о'кей?

Дверь, наконец, открылась – стук, в отличие от сломанного звонка, услышали. Тот самый дядька с длинными волосами, только что выходявший покурить на площадку,

обрадовался новым гостям, как родным:

– Проходите! – перекрикивая усилившуюся музыку, проорал он, еще чуть более нетрезвый, чем раньше, – мы ва-вас это... ждем!

– Спасибо, – светски улыбнулся Андрей. – Кей, заходи в обитель авангарда.

– А вы вообще кто? – с широченной улыбкой спросил длинноволосый папин гость, стоя в дверях. Почему он в моем доме распорядается, как будто в своем собственном?

– Мы к Томасу, милейший. Посмотреть эскизы, – тут же назвал цель своего визита менеджер, явно удивленный общей обстановкой в квартире.

– Это здорово! То-то-мас вам будет несказанно рад. Пр-р-роходите, проходите ско-о-орее!

– Превосходно. Кей? Так и будешь стоять на лестнице?

– Естественно, нет.

Видя, что жертва уходит, Баба Яга вскричал:

– Парень, белый, стой! Я же русским языком сказал – полапать телку хотел!

Какая я тебе телка, чмо рогатое? Это уже ни в какие ворота не лезет!

– Да лапай сколько влезет, – тихим, но несколько хриплым, видимо, от злости, голосом проговорил Кей. – От меня ты чего хочешь?

– Ну защищай ее, – заявил, к моему полнейшему ужасу, Валерий. Вот же идиот. Ага, как же, будет Кей меня ревновать. Наивный Яга.

– Ты упал, что ли? С какой стати? – полностью поддержал эти мои мысли сам Кей.

– Кей, не слушай нарка. Заходи в квартиру, – слегка подтолкнул подопечного менеджера. Ситуация ему все больше не нравилась.

– Да я тебе что, на ослином языке говорю, что к твоей девчонке приставал? – разорался Валерий, который, как оказалось, выходит из себя очень быстро.

– А я что, похож на рыцаря в сияющих доспехах, чтобы всех защищать? – с большим презрением спросил музыкант.

– Да. – Некуда было отступать Нининому поклоннику, который хотел сделать мою жизнь еще более ужасной, чем она была на тот момент.

– Но я не его девушка, – подала я голос, отходя подальше от него и ближе к Кею.

– Ах да, – сверху вниз посмотрел на меня тот, – у тебя же был какой-то дизайнер.

– Какой еще дизайнер? – совершенно забыла я о старой лжи.

– Не знаю уж какой. Его, наверное, кроме тебя никто не видел.

– Так вы все-таки знакомы? – поинтересовался Андрей. Его, судя по заинтересованному взгляду, все больше и больше забавляла ситуация. Но Валерий ему очень не нравился.

– А что тут, собственно, про-происходит? – заинтересовался и длинноволосый мужик, выходя на площадку босиком.

– В вашем доме много наркоманов, – с насмешливой улыбкой ответил менеджер «На краю». Он явно намекал на Валерия.

– Да нет, – стусевался гость Томаса, – мы в молодости завязали...

– Я не про вас, а про них, – опять улыбнулся Андрей.

– А-а-а. Да-да. Точно-точно. Ну, вон тот белобрысый точно наркоман, – профессиональным взглядом обвел присутствующих длинноволосый. Валерий заржал.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – сухо отвечал Андрей, напоминая мне молодую мамочку, страшно гордящуюся успехами своего первенца, о котором вместо ожидаемого комплимента вдруг сказали, что он совсем неталантлив.

– Защитить не хочешь? – наседали тем временем Валерий на Кирилла.

– От кого? – уже обозлился светловолосый. – Какого тебе надо, недоумок?

– От меня, – таким самодовольным тоном произнес Валерий, будто бы был не Бабой Ягой, а Змеем Горынычем и соблазнителем в одном лице. – А недоумок тут ты. Защищай, говорю.

– Не имею ни малейшего желания, – отрезал певец.

Козел!

Лифт в очередной раз закашлял, побулькал и выплюнул из своих недр Фроловну, как раз возвращавшуюся с вечерней прогулки. Надо полагать, обход двора и всех близлежащих участков был счастливо завершен, и старушка направилась в гости к Семеновне, живущей, как и я, на последнем этаже.

– Это что тут у вас такое происходит, ироды? – окинула она нас всех сердитым взглядом. – Орут и орут на весь подъезд. На первом этаже слышно. Идите по своим подъездам и вопите сколько влезет.

– Я в своем подъезде, – сказала я устало.

– А! Это опять ты, Радова! – негодуяще уставилась на меня Фроловна. – И опять со своим дружком! Катя-Катя, а ведь раньше я была о тебе хорошего мнения, – покачала головой бабушка и гаркнула: – Пятый уже! И, может быть, даже шестой!

– Вы о чем? – затравленно покосилась я на нее.

– А все о том же! О хахалях твоих! Опять с новым. Сколько же их у тебя?

– Да ни одного.

Нечаянно я посмотрела на Кея. Он крайне задумчиво тер указательным пальцем подбородок, не сводя с меня серых глаз. Чего это он так уставился? Я ему, кажется, денег не должна еще пока.

– Уже в подъезде твои дружки разборки устраивают! – не унималась бабка. – Вы еще корейскую семью заведите!

– Чего? – удивился Валерий. – Это какую?

– Когда два мужика и одна баба, – пояснили ему тотчас.

– А, это шведская, – почему-то обрадовался Баба Яга.

– А мне по барабану, хоть гондурасская! Это ведь позор для девицы! Катерина, тебя замуж никто не возьмет! То с одним вижу, то со вторым. То с третьим, то с четвертым. Тьфу! Никто не возьмет, помяни мое слово.

– Я возьму! И ты. И шведской семьей жить будем, да, чувак? – весело кивнул Валера Кею.

– Закрой пасть, – было ему ответом, а Фроловна продолжала вопить.

– То с одним гуляешь, то с другим. То с этим, – неэтично указала на Валерия пальцем старушка, – целуешься-милуешься около дома, то с этим обнимаешься, – почему-то теперь соседка показала на Андрея, разом переставшего улыбаться. Ну уж с ним я вообще никогда не встречалась!

– Извините, вы ошибаетесь, бабуля, – тут же отреагировал он.

– Я никогда не ошибаюсь, милоч, – отрезала соседка.

– Думаю, в вашем возрасте это феноменальное явление.

Но Фроловна, не обращая внимания на его фразу, продолжала возмущаться, и с каждой секундой ее голос становился все громче и увереннее, как будто она находилась в зале суда в качестве обвинителя, нащупавшего слабую сторону в защите обвиняемого.

По словам этой чокнутой бабульки, я встречалась с большей половиной района! У нее

какое-то неправильное представление обо мне!

– Что вы говорите! – рассердилась я от такой клеветы. – За кого вы меня принимаете?

– За даму легкого поведения, наверное, – тут же подсказал Валерий.

– За легкодоступную девицу, – была полностью с ним согласна Фроловна и снова стала рассказывать про меня какие-то странные вещи, связанные с моими многочисленными мифическими поклонниками, множившимися в ее воспаленном разуме в геометрической прогрессии.

Кея информация, выданная за пару минут пожилой женщиной, впечатлила. Может быть, я была не права, но он даже кулаком по стене ударил.

– Надо же, – как можно более равнодушным голосом проговорил он, думая, что я этого не заметила, – не думал, детка, что тебе настолько не хватает мужского внимания. Даже с этим раздолбаем ты...

– Выражения выбирай! – окрысился молодой человек с фольклорной кличкой.

– Заткнись, ты меня раздражаешь, – приказал ему Кей, но Валерий был не таким человеком, которому можно было указывать, поэтому он тут же сам ответил:

– Сам захлопнись, клоп белый. Говорю же, защищай девушку.

– Ужас, бордель развели! Бордель! – и сплюнув на лестничную площадку, соседка позвонила в квартиру подслушивающей происходящее Семеновны и удалилась в ее квартиру. Уверена, они точно будут подслушивать и подсматривать в глазок вместе, а потом начнут сплетничать. А Кей все еще, несмотря на все старания Яги, оставался безразличным, правда, и в квартиру заходить не торопился. Нинкин поклонник решил на отчаянный шаг.

– Прости, Катя, – успел шепнуть мне Валерий и выдал вслух мысль о том, что именно со мной он бы хотел провести прекрасную ночь в этом всеми богами забытом подъезде и что конкретно хотел бы сделать. Только все это было сказано в выражениях, далеких от вежливых и приятных слов. Он дразнил Кею.

При этом он мне подмигнул и чуть сжал плечо, словно подбадривая.

– Ты больной, – только и смогла сказать я ему, но это слышал только лишь Баба Яга.

– Вау, – со злобой и ревностью посмотрел на меня Кей. – Я думал, ты скромная. А ты умеешь делать... подобные вещи, детка. Главное, сколько людей об этом знают... кроме меня.

С этими словами он, оттолкнув зазевавшегося длинноволосого дядьку, все же вступил в мою квартиру.

– Да я... – это были единственные слова, сказанные мною в свое оправдание, хотя я вообще не понимала, с чего это я должна оправдываться перед этим монстром, волею судьбы играющим музыку, а не собирающим души невинных людей по всему свету. Не буду я перед ним оправдываться! Вот если бы это был брат Кею – Антон, то тогда, конечно, я сказала бы много слов.

Но Валерию, кажется, оправдываться очень нравилось. Он никак не мог прикрыть свой словесный поток. Видя, что Кей вновь уходит в квартиру, этот недоумок решил сымпровизировать на тему обзывательства, поэтому заорал вслед солисту «На краю». Выдал, что называется.

– Эй, блондинка, стой! Блондинка!

– Аха-ха-ха, – невежливо засмеялся длинноволосый гость Томаса, – ну парень приколотмочил. Блондинка! Ох, я не могу!

– Чертова блонди! – не закрывалась хлеборезка у Бабы Яги, а длинноволосый своим

визгливым смехом осложнял ситуацию. Кажется, мужчины не слишком любят, когда к ним обращаются таким образом, путая с женщинами.

Вот даже мой брат, к примеру, рохля рохлей, но такого тоже вынести не в силах. В те славные времена, когда Эдгару было лет тринадцать и он еще только-только начал познавать все прелести виртуального пространства, мой старший братец решил, что не будет больше стричься, дабы раз в месяц не отвлекаться от компьютера по такому пустяку. Томас в те времена тоже имел такую привычку, и как результат его шевелюра была сантиметров на пятнадцать длиннее нынешней, поэтому сын брал пример с отца. Бабушка, как-то приехавшая к нам в очередной раз, была очень озадачена, увидев внука с нечесаными и почему-то волнистыми волосами до плеч. Ведь всего лишь месяца три назад на его голове был вполне обычный мальчишечий «ежик». Она долго втолковывала внуку, что «хорошие мальчики» должны иметь короткие волосы.

– Папа что, настолько плохой? – мрачно осведомился во время одного такого разговора брат.

– Ну, не то чтобы плохой, – задумалась тут же бабушка, – но увалень порядочный. А почему ты спрашиваешь?

– Ба, ты на его волосы погляди, – посоветовал ей внук. – Получается, он вообще мерзким типом должен быть. Почему это Томасу можно, а мне нельзя?

– Как ты говоришь о своем отце!

Я, присутствовавшая при этом разговоре, захихикала, но услышала только:

– А ты, Катя, лучше бы не смеялась, а волосы отращивала. Что за дом! Один ножниц боится, другая волосы режет. Я скоро приеду, вы тут вообще будете, как эти... как их...

– Как панки, – услужливо подсказал Алексей, сидевший рядом. Он только что приехал с какого-то там модного показа, послушавшись бабушку, которой вовсе не нравилось, что ее младший сын стал какой-то там моделью. Дядя поэтому и предпочел давным-давно жить не с родителями, а со старшим братом, чтобы избавиться от бабушкиной опеки и ее нотаций.

– Вот именно. С этими, как их... волосами грязными, которые торчат...

– Ирокезами, – подсказал дядя.

– Да-да, вот именно. С ужасными разноцветными ирокезами.

– Бабушка, – ответила я тогда, – но ведь я всего лишь сделала каре!

– Каре – это боевой порядок пехоты, построенной в виде квадрата, древний город в Армении и комбинация игральных карт в покере, – поджала губы бабушка. А у тебя, милая, боб.

– Какой боб? – испуганно потрогала я волосы, которые впервые в жизни так коротко обрезала по наставительным советам Нинки, возомнившей себя королевой моды уже в том возрасте.

– Обычный. Каре, милая, – это когда с челкой, а у тебя ее нет. Так вот, дети, если ваш отец-разгильдяй не в силах объяснить вам, то это сделает ваша бабушка. У хороших мальчиков волосы короткие, а у хороших девочек – длинные. А у вас все наоборот.

– А мне все равно длинные волосы нравятся, ба, так удобнее. Буду так всегда ходить, – и с этими словами Эдгар ушел в свою комнату к заманчиво жужжащему процессору.

Правда, уже через пару дней он радикально поменял свое мнение насчет прически. Отправившись со своим единственным другом, таким же чокнутым компьютерщиком в какой-то магазин, мой, тогда еще очень subtilный и невысокий, брат был принят за милую девочку группой местных любителей дворовых посиделок, семечек и пива, и вынужден был

спасаться от их назойливого внимания бегством. Дома он своими руками отрезал себе хвост, к папиному огорчению и к бабушкиной радости. Она-то, бедная, думала, что это на Эдгара так ее нотации подействовали.

Интересно, Кей будет себя чувствовать так же неловко, как и Эдгар, или по-другому отреагирует? Его ЧСД не позволит ему менять прическу. Уверена, он ею безмерно гордится.

И солист группы «На краю» оправдал мои лучшие ожидания.

– Блондиночка, ты глуха? – издеваясь, повторил Валерий.

Кей замер. Обернулся. Сделал пару шагов к Валерию. А глаза его при этом были настолько злые, что мне на миг стало страшно. По-моему, его Валерий все же сумел задеть за живое. Пошлыми намеками обо мне – нет, а обзывательствами – да.

– Да, ты, блондинка! Ты мне женщину напоминаешь, – спокойно так продолжал Баба Яга, не чувствуя, как накаляется атмосфера. – А знаешь чем? Девчонку свою защитить не можешь, да и внешность женская.

Как же Кей психанул! Мое израненное сердце получило свою дозу обезболивающего. Вначале он очень громко ударил по косяку крепко сжатым кулаком (думаю, и больно тоже, потому что у меня лично рука от такого удара развалилась бы на две части или даже на три). Потом рывком кинул свою худи на пол, глянул на меня, как на врага народа, еще раз треснул кулаком по стене – уже ногой, и, не торопясь, стал спускаться вниз, напрямик к Валерию, который тут же нервно стал отходить назад.

– Да перестань ты, – хлопнул музыканта по плечу Андрей, догоняя, – пошли уже, хватит подзадоривать этого наркомана.

Сто по сто, солист знаменитой рок-группы не слышал своего старшего товарища. Кей готов был броситься на обидчика, но менеджер оказался на высоте. Он перехватил подопечного, не давая ему кинуться на Валерия, а сам в очень вежливых выражениях попросил Ягу уйти куда-нибудь. Желательно куда-нибудь в преисподнюю.

– Убери руки, – прорычал Кей. – Я одному козлу сейчас покажу, кто тут женщина, а потом пойду.

– Покажи, покажи, – начал заводиться и Валерий. Нет, он определенно имеет неустойчивую психику.

– Кей, уймись, – холодно сказал Андрей. – У тебя же фотосессия на днях, одумайся. Ты с разбитым лицом хочешь сниматься, я не понял?

– Да пусть будет драка, – жизнерадостно проговорил длинноволосый дядька. – И пусть победит сильнейший.

– Что ты несешь? Какая драка? – появился откуда-то мой папа. Как я говорила, он физически не переносит насилия. – Что тут происходит? Добрый вечер, Андрей. Я вас давно жду, а вы все не идете и не идете.

– О, простите, – продолжал удерживать Кея менеджер, – мы немного застряли около вашей квартиры. Видите ли, тот субъект хочет немного побоксировать. – И он кивнул на Валерия, который уже давно ничего не хотел.

– Опять ты! – негодуя сказал Томас. – Тебе что, драться не с кем, чудило ядреное? Ой, Катенька, а ты почему там стоишь?

– Я тут гуляю, папа, – отвечала я ему раздраженно.

– Ты лучше гуляй на улице, а не по подъезду, а то соседи будут думать, что ты тут распиваешь спиртные напитки, куришь или занимаешься другими плохими вещами.

Андрей понял, что я – дочь Томаса, и тихо засмеялся. Еще бы, ему не улыбаться, он-то

как раз решил, что я тут плохими вещами занимаюсь.

– А еще лучше, Катя, иди в клуб, – продолжал давать глупые советы папа, – повеселись там. Ну ладно, всех прошу в дом! Прошу, как говорится, к нашему шалашу.

– Мрачный у вас шалаш, – усмехнулся Андрей, увидевший обстановку в доме.

– Отпусти меня, – обозленно взглянул на него из-под челки Кей, – я ему еще раз врежу.

– Ты бы девушку свою защитил, debil. Ну, давай, давай, врежь мне, слабак!

– Прекрати уже, Валерий, – взмолилась я.

– А что тут происходит? – вдруг показались в дверном проеме Ниночка и Келла, который в этот вечер не хотел оставлять ее одну и, кажется, решил проводить домой.

– Я не совсем понимаю, милая, – ответил тут же Томас, – но, по-моему, этот несносный тип ухаживает за Катенькой. Мне ее прежний мальчик куда больше нравился, кстати, вот... – но его голос был заглушен гневным криком Валерия, который тут же и думать забыл о Кее и переключился на его синеволосого друга. Теперь он очень хотел побить Келлу. Ниночка на Ягу, только что более-менее адекватного, подействовала как красная тряпка на быка. Хорошо еще, из квартиры вышли те самые волосато-бородатые рокеры и не дали Валерию осуществить свои намерения.

– Давай ему вместе вломим? – серьезно предложил Келла, показывая Кею красноречивый жест: легонько ударил кулаком по своей щеке.

– Давай.

– Вы с ума сошли! – не на шутку обозлился и Андрей, – я привез вас к человеку культуры, а вы тут драку устраиваете!

– Вот именно, – зачем-то поддержала я его, потому что мне было жалко Валерия и не хотелось, чтобы его действительно побили.

– О, а эта девочка знает, кому поддакивать, – громким шепотом сообщил Келла, но слышали его только я, Кей и Нинка, – ей наш менеджер очень по кайфу.

– Заткнись, – ткнула его кулаком в бок Нинка, – ты чего, сплетник, охренел в конец?

– Так тебе реально еще и он нравится? – в упор посмотрел на меня солист «На краю», а в это время папины гости под его чутким руководством выпроваживали Бабу Ягу. Фроловна из-за двери орала, что «сектанты бьют честного человека». Весь этот шум кончился тем, что в квартире нашей раздался вдруг вопль, гром, шорохи, а потом в коридоре появился Краб и не своим голосом завопил:

– Дух пришел! Мы вызвали духа!

– Страсти какие, – раздалось из-за двери Фроловны.

– Слышите? Мы вызвали духа!! – завыл медиум. Где-то заржал Леша.

– Я сейчас милицию вызову, – появилась, как по мановению волшебной палочки, на площадке учительница физики со своим мужем, – да что такое, каждую пятницу орете и орете!

– Вот именно! – раздалось из-за двери Фроловны.

– Андрей, проходите, пожалуйста. – Томас взял опешившего от такого количества событий менеджера за локоть и провел в квартиру, чтобы тот едва не столкнулся с вышедшим из комнаты Лешей.

– Да это кто-то из вас блюдце двигал, – пренебрежительно проговорил он, – придет к вам дух, ага. Рты пошире раззявьте, debilы медиумные.

– О, дизайнер, я видел его работы, – проводил его взглядом Андрей. – А в вашем доме много всяких... интересных людей.

– Достаточно, – благодушно согласился Томас, – а где ваш талантливый музыкант с синими волосами и моя почти что дочка Ниночка?

– Они убежали, взявшись за руки, – ответил длинноволосый дядька.

– Келла нашел себе девушку?

– Ниночку Журавль! Замечательная пара! Я вам о ней все-все расскажу.

– Кей, ты знал, что у Келлы есть девушка? – почему-то спросил Андрей у второго музыканта, все еще сердитого, как двести тысяч крокодилов.

– Я что, шпион? Откуда мне все про него знать? Андрей, мне тоже пора.

– Уже? Ты же не видел ничего.

– С одной девушкой поговорить хочу, – убрал со лба челку молодой человек.

– Ну-ну, – скептически посмотрел на него менеджер.

Со мной, что ли? Не хочу я с ним говорить.

Но Кей просто-напросто вновь поступил по-своему. Взял меня за руку и потащил за собой.

– Не гуляйте долго, – раздался вслед радостный голос Томаса, – до полуночи не задерживайтесь! А вообще, можете не приходить домой этой ночью! Андрей, милая пара, правда?

– Я чего-то не улавливаю здесь...

– В этом доме ничего и не надо улавливать, – и эти слова, сказанные кем-то из гостей отца, были последними, что я расслышала.

– За мной, – отрывисто сказал Кей, спускаясь по лестнице. Лифт проигнорил.

– Эй! Куда?

– Куда я скажу. Я теперь понимаю, почему ты такая, – проговорил Кей, таща меня за собой – а спускался он быстро: еще бы, с такими длинными ногами медленно ходить просто неприлично.

А мне вообще-то немного больно! Но я не сказала ему ни слова об этом.

– Какая?

– Легкодоступная, если верить этой старухе.

– Сам ты такой, мало ли что она обо мне говорит. Бред какой-то! Она с ума сошла!

– Не мало она говорит и очень интересно, – возразил он и молчал до тех пор, пока мы не оказались во дворе дома, освещенного фонарями.

– Садись, посидим, – кивнул на лавку парень.

Ну вот, совсем не романтично сидеть в собственном дворе, в котором ты знаешь каждый кустик. Хорошо хоть почти все листики распустились, и двор теперь не голый, а зеленый, нарядный.

Кей откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза. Я сидела на самом краю лавки и тоже молчала. И чего мы сюда пришли?

Я повернула голову и посмотрела на блондина. Когда он вот так вот закрывает глаза и, не двигаясь, откидывает голову, словно бы спит, он кажется милым и усталым от всего ребенком. Почему же когда он открывает рот, то говорит только одни гадости?

Я рассматривала лицо Кея, тайно чему-то радуясь.

Еще скажи – когда я вижу его прекрасную физию, я словно прикасаюсь к какой-то тайне.

Ага...

Я просто в умилении.

Да...

Слушай, ты же его должна жутко не мочь терпеть, ведь ты узнала, что этот упырь – близнец Антона, который портит ему жизнь.

Да, но, знаешь, лучше бы они оказались одним человеком.

С раздвоением личности?

Да хоть с расстройением.

По-моему, он и так расстроен. Смотри, как хмурится. Давай, порадуй его!

Как?

Возьми за нос – перекроешь доступ к кислороду, он обрадуется, наверное.

Я больна.

Я и не спору.

Пока я раздумывала, старательно приглушая голос своего эго, светловолосый резко открыл глаза.

– Бу, – сделал он вид, что пугает меня. А я действительно немного испугалась, как бы смешно это ни звучало.

– Чего уставилась? – подозрительно спросил Кей.

– Просто так, – смутилась я.

– На меня просто так не смотрят.

Да что ты говоришь? А как на тебя смотрят? В бинокль или в подзорную трубу, чтобы лучше видеть. В ответ я ему это, естественно, не сказала.

– Возьми, – протянула я молодому человеку его худи, брошенную на площадке. – Замерзнешь. Холодает.

Интересно, почему, несмотря на слова Антоши, я не чувствую к этому Кею каких-нибудь сильных негативных чувств? Ведь теперь я точно знаю, что суперзвезда просто делает гадости близнецу. Кстати, никогда не думала, что двойняшки могут до такой степени друг друга не любить. Мне казалось, они что-то вроде одного целого. Не зря же по телевизору частенько показывают передачи о том, что между ними существует какая-то особенная мистическая связь, и даже сны им снятся одинаковые. Последний факт был выведен мной в школе у девочек-близняшек, учащихся в нашем классе.

– Подобрала? Она грязная, не буду надевать, – свысока сказал он и небрежно кинул кофту рядом с собой.

Ну и ладно, мерзни в своей майке, на улице похолодало.

– А вообще, можешь оставить себе и продать в Интернете.

– Спасибо, не... я так и сделаю, – перегнувшись через него, я вновь завладела предметом одежды. Отдам ее Нелли – пусть радуется.

– Ты такая алчная девушка.

А ты такой придурок, просто слов нет.

– Да, я меркантильная. Зачем ты меня сюда позвал?

– Там сильно скучно и шумно. Кстати, твоя подружка-демоница что-то действительно делает с Келлой. Скажи ей, чтобы не слишком увлекалась им.

– Зачем мне это говорить Нинке? И называй ее, пожалуйста, по имени. Почему ты при ней весь такой вежливый и милый, а за глаза называешь демоницей?

– А разве она делает не также? – с кривой улыбкой спросил Кей, вычерчивая носом кед на земле какой-то знак.

– Хватит обсуждать человека.

– Хорошо, тогда ответить мне, не задумываясь. Ну, что у тебя с этим уродом? – близко-близко наклонился ко мне Кей, и самые длинные пряди его волос касались моих щек. У меня перехватило дыхание – такой он был милый, как переродившийся современный и неформальный Аполлон.

– С Валерой? Ничего, – отвела я взгляд, – это все просто случайно вышло...

– Случайно? – протянул он, почему-то не веря мне.

– Да.

– Да? – и он легким движением повернул меня за подбородок, чтобы я смотрела прямо. – Сколько у тебя там парней по подсчетам этой бабки?

– Дебил, что ли? Нет у меня никого.

– По ее словам, много, да. А мне ты даже, – он опять невесело засмеялся, – даже поцелуй подарить не хочешь. Видишь, как я красиво ради тебя выражаюсь?

– Спасибо, ты очень мил. – Мне захотелось коснуться его кожи.

– Нет, ты просто решила позлить меня, да?

– С чего бы это? Нет, совсем нет.

– Да.

– Нет.

Кей, ты такой глупый. Я бы очень хотела позлить тебя и заставить ревновать, но не думаю, что я смогу сделать это специально.

– Тебе нравится это делать. И не спорь, малышка.

– Это тебе нравится меня злить, – тут же возразила я. – И унижать.

– Когда это я тебя унижил? – удивился он.

– Всегда, – я хотела назвать его по имени, но тут же вспомнила, как на самом деле его зовут, поэтому добавила с легким злорадством, – Кирилл.

– Что? – его холодные глаза блеснули в темноте.

– Я знаю твое настоящее имя, – с триумфом сказала я. – Кирилл Тропинин.

– Если ты кому-нибудь об этом скажешь, я поймаю тебя и убью, – услышала я разозленный голос, – повешу. Я не буду тебя даже спрашивать, от кого ты узнала, чтобы не вздернуть этого человека прямо сейчас на ближайшем суку. Поняла меня?

– Ты такой вежливый.

Он едва слышно выругался.

Ой, как же не идет ему ругаться такими словами! И где наша хваленая выдержка и ядовитая язвительность, спрашивается?

– Такой, какой есть. Ты меня выставила идиотом, – вдруг сказал он.

– Извини.

– Простым «извини» не отделаешься, малышка, – парень вновь наклонился чуть ближе.

– В смысле? – не поняла я, нервничая.

– Еще раз со мной куда-нибудь сходишь.

– Значит, Арин прав, – глубокомысленно произнесла я, желая подразнить парня, – и я тебе нравлюсь.

– Это он так тебе сказал?

– Ага.

– Наверное, он соврал. Прости. Мой друг часто врет, – и вновь он немного наклонился. Такое чувство, что меня пытаются соблазнить. Нет, это, конечно, восхитительно, и все такое, но... тысяча но!

– Ты мне не нравишься. Слушай, детка, это странная просьба, но ты ее исполнишь, идет?

Он прошептал ее больным тоном.

– Какая еще просьба? На луну повыть? Поскакать вокруг тебя на руках? Полетать?

– Обними меня, Катя? – будничным тоном сказал Кей. Лучше бы я выла и скакала. Ну, как можно отказать ему, когда голос его такой... нормальный, как в первый вечер нашего знакомства.

Он улыбнулся, напомнив мне Антона – у того была такая же искренняя улыбка. Братья... Что сказать?

– Я же тебе не нравлюсь.

– И что? Обними.

И Кей одними губами добавил: «Пожалуйста».

И мне пришлось его обнять, с опаской, едва касаясь ладонями его спины, хотя я не думаю, что мне было неприятно это делать. Напротив, в те несчастные минуты мне было легко и очень хорошо, словно я только что нашла обладателя второго конца красной нити, которого так давно искала.

Он обнял меня в ответ. Вздохнул. Я осмелела и коснулась его волос. Думала, что они будут жесткими, но нет, они оказались мягкими. Просто не Кей, а пушистый кот. Который нагулялся сам по себе и, наконец, разрешил хозяйке погладить себя. Жаль, Кей мурчать не умеет. Хотя он вообще-то поет, и если принять его голос за мурлыканье... Ну что я опять несу? А ведь понимаю, что Антон, скорее всего, прав, его брат-дурак просто-напросто пытается, скажем так, соблазнить глупую Катю, чтобы насолить Антону. А Арина все же Кей уговорил мне позвонить, чтобы поднять свои акции в моих глазах. Но почему бас-гитарист группы «На краю» позвонил именно сегодня, так вовремя? Может, Антон брату все рассказал? Да ну, такого быть не может. Антош, прости меня за сегодня, ведь я опять делаю какие-то глупые, нет, идиотские вещи. Сижу и обнимаю твоего брата, который так похож на тебя в эти минуты, и даже странно, что я не замечала этого вашего сходства раньше. Хотя ты очень хотел, чтобы я его не замечала. Нет, надо перестать думать и просто насладиться моментом. Но буквально через две секунды музыкант все испортил.

– Как твоя нога? Болит? – вдруг спросил он.

И я резко отпрянула от Кея, чувствуя, как расширились от удивления мои глаза:

– Откуда ты знаешь, что у меня нога болит? – на какие-то секунды мне вновь вдруг показалось, что Кей и Антон – один и тот же человек, но этого не может быть. Они братья.

– Ты слегка хромала, – пожал плечами парень, напуганный моей реакцией.

– Хромала? Но у меня вроде почти ничего не болит, – растерялась я.

– Я не знаю, почему не болит, но ты явно хромала.

– А зачем ты в таком случае тащил меня за собой так быстро? – не выдержала я. – Раз знал, что мне может быть больно, чисто теоретически?

– Эй, это моя ошибка, мне жаль, – серые глаза, казавшиеся в темноте темнее обычного, на мгновение закрылись. – Я был взбешен.

– Ты, наверное, специально хотел, чтобы мне было больно, – мстительно сказала я.

– Нет, ты что. Я не доставляю женщинам физической боли, – сделал вид, что ему искренне жаль, парень. Но меня-то не проведешь! Еще пара встреч с этим светловолосым недоумком, и я буду знать его также хорошо, как и родная мама. Кстати, его-то мама любит, а вот бедного Антона, кажется, не очень.

– Ну-ну.

– Я похож на садиста? – уже другим, развязным тоном тут же спросил он.

– Да.

– Серьезно?

– Да.

– Итс кул, детка. – И зачем он вновь наклоняется ко мне и не сводит серых глаз с моего лица? Зная его, могу предположить, что я в чем-то испачкалась.

– Что? – почти беззвучно одними губами спросила я.

– Что что?

– Это я у тебя спрашиваю.

– Прости, – непонятно зачем произнес блондин и осторожно коснулся моего перевязанного под джинсами колена. – Прости, Катя.

И все ближе и ближе ко мне наклонялся, и, наверное, я бы сама поцеловала этого наглого красавца, если бы нам не помешали.

– Кей, – раздался, как всегда, веселый и громкий голос Келлы, – ты... о, прости, помешал! Дядя Келла удаляется. Он какбэ не существует, продолжайте, детки, – и с хохотом синеволосый перепрыгнул ближайший забор с намерением скрыться в кустах.

– Ничему ты не помешал. Пока, малышка. – Кей щелкнул меня, как маленькую, пальцем по носу.

– Мужик, не стесняйся, продолжайте, – запротестовал его одноклассник. Как потом выяснилось, Нинку он уже проводил.

– Нет, пора.

– Я – обломщик? Хреново. Пока, Катя, – отвесил мне шутовской поклон барабанщик на краю, – я люблю твою подружку! Скажи ей это!

– Скажу, – пообещала я. Честно сказать, я была недовольна появлением этого клоуна, и сердце все еще сжималось.

Кей встал и, не оглядываясь, зашагал рядом с Келлой, который о чем-то бурно начал рассказывать, размахивая руками. Я услышала только:

– В парке, прикинь, как идиоты из мелодрамы... Это просто...

Когда они скрылись в машине Кея, которую я узнала даже в темноте, я все же взгляделась в землю, исчерченную кедами парня. И мне показалась, что один из странных рисунков напоминает сердце.

Этой ночью я уснула с трудом. А снился мне камень – синий, красивый камень на цепочке...

И даже во сне меня не оставляла мысль, появившаяся внезапно. Был ли на Кее сегодня его топаз-талисман или нет? Кажется, нет... Я не успела обратить на это внимание. Вот дура, тату рассмотрела, а кулон не заметила.

Как и всегда, после очередных бурных событий в моей жизни наступила та самая пора, когда ничего интересного не происходит, и остается куча времени для самоанализа и подробного разбора самого себя и своих поступков. С недавних пор все мои психологические анализы сводились к тому, что я усиленно думала об Антоне и о Кее, об этих братьях-близнецах. Сначала я хотела рассказать обо всем Нинке, но, как всегда, промолчала, внезапно поняв, что моя подруга способна сделать жизнь Антоши в таком случае невыносимой. Кстати, эта сумасбродка постоянно переписывалась с Келлой по аське и по сотовому, и,

кажется, немного подобрела и на процентов тридцать меньше обычного придиралась к людям. Я спрашивала у нее, что она чувствует к Келле, побившему все рекорды – ни с кем так долго и так часто она не общалась. Но подружка неизменно отвечала, что все это делает ради Кеечки, к которому надо подобраться поближе.

– У меня есть план, – отвечала она и заговорщицки подмигивала.

– Какой? Напугай меня.

– Зануда, – и подруга тут же переводила разговор на другую тему.

Еще она постоянно шарилась по своим любимым клубам и с упрямством, достойным настоящего Мастера Твердолобства, звала меня с собой. Я отказывалась. Тогда девушка находила себе странные и весьма сомнительные компании, отрываясь с ними по полной программе, изредка совершая свое любимое перевоплощение в неформального вида особу.

В четверг, после особенно трудного и нудного семинара по гражданскому праву, где Ниночка в очередной раз блеснула своей памятью – она отхватила по этому предмету досрочный автомат и похвалу сварливого старого препода с прищуренным взглядом старого и опытного тигра, выискивающим, кого бы из студентов-кроликов съесть в очередной раз, она едва не показала свое истинное «я» всей нашей группе и половине соседней.

Журавль, страшно довольная своим автоматом, поэтому и безмерно счастливая и гордая, растолковывала по просьбе преподавателя какую-то схему девушкам из группы, понятную только ей одной. Надо сказать, подружка отлично умеет объяснять, как будто имеет большой преподавательский стаж. К тому же любит это делать – чувствует превосходство. Она любит говорить: «Люди в большинстве своем идиоты, им все нужно объяснять, все показывать и все рассказывать. Катя, грех не научиться этому всему, если ума есть хотя бы немного. Тогда тебя будут считать умной, очень умной. И доброй. А это есть основа для тайного, ну, или явного манипулирования».

Пока Нинка готовила почву для манипулирования, я ждала ее около самой двери, нетерпеливо притоптывая. Ждала не только подружку, но и сообщение от Антона, который со вчерашнего дня вновь пропал куда-то, а сегодня так и не пришел в универ. Я волновалась. И как он только будет сдавать экзамены и зачеты, которые все приближаются и приближаются?

Мои мысли были нарушены появлением в аудитории незнакомой особы лет двадцати, очень худенькой, изящной, с очень красивым, можно сказать, кукольным лицом и неестественно длинными ресницами.

«Нарощенные, наверное», – подумала я про себя, лениво оглядывая новенькую. Я тоже такие раньше хотела – очень сильно. Нинка напугала меня тем, что со временем искусственные отпадут вместе со своими родными, что красоты глазкам явно не прибавит.

Девушка огляделась, поджала губы и быстрым, нервным шагом подошла почему-то ко мне. Наверное, потому, что я находилась к ней ближе остальных одногруппников.

– Привет, – обратилась она ко мне.

– Привет, – удивленно поздоровалась я в ответ.

– Я ищу одного человека, ты не могла бы мне помочь? Она из вашей группы.

– Да, конечно, кого ты ищешь?

– Ее зовут Нина. Нина Журавль, – произнесла вновь прибывшая, продолжая оглядывать девушек из группы.

– Э-э-э... а зачем она тебе? – удивилась я. У моей подружки море знакомых, которых я не знаю, но пока еще никто вот так вот не искал ее – обычно сами могли с ней связаться по

телефону.

– Поговорить хочу, – с какими-то недобрыми нотками произнесла девушка, сверкнув глазами, и мне показалось, что тут что-то неладно.

– Просто поговорить? – уточнила я с опаской.

– Не просто. Очень серьезно. – Она хмыкнула, а в ее глазах блеснула едва ли не ненависть. – Ты же ее знаешь, да?

– Знаю, – не стала я отпираться и выдала: – А Журавль сегодня нет и не будет – она заболела.

– Заболе-е-ела? – разочарованно протянула девушка. – Seriously?

– Я не вру, – ступешалась я, потому что как раз этим и занималась.

– Я имею в виду, серьезно заболела? – с неприятной улыбкой уточнила девушка, явно желая этого.

– Не знаю, мы не общаемся близко.

– Жаль, жаль. Надеюсь, что она будет мучиться, эта выдра, – с неожиданной для такой хрупкой руки силой девушка ударила по столу.

– А что случилось-то? – включила я дурочку.

– Парня у меня увела, тварь, – процедила она. – Убью ее, эту... – И Ниночка была названа представительницей самой древней женской профессии на свете. – Ну, ничего, я еще приду. Спасибо, девушка, – она мило мне улыбнулась и вышла.

Я в шоке проводила ее тонкую фигуру глазами и запустила руку в волосы. Ну, Нинка дает, когда это она успела? Может, это девушка Келлы?

Но оказалось, синеволосяй к этому не имеет никакого отношения. Когда я поведала освободившейся подружке о недружелюбной девушке, эта блондинка первым делом заявила:

– Какой у меня Ангел-Хранитель сильный! Ты посмотри, как мне везет. Катка, спасибо тебе! Я тебя прямо люблю! – и в порыве чувств развеселившаяся Ниночка схватила меня за щеки и принялась тянуть их в разные стороны.

– Отвяжись! – отпрыгнула я в сторону от этой ненормальной. И едва не врезалась в преподавателя по философии, спешащего куда-то по коридору.

– Радова, осторожнее! – сделали мне замечание.

– Простите, – косо посмотрела я на Нинку, ржущую на всю округу.

– И чего смешного? Кто это вообще такая приходила? Ты у нее парня отбила? Да тебя эта девица убить хотела!

– Да она дура, – веселилась Нинка, – надо же, на тебя нарвалась, а ты не ступила в кои-то веки. Нет, я бы ей задницу надрала, просто при всех... нет, при всех я такого делать не стала бы. Поехали-ка домой, дорогуша? Ой, мороженое давай купим, а то жарко сегодня.

– Нин, так я понять не могу, что за парень? – не понимала я ее веселья. – Может, она Бабы-Яжская?

– Чья? – не поняла Нинка, одевая большие и модные солнечные очки.

– Бабы Яги, – поправила я.

– Не-а. Это телка, – некультурно выразилась подруга, – герла одного гламурного подонка из клуба «Турецкий папа».

– Какого еще подонка? – безмерно удивилась я. – Где ты его взяла? А как же Келла?

– Такого, мы познакомились давно, а вчера и позавчера в клубе виделись. Я ведь звала тебя в клуб, правда? Ты опять не пошла. Я с ним немного позаигрывала, потанцевала, мы немного погуляли по ночному городу, – Нинка рассмеялась, – я дала надежду, а он взял и

бросил свою девицу через два дня.

– Это ужасно! Зачем тебе кто-то нужен, если у тебя есть Келла?

Нинка почему-то немного рассердилась.

– Милая, Келла – промежуточный этап на дороге завоевания Кея и моя синенькая славная тропинка к Эльзе и ее наследству, которая, кстати говоря, ждет нас на неделе.

– Так этот... как его... «гламурный подонок» тебе вообще нужен?

– Нет, – ответила подруга таким тоном, словно речь шла об одежде, вышедшей из моды, – хотя он милый. У него сильные руки, и он боится щекотки.

– Я думала, тебе Келла все же нравится, – осуждающе уставилась я на подружку.

– Ну, – пожала плечами Ниночка, – он бывает милым и сумасшедшим, и мне нравится в нем эта черта, но я не собираюсь быть с ним – я не идиотка. А другие парни нужны мне, чтобы слишком сильно не привязаться к рылу. Вот и все – простая арифметика. У меня есть другой, значит, к синему я не буду испытывать привязанности.

Но почему у меня другая ситуация? Мне нравятся два молодых человека, но к каждому из них симпатия только растет и растет, а не уменьшается! В чем дело? Почему мы с Журавлем такие разные?

– Нин, а чувства той девушки? Она, конечно, не самая приятная, но вдруг она того парня очень любит? – предположила я задумчиво, когда мы уже вышли из здания университета.

Блондинка еще больше рассердилась. Даже сбавила шаг.

– Катя, мне что, надо обо всех на свете заботиться? Мне без разницы, что там с этой девкой. Не смогла удержать своего парня – я не виновата. Значит, не так сильно она ему нравилась, раз так быстро и легко он с ней расстался. Мир – штука большая, а я – маленькая, не могу уследить за всеобщим счастьем.

– Не злись, – тронула я подругу за локоть, – пошли лучше мороженого поедим.

– Пошли, лопух. Эх, не понимаешь ты ничего в этой жизни... – И она перестала сердиться. Еще бы, эту обжору ждало целых четыре рожка, которые пропали в ее пищеварительной системе крайне быстро, чудесным образом превращаясь не в калории, а во что-то иное. Наверное, в мозг – не зря Нинка умная.

Мы гуляли с Нинкой до самого вечера этой жаркой пятницы. Я успела услышать от нее кучу сплетен, новостей, неприличных домыслов и пару новых замысловатых фраз, которые сама решаюсь произнести только в состоянии крайней злости.

Расстались мы около нашей бывшей школы, где напоследок добрая и любящая учителей Журавль на полном серьезе предложила мне разбить окно экономичке, едва не запоровшей Нинкину золотую медаль. В аттестат она хотела поставить ей не пятерку, а четверку. Почему? Ответ, в общем-то, банален и опять-таки связан с любовью. Сын нашей экономички, которая, кстати, была одним из завучей, учился в параллельном классе. И одно время ухаживал за нашей первой красавицей всея школы, и Нинка даже согласилась сходить с ним на свидание. Но после этого он был избит собственными одноклассниками, позавидовавшими удачливому приятелю. Разгорелся страшный скандал. Экономичка во всем обвиняла мою подругу и даже приходила к ней домой с разборками. Естественно, дядя Витя тут же принялся защищать среднюю дочь, назвав сына оскорбленной учительницы «неудачником, прохиндеем и слабаком».

– Он был один против троих! – орала преподавательница.

– Да я в его возрасте и пятерых укладывал за минуту! – еще громче орал Виктор Андреевич.

– Я так и зала, что вы были хулиганом! Воспитание ребенка зависит от семьи! А чего ждать от отца, который сам только и делал, что дрался? Что? – не сбавляла голоса экономичка. – Чему вы научили свою Нину? Непростительным выходкам!

– Каким таким выходкам? Моя Нинка что, сама вашему слюнтяю морду чистила? – язвительно поинтересовался мужчина тогда.

– Она подговорила мальчишек! За ней полшколы бегают, да будет вам известно, милейший! Да лучше бы ваша дочь уроки учила! Экономику, например, чтобы хоть чего-то в жизни добиться самостоятельно.

– А вы вот хорошо экономику знаете, да?

– Естественно, – гордо вздернула подбородок преподавательница, – это моя стихия. Я, между прочим, окончила два университета, чтоб вы знали!

– Да что вы говорите, госпожа Хорошая Учительница! А что же вы до сих пор миллионершей-то не стали, раз так прекрасно в экономике разбираетесь? Открыли бы дело, а? Кредитик бы взяли для начала! Раскрутились бы вовсю, используя эти ваши экономические приемчики! – кричал гневно Нинкин папа, тараща глаза. – А я, может, и дрался, зато выбился в люди! – и он обвел рукой свою роскошную квартиру.

– Вы, не побоюсь этого слова, спекулянт и вор! Честным людям такого богатства не нажить просто так! – не могла простить дядя Вите оскорбление сына учительница.

– Спекулянт? И это говорит мне специалист по экономике? Три раза «ха»!

С тех пор отношения между Журавлем и экономичкой очень осложнились. Только благодаря стараниям нашей классной руководительницы, вовремя забравшей классный журнал у преподавательницы экономики, в Нинкином школьном аттестате не появилась совершенно лишняя тройка. Обозленная экономичка тут же побежала к директору, но тот, только что получивший неплохую материальную помощь от Виктора Андреевича, только развел руками, мол, Нина Викторовна Журавль – лучшая ученица этого выпуска, и аттестат ей портить не рекомендуется. Очень сильно.

Все это нам с Нинкой тут же вспомнилось, как только мы оказались около нашего бывшего среднего учебного заведения. Вспомнив еще пару каких-то смешных эпизодов, мы, наконец, разошлись по домам. Там я принялась составлять план проведения выходных, забыв, что все мои планы всегда трещат по швам.

Как всегда, эту субботу я очень хотела посвятить чему-нибудь полезному. Например, подготовке к экзаменам, которых в этом семестре будет куча, и все как один неприятные и сложные. Я даже составила список того, что мне необходимо сделать в субботу и старательно записала его в блокнот.

Пока писала, сидела на кухне и слушала ворчание Алексея о том, что «в этом сумасшедшем доме» он трудится у плиты «как самая настоящая бешеная домохозяйка», потому что остальные домочадцы настолько обленились и «офигели», что ему, несчастной трудовой пчелке по имени Алеша, приходится просто «из кожи вон вылазить, чтобы накормить нас, недотеп криворуких». На самом деле никто его не просил о таком подвиге, просто где-то в глубине души родственнику было жаль своих племянников, остающихся на ночь одних. Нет, определенно надо научиться готовить.

– Я все-таки модель и дизайнер, а не паршивая служанка Радовых, – возмущался Леша под ухом. – Да если бы мои женщины узнали, чем я тут занимаюсь, я давно остался бы навечно один! Да меня модным стилигой считать перестанут.

– Ну, так не занимайся, стилига антиковайная, – волком глянула на него Нелли, с самого

утра чем-то обозленная.

– А ты мне не указывай, мелюзга.

– Не умничай! Выкинули мою фотку и рады! – взвилась на ноги сестра.

– Какую еще фотку? – с отвращением натянул на себя фартук дядя. Он очень боялся запачкать дорогой костюм, в котором собирался на вечерний променад с какой-то там Нателлой, а переодеваться он не хотел – опаздывал, видите ли.

– Мою любимую!

– Нужна нам твоя фотка, – ловко вытащил сковороду из шкафчика Алексей, – какой идиот опять запихал сковороду в этот кретинский шкаф? Я тут что, должен всю кухню обшарить, чтобы ее найти? А что касается твоего фото, мелкая, так на фига нам оно сдалось? Мы тебя и так вынуждены каждый день лицезреть лично. Или ты считаешь себя такой красоткой, что украв твои снимки и продавая их повсюду, мы сможем разбогатеть?

– Идиот! – прокричала Нелька. – Это фотография с Кеечкой!

– Какой еще феечкой? – ловко достал масло и специи дядя, – ты что, от своего аниме на фей из мультика «Блум» перекинулась?

– Не «Блум, а «Винкс», и я терпеть не могу этих тощих куриц, не говори мне о них, – как одна из многих истинных любительниц аниме переходного возраста, Нелли терпеть не могла этот мультфильм. – И вообще, я имела в виду Кея из группы «На краю». У меня была его бесценная фотография, а теперь она пропала!

– А мы-то тут при чем? – стал колдовать над сковородой Леша, – запихала своего Кея куда-то... И вообще, что у тебя за фанатизм?

– У всех есть кумиры! – запальчиво воскликнула Нелли.

– О, знала бы ты, ЧТО кумиры думают о своих фанатах, – заржал дядя со знанием дела.

– Отстань, зануда, – обозлилась сестренка. – Кей – классный. Кавайный парень! Он к нам в школу приходил!

– Зачем? Педофил, что ли? Девочек себе ищет? – захохотал родственник еще громче. Я тоже невольно улыбнулась.

– Идиот, – надулась сестренка.

– Ну ладно, пусть он будет идиотом, мне не жалко. Эй, Кать, достань рис, – между делом обратился Лешка ко мне.

– Он не идиот! Почему ты вечно презираешь мои вкусы! То аниме ему не нравится, то фильмы, то любимые группы. К «Лордам» придрался! К «На краю» придрался! – в конец разобиделась сестра. – А Кея не трогай. Он няшный и кавайный.

– Ага, ага, знаем. Да вы, фанатки, сумасшедшие существа. Фоточка у нее пропала. Лучше мозги поищи. Совсем размякли на почве поклонения. А будешь спорить – готовить не буду, сестренка сварит.

– Только не Катя, – в священном ужасе прошептала Нелли и замолчала, подмигивая мне. Долго злиться она не умела.

После ухода Алексея мы с сестрой впервые за пару месяцев решили вместе посмотреть какой-нибудь фильм и даже припахали к этому занятию Эдгара, крайне недовольного таким вниманием к его скромной компьютеризированной персоне.

– Но там у меня война, – слабо отбивался он от нас, – мои пехотинцы...

– Какие еще пехотинцы? Это тебе в армию надо! – не удержалась я. Интересно, а Кею в этом месте понравится? А Келле? Вот Антона я бы туда не отправила...

– Война подождет, даешь молодежные комедии! – отозвалась сестра, выдергивая из-под

брата стул.

– Или ты смотришь с нами кино, или мы тебе поесть не оставим, – привела я веский довод, так напугавший Эдгара, что он покорно последовал за нами в нашу же комнату.

– Может, ужасики? – с надеждой спросил он.

– Ни за что, – было ему дружным ответом.

– Катька, Нинку позовешь? – спросила сестра. – С ней всегда весело.

– Не-а, она на свидании, – ответила я, удобно устраиваясь перед экраном. Нинка сегодняшним вечером мне буквально уши прожужжала про этого «гламурного подонка», который от нее тащится.

– С кем?

– Я не знаю этого парня.

– Во Ниночка какая, постоянно себе находит парней, – пригорюнилась сестра, – а я вот не могу.

– А ты учись лучше, а не мальчишек ищи, – наставительно сказала я сестре.

– Ой, много ты понимаешь, оне-тян. И кого у нас тут ловить? Начинаящих гопников? Все самые кавайные мальчики находятся по ту сторону монитора. Я вообще милого японца хочу.

– Зачем тебе китаец? – удивился братец.

– Сам ты китаец! – оскорбилась Нелька. – Я же сказала – японец!

– А не одна ли это раса? Все они похожи...

– Я тебя ненавижу, гамадрил!!

В этот вечер мы умудрились посмотреть целых три фильма, а потом уснули как убитые, даже полуночник Эдгар. Кстати, я заметила, что братик смущается смотреть вместе с нами сцены, называемые в народе откровенными, а в современных молодежных комедиях таких навалом. Было очень интересно за его реакцией следить. Глупый он еще у нас...

Сон мой, как и всегда это бывает по выходным, прервали искусственно.

– Собирайся, – разбудила меня Нинка звонком по телефону. И любит же она это делать.

– Куда? – не поняла я. Со сна голос мой был хриплым и сиплым.

– Ну, у тебя и голосок. Настоящий бас, – тут же отметила этот факт подруга, – ты реальный прокуренный бомж, Катька.

Я прокашлялась.

– Нормальный у меня голос, – ответила я. – И хватит постоянно находить во мне недостатки.

– Если этого не буду делать я, то кто это будет делать? – заметила подруга.

– Кроме тебя – никто, – зевнула я.

– Ошибаешься, дорогая. Все эти люди только и делают, что ищут в других недостатки. В общем, собирайся.

– Куда это?

– В гости, с ответным визитом, – хохотнула она.

– В какие еще гости? – не поняла я, вновь громкая зевая. Судя по тому, как светло в моей комнате, сейчас никак не меньше одиннадцати часов. Но почему Нелли все еще спит? В это время она уже должна быть в школе.

– Хватить зевать, как слон. В гости к нашим любимым мальчикам. Нет, к моим любимым мальчикам.

– Это к каким? Нина, оставь меня в покое, у меня сегодня куча дел.

– Это к «На краю». В покое не оставлю, не надейся. Короче, мы поедем к ним в студию.

В час будь готова. И если ты оденешься так же, как и в зоопарк, я тебя убью. Поняла?

– Не поеду я никуда! Ты надо мной издеваешься, что ли?

– Да, – тут же призналась Нинка со злорадным смехом.

– Потише, пожалуйста, – сонно произнесла сестра, скидывая одеяло на пол.

– А ты молчи, прогульщица! – прикрикнула я на Нельку, а подруге пояснила: – Это я не тебе.

– Еще бы, это было бы мне. Короче, милая, ты готова выставить свои телеса из своего подъезда в час дня? Я заеду как всегда.

Я задумалась. С одной стороны, конечно, интересно побывать в святой святых «На краю», хотя я совершенно не понимаю, как подруга собирается к ним вломиться. Но с другой, я не хочу встречаться с музыкантами группы, потому что все наше общение – глупое и частенько неприятное для меня. С третьей же стороны, хочу понаблюдать за поведением Кея и узнать, наконец, что с его кулоном. Ну не дает мне он покоя, этот топаз в серебре, не дает. Раньше блондин всегда таскал его. На множестве фотографий я смогла разглядеть синий камень – специально для этого два часа лазила по всему Интернету, ища фото с группой «На краю» в общем и с Кеем в частности. И когда Нелька пришла домой, то тут же сунула свой длинный нос в компьютер и в браузере нашла не менее двух десятков вкладок, посвященных сами понимаете кому. Я совершенно случайно забыла закрыть их, когда ушла на кухню.

– Ты что, – в полном восторге влетела в кухню младшая сестра, – тоже стала фанаткой??

Пришлось врать, что в гостях была подруга-однорупница, которая тащится по «На краю».

Получается так: я куда-то выкинула кулон Антоши, за что мне до сих пор жутко стыдно, но Кей тоже перестал его носить. Кажется, перестал.

– А что, пойдем, – сказала я вдруг в трубку. – Буду готова.

– Спасибо, ты самый настоящий друг, Катечка! Ну, ты просто пусечка, лапочка, – засюсюкала Нина тут же, – спасибочки тебе огромное! Ой, по второй линии Келла звонит. Пока-пока!

– Пока. И хватит так говорить!

В результате я, сделав замечания по поводу прогулов сестре, позавтракав и даже помыв голову, ровно в час дня ждала Нинку и ее неизменное такси.

– Садись, – приветствовала меня подруга, облаченная в очередную новинку: приятно-розового цвета платье до колен, с рукавами-фонариками, отложным воротником и декоративными рюшами. Тонкую талию подружка решила подчеркнуть черным ремнем, а на ноги, конечно же, напялила шпильки.

Я села рядом с подругой, которая сегодня подозрительно напоминала мне Барби.

– И во что ты опять вырядилась, чучело? – окинула меня пронзительным взглядом Нинка.

– Сама ты чучело, – оглядела я довольным взглядом серый милый сарафанчик, с длинными, перекрещивающимися сзади широкими лямками.

– Белая блузка и сарафан, – осуждающе уставилась на меня Нинка, – я в тебя в последнее время вообще не врубаюсь. Ты назло мне одеваешь всякую старомодную фигню?

– Это хорошая вещь! – вступилась я за свою одежду.

– Ну, по крайней мере этот серый мешок тебе хотя бы до колен, – так тяжело вздохнула Журавль, словно бы я ее лично обидела сейчас или даже ударила.

До конца этой поездки Нинка, не останавливаясь, болтала обо всем на свете – сразу видно, что у подружки хорошее настроение! Своими бесконечными разговорами она достала даже водителя. Он так жалобно смотрел на нее в зеркало заднего вида, что я пожалела этого лысого молчаливого дяденьку.

Высадились мы, постояв немного в пробке, через час, около высокого белоснежного здания, где на верхних этажах вроде бы находились фирмы и организации, а на первом и втором расположился крупный супермаркет, который день и ночь рекламировали по всем телеканалам.

– Нам сюда, – довольно оглядела здание подруга.

– Нин, ты мне скажи, тебя Келла пригласил?

– Нет, я сама себя пригласила, – самодовольно отвечала она, целеустремленно продвигаясь к большим стеклянным дверям.

– Что?

– Что слышала, ты же не глухая, пошли быстрее, – рявкнула блондинка.

– Ты совсем алло? Как мы пройдем-то? Так нас и пустят.

– Обыкновенно пройдем. У моего крестного, между прочим, в этом здании тоже расположен офис. Ха-ха-ха. Вот же ирония судьбы! В общем, Саша нас встретит, проведет, а уж куда идти – я разберусь. Не зря же я у синеволосого рыла выведала, где они точно находятся.

– Нина, я просто в шоке от тебя, – я даже остановилась. – Мы что, просто так припремся к ним?

– Ты можешь извиниться за вторжение, а я не буду, – потащила меня подруга за руку, – говорю же, идем быстрее, у Саши, между прочим, тоже дела есть.

– Ты такая изобретательная, что слов нет...

Вот таким образом мы и попали в это здание, охраняемое от всех посторонних людей, в том числе и от поклонников группы «На краю». Саша, крестный подруги, действительно отложил свои дела, чтобы встретить меня и Нину на ресепшн и любезно доставил до последнего, четырнадцатого этажа, не забыв сделать нам обоим комплименты, а Нинку еще и расспросить о родителях. Напоследок этот мужчина в жутко дорогом костюме от Армани подмигнул крестнице и пожелал удачи, после чего ушел.

– Как хорошо иметь такого вот Сашу, – проводила его почти добрым взглядом Нинка. – Хороший мужик! Даже не спросил, зачем мне сюда нужно.

– Смотри, чтобы нас охрана не выставила, – мрачно отвечала я подруге. – Как ты теперь попадешь в их студию? Туда кого попало тоже ведь не пускают, наверное.

– Катя, глупая ты моя подруга, у меня все просчитано, – рассмеялась Нинка, уверенно шагая по мраморному полу куда-то вперед и заодно увлекая за собой меня. – Я просто спросила у рыла, во сколько он явится в эту свою студию на фотосессию, и он сказал, что приехать нужно к часу, чтобы решить кое-какие дела, а фотосет будет чуть позже. Мой глупенький, маленький Келла, не знал, что выдает стратегически важную информацию. Сейчас он придет, мы его встретим около студии, прилипнем, он нас и проведет, а отделаться от меня этому влюбленному идиоту будет ой как сложно.

– Верю. Ты меня все больше и больше удивляешь, – мрачно отозвалась я, остановившись напротив большой белой двери. – Если тебе Келла не очень-то и нравится, то зачем мы сюда

пришли?

– Ради Кея, естественно, – невозмутимо отвечала блондинка. – Я, кстати, хорошо выгляжу? А помада мне подходит? Я милая, да? Нет, – поправила подруга сама себя, – я красивая.

– А мы сейчас будем туда заходить? – ткнула я пальцем в дверь. – Там вроде бы кто-то есть.

– Нет, естественно, не будем. Келлы еще нет, а охрана нас действительно погонит, подумает, что мы фанатки, – уселась на стоящий в коридоре белый кожаный диван девушка. – Подождем моего милого идиотика.

Ждали мы совсем недолго и действительно дождались именно Келлу, а не кого-нибудь другого, например, Арина, который, появившись, мог бы случайно проболтаться подруге, где и при каких обстоятельствах мы с ним познакомились, да и про Кея он мог нечаянно ляпнуть. Но пришел все же синеволосый, дав мне облегченно вздохнуть.

Парень, не снимая огромных наушников, вразвалочку направлялся в нашу сторону, явно не замечая. Лейкопластыря на его многострадальной голове уже не было, и смотрелся он с новой прической очень необычно. По обыкновению на нем была одежда цвета хаки – на этот раз бриджи с парой цепей. Торс облегал, подчеркивая спортивную фигуру, яркая бордовая майка, а на ногах виднелись бело-черные простые кеды. Радовалась бы Нинка такому парню, так нет, все ей нужны интриги.

– Привет, милый! – царственно поплыла к нему Ниночка.

«Милый», как раз снимавший наушники, остановился и выронил их на пол.

– Ты? – затравленно посмотрел он на Нинку.

– Нет, это всего лишь мое второе я, – ответила она и, капризно надув губки, протянула: – Ты мне рад, мой милый Келла?

– А... естественно рад, моя Королева, – взял себя в руки парень и, запоздало подхватив девушку на руки, закружил в воздухе. Она тут же заорала:

– Отпусти меня, урод, уронишь ведь!

– Нет, моя любимая, я тебя никуда не отпущу! – смеялся он.

– Отпусти!! Рыло несчастное крашеное! Немедленно подчинись мне! – немного перегнула в выражениях палку моя подружка и добилась только того, что Келла из чувства противоречия закружил ее еще сильнее. Кажется, синеволосому не нравилось подчиняться.

Пока один хохотал, а другая вопила, белая дверь открылась, и на пороге появился заспанный молодой человек среднего роста со сложной прической, в которой доминировали разнообразные каштановые и коричневые оттенки. Чем-то он напоминал мне то ли плюшевого зайку, то ли мишку Тедди: светлокожий и довольно худой, с совершенно спокойным лицом и улыбающимися темными глазами. Он был в ярко-зеленой, с изображением лыбящихся графических монстров, толстовке с длинными растянутыми рукавами, из-под которых выглядывали лишь кончики пальцев, и в широких темных джинсах, едва ли не волочившихся по полу, закрывая кеды с толстой подошвой. Это был один из близнецов, играющих в группе, и, судя по стилю, этого молодого человека с милым лицом зовут Филипп.

– Я так и знал, что это ты шумишь, – вздохнул он и почему-то улыбнулся мне, как будто бы шумела я. Мне тоже захотелось улыбнуться. Этому доброму с виду и дружелюбному парню невозможно было не улыбаться.

– Здорово, – оставил, наконец, Нинку в покое Келла и пожал руку «коллеге», хлопнув его

по плечу. – Чувак, это моя девушка, – притянул он к себе блондинку, поправляющую свое платье, и поцеловал ее в лоб. – Ниночка.

– В лоб целуют покойников, – меланхолично заметил парень с разноцветной прической, – а не живых. Но мне очень приятно познакомиться с тобой, Нина. – И он улыбнулся моей подруге, а та в ответ зашебетала, что тоже рада-прерада с ним познакомиться.

– Ты так классно играешь на гитаре, – похвалила его Нинка, думаю, назло Келле.

– Спасибо, Нина. Можно, я буду звать тебя Ниночкой? Ты такая воздушная, похожа на белую волшебницу из страны Грез.

Келла выразительно завел глаза к потолку. У Журавлика появилась почти неразличимая ухмылочка. А мне Фил понравился. По-моему, вполне приятный очень мечтательный молодой человек, весь в себе – настоящий музыкант.

– Конечно же, – ласково улыбнулась ему подруга.

Филипп перевел взгляд своих карих, с поволокой, глаз на меня и опять спросил:

– А эта изящная брюнетка тоже твоя девушка? Ты же любишь много девушек и...

– Эй! Помолчи, а? Не обращайтесь внимания, девочки, этот парень бывает странным. Он у нас что-то вроде местного дурачка. Правда, народ считает его брутальным типом, но это неправда, – наградил его злобным взглядом Келла. – Фил, дружище, это подруга моей Королевы, Кей ее тоже... хм... знает.

– Наш общий друг Кей? – опять принялся разглядывать меня музыкант, засунув руки в карманы толстовки.

– Наш общий друг Кей, – с ухмылкой отозвался Келла. – Девочки, я же говорю, наш Фил – парень с мозгами набекрень.

– Я нормальный, – с легкой обидой отозвался Фил, – ну так это что за милая девушка? Как ее зовут?

Я милая девушка? Надо же, как комплимент из уст незнакомого парня может обрадовать!

– Ее зовут Катя. Да, тебя ведь зовут Катя?

Нет, меня зовут Вася Уточкин.

– Катя-Катя, – ледяным тоном проговорила Нинка, – а для тебя, рыло, Катрина Томасовна. Зови ее на «вы». Не забывай кланяться и целовать ей ручку.

– Как-как? – хлопнул по колену синеволосый, пропустив ругательства и остановившись на моем полном имени-отчестве. – Катрина Томасовна? Ты еще хлеще, чем... – Как кто, он не стал договаривать. – Вот приколы! Твой батя – офигенный чудак! Я к вам еще в гости приду, о'кей?

– О'кей, – кивнула я ему. Ага, жду я тебя, синий, очень. У тебя Ниночка есть, вот к ней и ходи в гости. У нее тоже папа есть. Виктор Андреевич – дядька хороший, интересный, много слов знает и выражений...

– Стильный сарафан, – вдруг обошел Фил вокруг меня и зачем-то даже подергал за лямки.

– Спасибо.

– Тебе идет этот цвет. Сарафан такой же милый, как и ты. – Уж не знаю, как пришел этот обаяшка к такому выводу, но мне его слова пришлись по душе.

– Ну, попроси поносить, раз так нравится, – вдруг раздался точно такой же голос у нас за спинами. Только если у Фила интонации отличались мягкостью и плавностью, то второй

голос был резким и насмешливо-острым.

Я тут же обернулась и увидела в живую пятого и последнего члена группы «На краю» – точную копию странного Филиппа, только у копии волосы были намного короче и равномерно черные – я так и не смогла понять, крашенные или нет. Зато этот парень имел длиннющую косую челку, закрывающую пол-лица и большой черный тоннель в ухе. А одет был почти точно так же, как и его брат, только вместо зеленой толстовки на нем была фиолетовая. Даже кеды были одинаковыми!

– Ты опять опоздал, – сказал ему Фил. – Дрых? Все на свете проспичь.

– Ты опять сказал очередную глупость, – парировал ему близнец. – Тупишь?

– Хватит все время меня дразнить.

– Хватит все время меня дразнить, – тоненьким голоском отозвался парень в фиолетовой толстовке.

– Эй, перестань! – повысил голос Филипп.

– Эй, перестань, – прошепелявил любящий братик и скорчил уморительную рожицу. Забавные парни, надо сказать. На постерах выглядят совсем по-другому – более взросло и брутально, да. Особенно Филипп. В клипах и на сцене он просто оживший монстр из страшных снов, а в жизни же он просто лапка. Его брат, напротив, в реальности весельчак с невыносимым характером и с цепким взглядом, а на сцене бывает иногда аналогом мальчика-одуванчика от тяжелого рока, таким падшим ангелом. Ох уж эти сценические образы.

– Хай, Рэн, – поздоровался и с ним Келла. И что за имена у них дурацкие? Специально нахватили себе всяких кличек, чтобы круче казаться. Вот как Кея зовут – я знаю, а интересно, какие у остальных имена настоящие? Надо будет попробовать узнать.

– Привет, дружище. Что за милашки сегодня с тобой? Поклонницы? – заинтересованно поглядел Рэн на Нинку, а та коварно ему улыбнулась.

– Ты же знаешь, что Андрей не разрешает приводить фанаток, – отвечал ему Келла, ревностно следя, чтобы вновь пришедший не приближался к Нинке слишком близко.

И он вновь был вынужден нас представить, не забыв повторить последнему члену «На краю», что Ниночка занята им, Келлой, и что претензий на нее он не потерпит. Рэн принял это к сведению, и все его внимание переместилось на меня. Однако он вдруг прищурился и сказал:

– Эх, и ты тоже занята, принцесса. Опять облом. А я помню тебя. Ты мне нравишься. – И он улыбнулся и добавил: – Хорошая девочка.

– Откуда он тебя помнит? – прошептала подруга мне тут же.

– С клуба, наверное, когда ты жутко напилась, – нашлась я.

– А-а-а... Ты же пригласишь нас в вашу студию, милый, – склонила белокурую голову к плечу своего парня хитрая Нинка, страшно довольная происходящим.

– Ну... – явно не знал, что отвечать синеволосый. – Андрей не любит, когда мы приво...

– Конечно, леди, проходите, я вас приглашаю лично, – выручил нас милашка Фил и открыл двери перед нами. Келла одарил его презрительным взглядом и что-то прошептал. Что-то вроде:

– ...начищу тебе... морду, с-с-су...

– Что ты сказал? – внимательно поглядела на него Журавль.

– Э-э-э... я просто рассуждаю о том, что эти двое такие разные. С-с-существенно, – нашелся барабанщик. – Один вечно бухтит какую-то фигню, второй все время спорит.

Забавные парни.

– Ты опять оделся, как я, – тем временем донесся до нас сердитый голос Рэна, – ты меня копируешь, придурок!

– Это ты меня копируешь. Я первый приехал, – медленно и с расстановкой отвечал ему брат. – Признайся сразу, у тебя нет вкуса, одни претензии на него.

– А у тебя есть? Чуть с бедной брюнетки сарафан не снял. Ты женщина!

И парни скрылись из виду.

Келле ничего не оставалось делать, как попросить нас следовать за ним. Мы вошли в хорошо освещенное помещение с большими окнами, украшенными не обычными офисными жалюзи, а изящными, сложно задрапированными шторами. Здесь, между светлыми кожаными диванами и пальмами в кадках, действительно находились два сильных с виду охранника, а за округлой стойкой сидела миловидная девушка – зачем она нужна была, я понятия не имела. Девушка с улыбочкой поздоровалась с Келлой, настороженно поглядев на меня и одарив прищуренным взглядом Нинку, которую синеволосый держал за руку. В соседнем кабинете с открытой дверью, вертясь на офисном стуле, сидел мужик в синей кепке. Он что-то говорил по телефону и кивком поздоровался с Келлой.

– Нет, техническая команда, естественно, будет наша, – вещал мужик, – сама всю аппаратуру настроит...

– За мной, девчонки, – повел нас по коридору Келла. – Там у нас типа студия звукозаписи, здесь апартаменты Андрея, а тут мы отдыхаем. – И он открыл одну из больших дверей, ведущую в еще одно просторное двухуровневое помещение. Близнецов там не наблюдалось.

– А не хило вы тут себе сняли комнат. Пол-этажа, что ли? – восхитилась Нинка.

– Не знаю, Королева, мне по фиг, все спрашивай у Андрея. – С размаху парень упал на впечатляющих размеров круглый диван, стоящий посреди комнаты. Чем-то это место напоминало квартиру Антона – тоже все оформлено в стиле хай-тек, только здесь много не серого, а светло-голубого и черного цветов.

Здорово же живут люди! Не то что я. Один Чуня чего только стоит.

– Иди ко мне? – позвал Келла блондинку.

– Спасибо, не хочу, – ткнула девушка ногтем в стекло огромного аквариума, занимающего едва ли не всю стену. – Фу, рыбы.

– Как это не хочешь? А ну быстро ко мне, Королева. Кстати, классно тут у нас, да?

– Интересно, – осматривала помещение Нинка с едва заметным восторгом, – только рыбы лишние. Не люблю рыб.

– Хочешь, я буду называть тебя рыбкой? – тут же предложил парень.

– Ты не похож на рыбака, скорее, на мудака. А Кей где? – между делом поинтересовалась Нинка. – Уже пришел?

Келла промолчал.

– Пришел, – ответил ей со второго уровня Фил, – он на крыше.

– Эй, ты! – раздалось тоже сверху. – Иди-ка сюда, моя маленькая плюшевая детка!

– Странно он братца называет, – подняла брови Нинка.

– Рэн часто Филя подкальывает, не обращай внимания. Черт, опять они спорят, задолбали уже, психи. Сначала мы все угорали над ними, потом они всех задрали к чертям собачьим. Они даже не могут в одном номере жить, когда мы на гастролях, – пожаловался ей Келла.

– А с кем они живут? – поинтересовалась блондинка, желающая все знать о любимой

группе.

– Когда как. Рэн частенько со мной, Фил с Арином или одним из наших техников.

– А Кей?

– Этот дебил по-буржуйски живет один, – заржал Келла. – На самом деле он еще хуже нашего дурачка. Любого может до дядюшки Кондратия довести.

– А выглядит спокойным и уверенным, – отозвалась с легким изумлением Нинка.

– Черт, да я тоже могу как угодно выглядеть. Даже как бабочка, – покачал головой синеволосый, пластично помахав руками, словно крылышками. И выдал друга с потрохами, с удовольствием наблюдая за реакцией девушки. – Наш кэп, ну, Кей, обладает удивительным талантом. Может вывести из себя любого. Сам при этом остается спокойным, как удавище. Его спокойствие – своего рода глумление. Он псих. Но... клевый псих.

– Это в смысле? – спросила Нинка, для которой фронтмен «На краю» продолжал оставаться богом. – Как он доводит людей?

– Да по-разному. Он тупо может вставать посредине ночи, не позаботясь о том, что ты вообще-то дрыхнешь, и начать играть на гитаре под ухом, или разговаривать по мобиле, или страдать еще какой-нибудь хренью. Но это самое простое. Этот чувак может начать читать умные лекции и лечить ими часами! Прикинь, ты с похмелья, а он тебе про мечту впаривает умную философскую дрянь! И ведь знает, что у тебя башка болит, ему в кайф мучить. – Келла заржал. – Иногда к нему в голову приходят шутки. Королева, его шутки почти всегда похожи на жуткий развод и заканчиваются шантажом.

– Да-а-а? По твоему описанию Кей – кто-то вроде озлобленного на весь мир угрюмого меланхолика, – вдруг сказала я. Келла очень весело взглянул на меня и ответил:

– Не меланхолик, девочка, а кое-что другое угрюмое. Наше местное УГ. Да он всяким бывает. Даже веселым. Если Кей веселый – это нормально, если очень веселый – тоже неплохо, но если конкретно веселый – это полный писец. Пострадают все в округе.

С этими словами парень отчего-то задумчиво глянул на меня, легко встал со своего дивана и подошел к Нинке, чтобы обнять и положить ей голову на плечо. Та машинально, как собаку, погладила парня по волосам.

– Побольше страсти, – тут же сказал Келла. – Поиграй со мной в страстную влюбленную.

Нинке тоже пришлось его обнять, хотя выражение ее лица было отнюдь не влюбленным.

– Моя красавица, – вдруг прошептал парень ей совершенно серьезно, прижимая ее к себе крепче. – Моя. Моя, поняла?

Куда только делся «дядюшка Келла»? Почему я вижу тут влюбленного идиота?

Сейчас, по ходу, целоваться начнут... Уже начали. Никого не стесняются. Но за Нинку я почему-то была рада. Кажется, ее персональное синильное рыло нравится ей больше, чем она сама думает.

Чтобы не мешать им, я отошла на другой конец комнаты.

– Ты опять взял мою гитару! – в это время разорялся на втором уровне Рэн. Я посмотрела вверх. Он держал в руках черно-зеленый музыкальный инструмент. Фил, стоящий на широкой лестнице без перил, только руками разводил.

– Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не брал мои вещи, осел волосатый?

– Осел – символ Демократической партии США, – меланхолично возражал ему брат, – перестань кричать. У нас гости. Девушки.

– Умник! Ты всех задрал своими рассуждениями! – еще больше рассердился его брат. –

Партия США, говоришь? А засунь ты эту партию, знаешь куда?

– Да хватит, – с мученическим видом говорил его брат. – Поверь, ей там не понравится. Успокойся, не ори, а?

– Нет, твою плюшевую медвежью дивизию, я буду орать! Я тебе миллион раз говорил – не бери мою гитару, козел! Ну, чей символ козел, скажи мне? Чей? Не знаешь, а я знаю! Это твой символ!

– Что-то ты разошелся. Сам ты козел. Брат козла не может быть человеком!

– Пофилософствуй мне, гаденыш!

– Если бы мы были в глубоком детстве, я бы сказал: «кто как обзывается, тот так и называется». Но я взрослый. Я промолчу, – рассудительно произнес Филипп. – А вот ты – вечный ребенок.

– Какого ты меня достаешь?! – еще больше озверел Рэн из-за спокойствия близнеца. – Заткнись, не перечь и запомни: это мой инструмент, не прикасайся к нему!

– Жадность, говорят, фраера сгубила, – с задумчивым видом отозвался Фил.

– Я тебя сейчас сгублю, недоумок! – взвыл его братик.

И это известные музыканты. Ребяшня какая-то...

Что-то я чувствую себя здесь лишней. Одни кричат, другие обжимаются в углу. Станный он какой-то, музыкальный мир.

Мне захотелось найти Кея. Раз он здесь, может быть, у него прямо и спросить насчет кулона. Мол, Кей, где твой топаз? Но не думаю, что беловолосая зазнайка ответит мне. Зато представляю, как он удивится, увидев меня здесь!

Я немного осмотрелась, прикидывая, как можно пройти на крышу, поднялась по лестнице мимо орущих друг на друга близнецов, один из которых умудрился с легким полупоклоном пропустить меня (Фил), а второй подмигнул (Рэн). И уже через четверть минуты была на свежем воздухе. Лестница, по которой я поднималась, вела не только на второй уровень, но и на крышу.

Первым я увидела синее бескрайнее чистое небо и только потом самого солиста «На краю». Зато слышать начала его еще со второго уровня.

Кей, в темно-серых джинсах и такого же цвета рубашке с принтом в виде восточного узора, сидел неподалеку от входа, прямо на широких полуметровых перилах, с гитарой в руках, играл и негромко пел, склонив голову – наблюдал, как пальцы ловко и привычно перебирают струны. У меня все-таки был хороший слух, поэтому пение его доставляло мне эстетическое удовольствие: Кирилл не фальшивил, а его голос пробирался прямо в душу.

Я даже засмотрелась на Кея. Ветер трепал его светлые волосы, и мне тут же захотелось стать ветром.

Я тихо-тихо уселась на зачем-то стоящий здесь стул, поставила локти на колени и, подперев кулаками щеки, стала слушать голос этого эгоистичного, мерзкого, глупого нарцисса с замашками тирана, который так притягивал к себе меня, бедного несчастного мотылька, с неразумным удовольствием летящего на огонь.

В сторону, я кидаю тебя в сторону.

Почему? Не хочу, чтоб досталась ты ворону.

Больно? Я твоей звездой, слышишь, буду!

Освещать тебе путь стану всюду.

Только не уходи. Ты же слышишь?

Почему у Кея есть этот талант – так красиво петь, я не знаю. И, может быть, какой-нибудь жутко умный специалист и найдет пару ошибок в его пении, в его записях, но оно настолько харизматичное, настолько притягательное, впрочем, как и сам этот балбес, что хочется просто слушать его и улыбаться. Ну, или просто слушать, без улыбки, и наблюдать за ним. Погружаться в его личный аудиомир, подчиняясь звукам чудесного чувственного голоса, который может быть таким разным.

Глядя на Кирилла и слушая его голос, я тихонько вздохнула. Вот каким бывает этот самодовольный тип, когда остается один на один с собой. Поет болезненно-нежные тексты и играет так чувственно, что, кажется, посвящает эту песню любимой (хотя, понятное дело, единственная его любовь – это отражение в зеркале). Интересно, кого он «милой» называет, кого хочет защитить? Алину, что ли? Ну-ну, по-моему, такая ни в какой защите не нуждается, сама на кого хочешь охоту открывает.

Прикинь, это он тебе.

Мне, но... Мне?

Аха-ха-ха, я же пошутила! А ты думала, что такое возможно? Вот балда, аха-ха-ха!

Отстань. Интересно, а они встречаются сейчас? Или у Кея... много девушек?

Почему-то эта мысль мне не понравилась. Ловелас несчастный. Спорим, тебе до Алексея далеко?

Мелодия неожиданно куда-то пропала, со стоном оборвав звучание, и я услышала надменно-равнодушное и неприветливое:

– Чего пялимся? – Кей, наконец, оторвался от своего занятия. Он нахмурился и быстро убрал гитару, резко спрыгнув на пол.

Хорошо, друг мой сердечный, в следующий раз я тоже так с тобой поздороваюсь. Или ты... смутился?

– Я не пялюсь.

– А что вы делаете? – Кей, хмурый, как участник Олимпиады, взявший вместо ожидаемых первых мест деревянную медаль, уставился на меня с подозрением.

– Я просто сижу. Могу встать.

– Стойте где-нибудь в другом месте, – отрезал он.

– Почему? – удивилась я, не понимая, почему он обращается ко мне на «вы».

– Потому что вы меня нервируете, – заявил светловолосый. – Не дайте сосредоточиться.

– В смысле? – я все еще не понимала причину его агрессии. Может, у него успокоительное закончилось?

– В прямом, – отрезал светловолосый.

– Но я просто слушала, как ты играешь, – растерянно отозвалась я.

– Ты бы лучше просто покинула это место. Вы мне мешают, уходите.

– Сумасшедший.

– Уходите живо.

Да что ты говоришь, Мистер Супер Звезда! Мешаю я тебе? Я ведь только тебя похвалить хотела, а ты, естественно, открыл рот и начал извержение своей помойки. И вообще, ну с какой стати ты меня на «вы» называешь? Уважать стал или просто боишься?

– Чем же я мешаю? – не хотелось мне спускаться вниз из чистого упрямства.

– Пока-пока, – тонким противным голоском протянул он и даже рукой помахал, мол, давай, делай отсюда ноги.

– Ты какой-то нервный и насупленный, – вежливо отвечала я, понимая, что этот тон парня раздражает, – не ругайся и не злись. Нервные клетки не восстанавливаются, а ты как...

– Ты вообще тут откуда взялась? – грубовато спросил он меня, не забыв не нарушить любимую традицию – перебивание собеседника.

– Да я с Ниной пришла сюда, – принялась я объяснять. – Она там.

И я махнула рукой назад.

– С Ниной? Интересная у тебя, выходит, Нина. Поменяла внешность и пол? Так, вы меня позлить пришли? – нелогично поинтересовался Кей, глядя мне за спину. Ну и хмурый же он. С ума окончательно сошел, что ли?

– Естественно, нет. Я за компанию здесь, – отозвалась я.

– Выбирай лучше компанию, детка, – процедило Его Величество.

– А чем тебе моя компания не нравится? – спросила я, имея в виду Нинку. – По крайней мере она намного лучше тебя.

Я только хотела ему сказать, что вообще-то Ниночка пришла к Келле, но солист «На краю» жестом попросил меня замолчать и вновь уставился вперед, куда-то за мое плечо.

– Эй, компания, ты меня раздражаешь. Специально сегодня ее притащил?

– Ты ошибаешься, Кэт приехала сама, – отвечали ему из-за моей спины. Я в некоторой панике оглянулась и увидела Арина, стоявшего чуть позади меня. А длинноволосый что здесь делает? И когда он пришел, ведь я даже не услышала его шаги? И стоял зачем позади меня? Неужели его игра друга на гитаре заворожила? Вот блин! Кей наверняка решил, что мы вместе, и называл на «вы» не меня, а нас.

– Э-э-э... приветик, Арин, – поздоровалась я с бас-гитаристом НК. Эх, видели бы меня сейчас Нелли и ее подружки: я стою около музыкантов их любимой группы и разговариваю с ними. Они бы лопнули от зависти!

– Привет, Кэт.

– Приветик, Арин. Привет, Кэт... Я вижу, вы знакомы чуть ближе, чем я предполагал. Вы просто друг друга нашли, ребятки! – преувеличенно радостным голосом сказал Кей, вновь запрыгивая на свое место. Как бы не упал – тогда от великого певца останется одно мокрое место. Нет, серьезно, здесь высота большая, а он совершенно спокойно сидит на краю широких перил. «На краю»... может быть, это название не такое уж и бессмысленное, как я считала раньше?

– Может, ты и прав – нашли, – откинул за спину длинные волосы Арин.

– Это, конечно, хорошо, а теперь находите друг друга дальше где-нибудь в другом месте. Я занят, – с этими словами светловолосый начал наигрывать другую мелодию, которую я еще ни разу не слышала. Резкую, агрессивную.

– Успокойся, что такого произошло? – совершенно невозмутимо спросил бас-гитарист.

– Если ты рядом, то ничего, конечно же, не произошло, – ответил, не отрываясь от своего занятия, второй музыкант, пребывающий сегодня не в духе.

– Точно?

– Да.

– Ты уверен? – не отставал от него Арин и почему-то незаметно подмигнул мне.

– Уверен, – было ему ответом от Кея.

– Насколько сильно?

– На все сто. Ничего не произошло, что ты ко мне привязался? – заорал почему-то Кей.

Мелодия вновь оборвалась.

– Держи себя в руках, – посоветовал ему друг.

– Я держу себя в руках. Я спокоен, – ответил Кей и одарил Арина сердитым взглядом.

– Ты спокоен.

– Я спокоен.

– Нет.

– Да, черт возьми. Да!

– Нет, ты эмоционально напряжен, – не переставал спорить с другом Арин, только делал он это как-то добродушно и спокойно, тогда как Кей, казалось, кипел, как вода на огне. Скоро от него пар будет исходить. Пар злости и яростного негодования, так сказать. И превратится парень в еще одно состояние воды, доказывая свои слова о ее уникальности.

– Я не напряжен, – почти не двигая губами, выдал Кей. – Я в порядке. А вы, два остолопа, вы можете понять, что мне нужны покой и уединение, чтобы придумать... Короче. Просто оставьте меня в покое. Вы вообще в курсе, что я занят? Слепли? Оглохли? Отупели?

– Мы за тебя беспокоимся.

– Лучше за себя беспокойтесь.

Вот же истеричка. А может, просто Арин умеет доводить людей? Ведь сам-то он совершенно спокоен и, кажется, даже доволен ситуацией.

– Ладно. Мы уходим. Если что – зови. – И брюнет вышел первым.

– Наконец-то свершилось. Иди за ним, – бросил Кей мне.

– Ты сама вежливость.

– Еще бы, – самодовольно отозвался парень-звезда.

– С Арином куда лучше, чем с тобой, – назло ему отвечала я.

– Ага.

Секунд пять мы молчали.

– Кирилл, осторожнее, не упади, – сказала я ему неожиданно сама для себя перед тем, как уйти. – Тут высоко.

Он вдруг улыбнулся, совсем уже не зло, и от этой его улыбки мне стало радостно. К тому же Антона он напоминал мне все больше и больше, и мне это нравилось.

– Не упаду, – отозвался Кей почти мягко, – не беспокойся.

– У тебя красивая песня, та, что ты пел. Правда, красивая. Ну, я пойду?

Что, хочешь, чтобы он сказал тебе: «Ох, нет, девочка моя, останься со мной, не ходи за этим противным Арином, останься, прошу!»?

Нет, совсем нет, я просто... Ну, немного я все же этого хотела, но давно уже убедилась, что не всегда желаемое исполняется.

Ну, у кого-то, может быть, все и сбывается, а у тебя... что поделывать, если ты неудачница?

Кей, конечно же, не сказал, чтобы я оставалась с ним. Он просто усмехнулся.

– Тебе пора менять характер, – сказала я задумчиво.

Он лишь молча кивнул, а я, наконец, обратила внимание на его шею – серебряной цепочки, той самой, о которой я так много думала, на нем не наблюдалось! Куда же она пропала?

Оглянувшись, я вышла, все еще пребывая в недоумении. Он носит синий кулон не всегда, нечаянно забыл или в знак солидарности с Антоном перестал таскать? Хотя, какая

солидарность? Они же вроде как друг друга не особенно любят?

– Арин! – быстрым шагом заспешила я вслед за вторым музыкантом. – Можно вопрос?

– Да? – остановился он тут же, словно ждал того момента, когда я его окликну.

– Он глупый, – предупредила я парня.

– Задавай.

– У Кея есть то-то вроде талисмана: синий камень на серебряной цепочке?

– Есть. А что? – настороженно спросил он.

– Он всегда-всегда носит эту штуку на шее? – задала я главный вопрос.

– Обычно да. Да, думаю, последние лет пять почти всегда. Почему ты спрашиваешь? –

поинтересовался Арин.

– Да так, просто любопытно стало, – задумчиво проговорила я. – Красивый кулон.

– Топаз – камень скорпионов.

– Да? Откуда ты знаешь?

– Моя сестра – скорпион. Хочу задать ответный вопрос, Кэт. Ответишь? Откуда ты здесь взялась?

– Нинка притащила. Нина – это моя подруга, она вроде бы как... хотя это очень приблизительно, в общем, встречается с Келлой.

Арин тихо рассмеялся.

– Что смешного? – удивилась я.

– Прости. Келла не совсем тот человек, который встречается лишь с одной девушкой и хранит ей верность.

– Нинка тоже не такой человек, – отозвалась я, крайне обеспокоенная моральным обликом лучшей подруги.

– Тогда им обоим повезло.

И мы стали спускаться дальше. Нервный блондин и его топаз все никак не выходили у меня из головы.

– Терпеть его не могу, почему Кей такой злой и самодовольный? – тихо проговорила я, когда мы оказались на затемненном втором уровне, который по сравнению с солнечной крышей казался просто филиалом ночи.

– Он редко такой, – задумчиво проговорил бас-гитарист. – Не бери в голову. Не хотел тебя обидеть.

– Думаешь? – скептически спросила я.

Мы остановились около перил, которые в этом помещении были такими высокими, что доходили мне почти до лопаток. Арин устало прислонился к ним, опершись локтями о их поверхность. На первом уровне никого не наблюдалось – ни музыкантов-близнецов, ни термоядерной пары, то есть Нинки и Келлы. Только ватная тишина.

– Не думаю. Знаю, – был дан мне лаконичный ответ.

Я с улыбкой посмотрела в бледное лицо Арина, обрамленное черными прямыми волосами, которые теперь падали волнами на плечо и спину. Он все же хороший человек. Или он говорит мне то, что я хотела бы услышать?

– Кстати, я хотела спросить тебя еще кое о чем. Можно?

– Да, конечно, – отвечал он мне, доставая четки. Интересно, а почему он так редко моргает, глядя в одну точку?

– Я хочу узнать насчет того звонка, – в нерешимости постучала я по перилам. Все же мне сложно говорить на эту тему. – Ну, ты рассказывал мне про Кея.

– Я много чего рассказывал, – философски заметил бас-гитарист группы «На краю». –

Что ты хотела спросить конкретно?

– Зачем ты сказал, что якобы я нравлюсь Кею? – и я стала сбивчиво объяснять свою позицию:

– Ну, понимаешь, Кей – он ведь звезда, знаменитость и, может быть, даже будущий герой мировой сцены – так папа говорит, но неважно. В общем, у Кея есть множество поклонниц, вокруг него куча красивых девушек, и, по-моему, он совсем не обременен тем, чтобы найти даму сердца, поэтому я очень-очень сомневаюсь, что кто-то вроде меня может ему понравиться. В общем, Арин, мне кажется, что ты был не прав, когда неожиданно позвонил мне и сказал, что твой друг испытывает ко мне какие-то чувства. Меня это ошарашило.

– Нет, Кэт. Я прав, – на миг парень перестал перебирать свои черные четки. – Я точно знаю, что ты нравишься Кею. Скажи, я похож на лжеца?

Я тут же замотала головой, боясь обидеть его.

– Нет, ты ни в коем случае не лжец. Может быть, ты просто не так понял Кея, он ведь такой непостоянный, как вода, – вспомнилась мне картинка, как светловолосый водил ладонью по холодной, блестящей на солнце воде.

– Как вода? – выпрямился молодой человек. – Он что, рассказывал тебе про воду?

– Ну, не то чтобы много рассказывал, – замялась я, вспоминая ту природную красоту, на лоне которой я и этот дурак оставались наедине недолгое, но памятное время. И от этого воспоминания сердце отчего-то решилось сделать кульбит. А ведь в старом сломанном телефоне есть фотография, где и я и Кей – вместе...

– Это его конек, – заговорщицки прошептал Арин, – не многим он хочет рассказывать про уникальные свойства H₂O. А когда рассказывает, то кое-что хочет от человека.

– Что? – почему-то мне на миг показалось, что солист «На краю» желает в такие моменты, чтобы слушатели в воде утонули. Ну, или захлебнулись ею.

– Сопоставления, – еще тише и по слогам прошептал длиноволосый брюнет, чуть наклоняясь к моему уху.

– Сопоставления?

– Именно, Кэт. Сопоставляет себя с водой. Подумай над этим. А я не вру тебе. Хотя, мне больше импонирует слово «лгу». Да, не лгу – ты нравишься Кею. Очень.

– Да ладно тебе, он меня в упор не видит. Только орет и издевается, – с печальной улыбкой сказала я и чуть было не добавила, что Кею очень бы подошло иметь характер Антона – тогда он бы был просто идеальным мужчиной. Для меня, естественно, идеальным. Нинка бы ужаснулась – ей нравятся неадекватные парни, а не милые и нормальные.

– Нет. Я даже могу сказать, – продолжал тем временем Арин, – ты очень важный для него человек. Почему – не знаю.

– Мне в это слабо верится, – засмеялась я. – Хотя, это и приятно.

– Ты его привлекаешь. Заводишь. Но на мне Аннибалова клятва, Кэт, и я не могу тебе многого сказать. – И он прижал указательный палец к губам.

Станный он.

– Аннибалова? – никогда не слышала я о такой.

– Она самая. Тяжелая ноша. Оставайся с ним, с Кеем, – добавил он, вздохнул и спрятал четки в карман черных штанов с кучей заклепок и цепочек.

Я промолчала. Ну а что на это можно сказать? «О да, я обязательно останусь с твоим другом и буду ему классной подружкой»?

– А сейчас, – чуть улыбнулся вдруг музыкант, – грозный Кей уходит с балкона и идет сюда. Чтобы вновь начать кричать.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– Мы с ним знакомы очень давно, знаю, – уклончиво отвечал бас-гитарист. – Не отвечай ему и не спорь. С ним бывают такие моменты. Это означает, что в творчестве у него застой.

– Вода вся утекла? – стало смешно мне. Как же около Арина становится спокойно!

– Да. Именно. Ты не с ним, а со мной – он сердится. Он сердит, и у него ничего не получается. Когда что-то не получается – он злой. Это отражается на его творчестве. Он не может писать музыку и тексты. Ну а если не получается писать песни – он в не себя от ярости. Еще больше.

– Замкнутый круг просто, – подивилась я киевскому тараканьему круговороту в голове.

– Что, завел себе подружку? – как по заказу появился наш милый платиновый блондин, громко хлопнув дверью. Вот же несносный человек – то улыбается, то делает вид, что не замечает, то вообще со странными предложениями ко мне лезет. Может, у Антоши спросить – есть ли у его братика Кирилла какие-то психические отклонения? Нет, не стоит спрашивать.

– Да, – скромно отвечал Арин.

– Что ж, превосходно.

– Ты написал ту вещь, о которой рассказывал? – спросил длинноволосый мирно.

– Естественно, нет. Мне все мешают. Например, вы, – с этими словами парень удалился куда-то, задев меня плечом.

– Арин, а зачем все сюда приехали и почему ничего не делают? – задала я вопрос, интересующий меня уже очень давно. Мне казалось, что жизнь музыкантов более насыщена и дни расписаны от и до. А парни шатаются туда-сюда.

– Сейчас должна быть фотосессия, – ответил Арин, глядя вслед злому другу. – Как раз на крыше. И фотографы приедут прямо сюда. Но из-за пробок они опаздывают, поэтому образовалось окно. После фотосэта будет небольшая репетиция. И вечером мы должны быть на частном концерте для дочери одного известного папы.

– У вас что, постоянно частные концерты? – удивилась я. Не устают мальчишки?

– Бывают, – иронично улыбнулся бас-гитарист.

– И много вам за это платят? Нет, не отвечай, вопрос некорректный, – спохватилась я.

– Это нужно спросить у нашего менеджера. Мне или Кею мало дело до денежного вопроса.

– Ого, настоящие люди искусства!

Арин посмотрел на меня и, по своему обыкновению, улыбнувшись лишь только краешком губ, произнес:

– Мы из довольно обеспеченных семей. Нам не слишком нужны деньги. Хочешь чего-нибудь выпить? – резко перешел он на другую тему.

– Нет, спасибо.

Какую интересную информацию мне выдал Арин. Я думала, что только Кей здесь представитель золотой молодежи, но нет. А поклонники их творчества об этом, думаю, и не догадываются, да и никто, по всей видимости, не знает, ведь иначе наверняка говорили бы, что группа «На краю» достигла успеха благодаря лишь деньгам кое-чьих родителей. Я не знаю, как все было на самом деле, но мне кажется, что эти ребята действительно талантливы. Как они зажгли всю эту толпу на концерте в «Горизонте»! Да и поет Кей действительно красиво и профессионально поставленным голосом и песни сам пишет. К

тому же недурные песни. Хотя слова там ужасны, но сами мелодии, особенно если подобрать их на фортепиано – хороши. А я даже при наличии музыкального образования не смогу сочинить такую музыку.

Когда мы вновь оказались на первом уровне этой уже второй обители в стиле хай-тека, которую я посетила за последние дни, я увидела менеджера Андрея, теперь уже сразу узнавшего во мне дочку Томаса и потому поздоровавшегося с приятной улыбкой.

– Обычно здесь не бывает девушек – парням трудно сосредоточиться на деле, но дочери Томаса позволено многое, – в шутку произнес он своим завораживающим бархатным голосом. – Кстати, как твой друг?

– Какой друг? – не поняла я.

– Тот, с подъезда, очень любящий драки? – и Андрей рассмеялся.

– Он больше не курит траву, – ответила я.

Коварин вновь рассмеялся. Кей повернулся к нам и смерил меня сердито-укоряющим взглядом.

– Какая ты забавная, Катя. Ты знаешь, что ты очень похожа на своего отца?

– Догадываюсь, но не хочу быть на него похожей.

– Почему это? – изумился менеджер, а я в который раз растаяла от его голоса.

– У него нос большой, – почувствовала я себя рядом с этим мужчиной маленькой девочкой. Господи, что я за глупости ему говорю. Но, кажется, менеджеру группы «На краю» это нравится, вернее, веселит.

– Он – уникальный человек. А такие люди во все времена на вес золота, поэтому ты должна быть рада.

– Да. Я рада, – искренне отвечала я.

– И, судя по всему, ты – отличная дочка.

Ну почему, почему у меня ничего и никогда не получится с этим импозантным мужчиной? Он очень меня привлекает, а то, что старше – мне даже нравится. Как же невероятно повезло его любимой – она может каждый день просыпаться от приятного голоса Андрея.

А ты хотела бы просыпаться от голоса Антона или Кея? Или тебе все равно от чьего?

Откуда я знаю, от чьего? Ведь если они близнецы, по идее, у Антоши должны быть такие же музыкальные данные. И стихи он пишет.

Писал. Ты, по-моему, все уничтожила. Вот же умора, да? Кулон, стихи, плюшевую игрушку, даже фотографии, которые наверняка были дороги Антошику – ты все выбросила из окна. Не, ты – клинический случай.

Не напоминай мне об этом, мне так стыдно!!

Мы еще немного поговорили с Андреем и Арином (нервный Кей сидел и слушал музыку в наушниках), а потом менеджер стал просматривать какие-то документы в КПК, длинноволосому же позвонил кто-то, и он, извинившись, ушел с серьезным выражением лица. Единственное, что я слышала, было:

– Не можешь успокоиться? Тебе совершенно незачем здесь быть. Да. Вечером, это будет вечером. Ты ее знаешь, вы ведь раньше общались, это дочь мэра...

Оглядевшись, я уселась на край дивана. И что мне тут делать? Ждать подругу? Кея? С моря погоды? Подойти к Кириллу и поговорить с ним? А на фига он мне нужен. Или попробовать пококетничать с Андреем? Нет, он сильно занят.

Я вновь украдкой взглянула на солиста «На краю». Теперь он сидел, вытянув длинные лапы, за прозрачным столом и разговаривал с тем самым мужиком в кепке, которого мы видели, когда шли сюда. Фил, с ногами забравшись на диван, все время спрашивал, когда же придут фотографы, и жаловался, что ему и надоело тут сидеть, и встал он сегодня очень рано, и спать ему хочется, а вообще-то он пить желает, но не против того, чтобы пообедать.

– Заткнись, – не выдержал его близнец, устроившийся рядом и что-то делающий со струнами своей гитары. Кажется, настраивал. – Тебе что, пять лет, куколка?

– Я бы попросил тебя замолчать, – выделил предпоследнее слово Фил.

– А я тебя – не бубнить.

– Хватит ко мне лезть. У меня еще и голова болит, – потер лоб парень. Странно, но все больше и больше он напоминает мне медвежонка. Вот Рэн выглядит точно так же, но с медвежонком он у меня ассоциаций не вызывает. Очень решительный, даже резкий, насмешливый молодой человек. Который раз понимаю, что все в человеке зависит от его поведения, от его умения преподнести себя обществу, а не от внешности.

– Прикрой варежку.

– Сам прикрой, недоучка.

– И этим людям по двадцать шесть лет? – притворно вздохнул Андрей, не отрывая внимательного взгляда от своего КПК. – Ребята, вы можете вести себя адекватно вашему возрасту или хотя бы имиджу?

Сколько-сколько? Да я думала, эти двое – самые младшие среди всех музыкантов «На краю»! Ведь ведут себя и выглядят они как подростки-неформалы. Чего только в жизни не бывает! Все обманчиво в этом лучшем из миров.

– Как хочу, так и веду себя, – буркнул Рэн, как самый настоящий паренек переходного подросткового возраста. – Это у моей сестренки с головой проблемы.

– Как ты меня назвал? – взвыла басом «сестренка» и кинулась на обидчика.

Рэн, который почему-то был намного сильнее брата-близнеца, с легкостью отбивался от Фила и дико ржал. Кей на них хмуро посматривал, мужик в кепке – тоже. Кажется, они вели важный профессиональный разговор по поводу записи какой-то песни, а эти двое им мешали.

Веселые ребятки, ничего не скажешь. Только минут через десять они успокоились и, усевшись вдвоем на диван, с одинаковым любопытством уставились в небольшой нетбук. Потом опять поспорили, и Рэн куда-то ускакал с телефоном в руках.

Двадцать шесть лет? Нет, в этом возрасте немногие люди остаются такими же непосредственными, смешливыми и забавными. Характер близнецов нравился мне все больше и больше. Чем-то они напоминают мне собственного отца.

Андрей, больше похожий на делового бизнесмена, тоже что-то усиленно искал и печатал то в своем ноутбуке, то в КПК, а каждые пару минут ему кто-то звонил, что-то спрашивал, уточнял, просил, и со всеми звонящими менеджер неизменно вежлив. Надо же, какой он занятой человек. В нем столько энергии и сил, что я не удивлюсь, если параллельно он реально занимается еще каким-нибудь бизнесом. Интересно, а у него есть жена? Судя по отсутствию кольца на руке – нет. А вот девушка может быть наверняка – он очень видный мужчина. Или даже девушки. Интересно, почему он Нинке не нравится? Я ведь ей говорила, что Андрей милый и все такое, но она не слишком соглашалась со мной, заявив, что такой тип ее не привлекает. Но Андрей вполне достоин уважения – вон сколько он бабла на моем Кеечке сделал и еще сделает!

Пока я размышляла, глядя то на одного представителя мужского пола, то на другого, на мой телефон пришло сообщение, необыкновенно порадовавшее меня. От Тропинина.

«Добрый день, как твои дела, Екатерина? Прости, что пропал – работа. Я хочу встретиться с тобой, ты свободна сегодня?».

Естественно, свободна. Сейчас уйду отсюда и встречу с Антоном. Есть же на свете счастье. А потом – домой. Пусть Ниночка здесь сама сидит и радуется встрече с Кеем, Келлой и всеми прочими. Кстати, ни ее, ни синеволового по-прежнему не наблюдалось в пределах комнаты. Интересно, где эта бешеная парочка шарится?

А я знаю, что они могут делать!

Представляешь, я тоже догадываюсь.

«Привет, Антон! Да, я свободна буду вечером))))))))))», – ответила я парню.

«Тогда сходим куда-нибудь, да?:)».

«Да, конечно;) Это странно, но я по тебе скучаю!:)».

«И я тоже. Чем ты сейчас занята?»

Чем? Ну, тебе лучше не знать, что я в студии твоего родного брата, Антош. Что-то подсказывает мне, что ты расстроишься.

«Я в гостях, а чем занят ты?» – очень кратко ответила я. С другой стороны, я ведь действительно в гостях, так сказать.

«А я дома. Работаю на фотошопе, хочу для тебя кое-что сделать:))».

– И что это? – с великим раздражением вдруг спросил Андрей. Сбоку от него мерцал экран ноутбука. Я тут же отвлеклась от сотового и посмотрела в его сторону.

– Что? – тут же спросил любопытный Фил, отрываясь от своего миниатюрного переносного компьютера. Кей тоже повернул нехотя свою белую башку.

– Посмотри. Только что нашел. Я же просил – ничего подобного в Интернете не должно быть, – с досадой хлопнул по колену менеджер. – Мало нам Кея с его школой.

– А что там? – появился откуда-то Рэн. Легко оттеснив брата, он завладел ноутбуком, Фил попытался отпихнуть близнеца, но это у него не вышло, и поэтому он просто стал смотреть Рэну через плечо.

– Келла с девчонкой. Целуются. И что тут такого? – спросил Рэн и прикрикнул на брата: – Эй, убери башку с моего плеча.

– Мне так удобнее смотреть, – не пожелал внять совету Фил и получил от любящего брата-близнеца тычок локтем в лоб.

– Ты, сволочь, больно же!

– Иди, постой в сторонке и не лезь. Андрей, а что такого в этих фотках? – спросил Рэн серьезным тоном. – Они же не в постели.

– Очень романтичные, – в сторонке пробормотал парень-мишка, поправляя свою прическу, – качество только подкачало.

Я молчаливо с ним согласилась – тем более по одежде я узнала подругу. Надо же, какие у нее с Келлой отношения. Она, конечно, рассказала мне о походе к тете Эльзе, не забыв обругать ее последними словами, но про крепкий поцелуй под зеленью она как-то умолчала, засранка.

– В России на все эти снимки всем глубоко плевать. На Западе ситуация немного другая, – задумчиво проговорил Андрей, – никогда не знаешь, что может быть полезно, а что навредит имиджу. Хорошо еще, что лица девушки не видно. Увидите Келлу – позовите ко мне. Что за олень, сколько можно уже... Постоянно во что-то ввязывается. Я ведь сказал,

никаких девиц.

– Зато фанатки рады. – Посмотрел внизу фоток на комментарии Рэн.

– Ладно, парни, я сейчас вернусь – ждем фотографов, они пока в пробке. Вместе с оборудованием. День у меня с утра не задался. Надо исправлять, – с этими словами Андрей схватил пиджак и быстрым шагом направился к двери.

– Ты курить? Я с тобой, – тут же захотел пойти вместе с ним и Рэн.

– О'кей.

– Курить вредно, – тут же наставительно отвечал Фил. И я была с ним полностью согласна.

– Молчи, девочка, – умудрился дать брату подзатыльник парень.

– Хватит, ребята, хватит. Рэн, идем, скоро фотографы будут, они звонили, – скомандовал менеджер. Да он тут у них за маму и папу сразу! Хваткий человек. И даже когда Андрей недоволен, его голос остается таким же мягким и манящим как у кота. Наверное, будь у меня такая возможность, я сидела бы около менеджера «На краю» и слушала бы его.

– Что за мечтательные глаза? – раздался около моего уха голос Кея.

– А тебе что?

– У тебя странные предпочтения. Все нравятся мужчины постарше с вкрадчивыми голосами?

– Да, – не собиралась я спорить. – Мне нравятся вкрадчивые голоса!

– Такие голоса обычно у маньяков – чтобы жертв заманивать, – сразу же все испоганил музыкант. Понятно, почему у него все тексты такие депрессивные. Одни маньяки на уме.

– Идиот, что ли? – в открытую спросила я, не выдержав.

– А что, думаешь, красивые голоса бывают только у хороших и добрых людей, детка? – насмешливо поинтересовался парень.

– Естественно, нет! – не хотелось мне, чтобы парень считал меня совсем уж наивной дурочкой. – Но если исходить из твоей железной логики, то выходит, что ты тот еще мерзкий тип.

– Не понял, – слегка озадаченно проговорил Кей.

Не понял он, вот тормоз! Я же ему почти что комплимент говорю, а он смысла понять.

– Не зря тебя блондинкой назвали, – покачала я головой, чувствуя, как наглею все больше и больше.

– Что? Повтори еще раз? – едва ли не по слогам спросил он, очень уязвленный подобным заявлением от меня.

– Блондинка ты, говорю, – хамовато отвечала я, думая, что перегибать палку, хоть чуть-чуть, – это здорово!

– Эй, следи за речью. Ты понимаешь, кому ты это говоришь?

– Тебе.

Да, действительно, кому я это говорю? Огромное ЧСД Кея меня сейчас погребет под лавиной своего презрения.

– Скажи просто, что завидуешь, – выдал парень.

– Чему? – поразила я.

– Мне.

– Ну да, мне больше некому завидовать, только парням... Ты сегодня с приветом, Кей.

Он неодобрительно на меня посмотрел, а я, спохватившись, начала набирать смс-сообщение Антону. Мне все же очень интересно, что он там сделал в фотошопе!

«Антош, я очень хочу увидеть это!!»

– С кем переписываешься, детка? – полюбопытствовал Кей. Я тут же спрятала его подарок за спину.

– А тебе-то что? – подозрительно спросила я.

– Просто так. – Смахнув челку со лба, он неприятно улыбнулся.

– А где, – вдруг вспомнилось мне, – а где твой кулон?

– Кулон? – поднял бровь Кей.

– Да, он.

– Какой из? – он не понял вопроса или только сделал вид?

– С голубым камнем, серебряный, – нервно произнесла я.

– Вероятно, дома. Прости, малышка, он многое для меня значит, я не подарю его тебе. –

Было мне ответом.

Я только кивнула. Врет или нет? Ведь на Кее я больше кулона с топазом не видела.

«Ты увидишь =) Ты снилась мне сегодня. Иногда мне кажется, что ты – мое солнце... глупо, да?» – пришло сообщение от Тропинина.

Я не смогла сдержать радостной и смущенной улыбки. И вовсе не глупо... Это очень мило.

Нет, глупо! Глупо, глупо, глупо! Я – за антиромантику!

– Что, парень пишет, детка? – весело спросил Кей.

– А? Нет, это мой папа, – невпопад отвечала я, решив, что не хочу подставлять Антона. Нет, все же хорошо, что они с Тошей братья. Правда, то, где цепочка Кея, все еще остается для меня загадкой.

– Папа? – не мигая глядел на меня беловолосый и вдруг по-доброму улыбнулся.

– Ага. Да. Точно, – пыталась я набрать ответ так, чтобы его не видел музыкант. Детский сад, честное слово.

– Точно? – и парень попытался выхватить телефон. Вообще-то я ждала того, что если ему захочется почитать смс, он просто заявит, что телефон подарил мне именно он, «великий боярин Кирилл», и я, «холопка Катька», должна сейчас же дать ему в руки мобильный, потому что он имеет на это право. Но светловолосый просто решил забрать телефон силой. Без слов.

– Отдай! Какая тебе разница! – мне с трудом удавалось держать оборону. Что-то мне совсем не хочется, чтобы этот противный тип читал мою переписку. – Слушай, не лезь, отстань!

– Нет, я хочу почитать, малышка. У тебя не должно быть никаких пар... секретов от меня, ясно? – и он рассмеялся, дотянувшись, наконец, до телефона, попутно уложив меня спиной на диван. Одна его ладонь удерживала меня, чтобы я не вырывалась, другая скользнула по моей руке и медленно поползла по ней вниз, от предплечья к пальцам, в которых и был зажат телефон. Просто так забрать мобильник солист «На краю», видимо, не желал. Глядя мне прямо в глаза, Кей неожиданно дотронулся губами до моей ключицы, а потом и шеи.

– Ты что делаешь, дурак, что ли? – с ужасом выдавила я, чувствуя, что его

прикосновения мне очень приятны.

– Да, я дурак, – рассмеялся он, нависнув надо мной и наклоняясь теперь все ближе к лицу.

Н-да, что-то в последнее время часто я на чужих диванах возлежу.

– Отстань!

– Нет.

В общем, пока мы, как распоследние идиоты, валялись на диване, и, пока я отбивалась от окончательно съехавшего со своих музыкальных катушек Кея, в этом месте появилось еще одно действующее лицо.

– Всем доброго дня, – раздалось мелодичное и громкое где-то около входа. Кей выдохнул и не стал вырывать мобильный, хотя имел для этого прекрасную возможность. Его взгляд поменялся и стал совершенно чужим и вместе с тем похожим на грустный взгляд Антона.

– Привет, – обрадовался Фил. – Ты такая обворожительная. Арин, я тебе завидую.

– Чему? – устало спросил тот. – Алина, здравствуй, ты все же пришла. Сейчас пришла. – Это звучало как утверждение, а не как вопрос.

Вот же невезуха!! Алину принесло!

– Подожди, – оборвала она парня тем временем. – Кей! Ке-е-ей, милый? Ты не хочешь оторваться от своей девочки и поздороваться со мной? Я пришла только ради тебя.

Мы с Кеем синхронно оглянулись, не вставая, и увидели Алину: высокую, стройную, застывшую антично красивым и изящным памятником самой себе посередине комнаты. Сегодня эта красавица нарядилась в желтое стильное мини-платье с оголенными плечами. Этот яркий и подходящий далеко не всем девушкам цвет Томас называл желтым шартрезом. Шартрезное платье не только эффектно подчеркивало фигуру Алины, но и выгодно оттеняло черные волосы, завитые в мелкие, упругие кудряшки, и темные глаза, щедро подведенные угольным карандашом.

– Привет, – поднялся, наконец, на ноги Кей, а потом протянул мне руку, чтобы и я села.

По-моему, поражены приходом Алиночки были мы оба. Я еще и немного напугана – такие грозные искры метали глаза красавицы-брюнетки в мою сторону, что хотелось спрятаться за чью-нибудь широкую спину. Мое слаборазвитое женское чутье активно подсказывало мне, что черноволосая красавица считает меня кем-то вроде соперницы и уже недолюбливает.

Ненавидит.

Надеюсь, она действительно на меня не кинется?

– И тебе привет. Удивлена, что ты тоже здесь, Катюша, – как робот, улыбнулась мне брюнетка.

– Она тебе тоже безмерно рада, – отвечал за меня Кей и, не стесняясь, спросил у Арина:

– Зачем ты ее-то привел?

– Я за ней не слежу.

– А пора бы.

– Кей, я еще здесь, не говори обо мне в третьем лице, – напомнила о себе с милой улыбкой Алина, накручивая на указательный палец пружинистую черную прядь.

– Неважно.

Девушка поджала губы. Длинноволосый парень только лишь пожал плечами.

– Ты что, – вступился вдруг за нее Фил со своего места, – общайся уважительно с девушкой!

– Вот тебя забыл спросить, – огрызнулся Кей.

– Очень плохо, что забыл, – исподлобья глянул на него гитарист. – Общайся нормально.

– Филипп, не влезай.

– В этом месте летают вирусы злости и агрессии, – печально отозвался парень, надел вновь большие наушники и погрузился в мир тяжелой музыки. Я бы с удовольствием последовала бы его примеру, но у меня не было такой возможности.

– Катенька, милый сарафанчик, – обошла Алина меня вокруг, а я настороженно следила за ней.

– Спасибо. А у тебя стильное платье. Идет тебе очень шартрез.

– Да, спасибо, милая, я-то всегда покупаю одежду в лучших магазинах. – Если бы не частица «то», ее слова не были бы насмешкой.

– Я не разбираюсь в таких местах, – не хотелось мне продолжать нашу беседу. – У меня немного другие интересы.

– Катя, ты всегда очень здорово выглядишь, – попытался загладить ситуацию Арин, с беспокойством глядя на девушку. По-моему, он все-таки сильно ее любит.

– Кей, я хочу с тобой поговорить, – обратилась тем временем к блондину темноволосая девушка.

– Говори, – ответил с едва слышным вздохом он.

– Наедине, – положила ему на плечо руку Алина.

– Наедине? – молодой человек ей ослепительно улыбнулся и, легко убрав ее тонкую руку, поцеловал ее чуть выше запястья.

Фу, как противно. Опять он меня раздражает!!

– Поговорим, да? – воодушевилась Алина, в ответ взяла его ладонь и сжала ее своей.

– Нет, – все с той же улыбкой отказался светловолосый парень.

– Да.

– Не хочу.

Они продолжали держаться за руки.

– Кей, пожалуйста, – голос Алины чуть задрожал.

Музыкант вновь отказался, не глядя на девушку, но играя с ее кольцом на указательном пальце: снимая и надевая его. А вот брюнетка, к моему отвращению, смотрела на него с большой привязанностью, смешанной и с нежностью, и со страстью, и со злостью, и с желанием обладать им, и, кажется, даже подчиняться.

– Я ведь сама пришла. Мне надо всего лишь пару слов сказать тебе. Пожалуйста! – ее глаза, кажется, покраснели.

– Только не надо истерик, – поморщился солист «На краю», увидев это. – Ну, хорошо, пошли, и ты скажешь мне свои «пару слов».

– Я знала, милый, что ты согласишься, – взяла его тут же под руку девушка. И они ушли. Арин проводил их неодобрительным взглядом.

– Она ему до сих пор нравится, да? – нетактично спросила я.

– Кэт, извини, мне тоже уйти надо на пару минут.

– Да, конечно, – да мне и самой уйти охота, тем более лучшей подруги я здесь не наблюдаю. Эта Нинка – как всегда, свалила куда-то и оставила меня одну.

– Катенька, ты скучаешь? – вновь появился около меня Филипп. – А хочешь послушать музыку моего сочинения? – без перехода спросил он. – Я тебе сыграю.

– Хочу, – тут же согласилась я, потому что лично мне еще никто никогда на гитаре не

играл. Даже на баяне или на гармошке.

– Момент, сейчас, – и молодой человек, схватив ту самую гитару, из-за которой недавно ругался с близнецом, пробежался пальцами по ее струнам и начал наигрывать что-то медленное, минорное и элегичное, очень похожее на колыбельную, но не для ребенка, а для взрослого человека. Минут пятнадцать Фил играл на гитаре и, по-моему, вообще забыл, что делает для меня – так погрузился в собственную мелодию, как погружался Винни-Пух в бочонок меда.

– Ну как? – спросил он, закончив и поглаживая гриф.

– Это было здорово, – и я для наглядности своих чувств даже захлопала в ладоши.

– Спасибо. Рэн говорит – убого. Но мне все равно нравится.

– И мне тоже! Очень славная мелодия! – вполне искренне отвечала я. Может быть, не хит, но придумывать милые мелодии дано не каждому.

– Хочешь? – вытащил молодой человек, которого мне очень хотелось называть медвежонком, упаковку разноцветных жевательных конфет. – Бери.

– Эм-м, спасибо, – взяла я пару штук.

– Чего так мало? Бери еще, – засмеялся он, насыпал мне полную ладонь, а потом, подумав, вручил мне всю упаковку, пояснив, – тебе сейчас все равно будет скучно.

– Почему?

– Фотосеты – это всегда скукота и тоска. Веселится только фотограф.

– Я хочу уйти уже, – улыбнулась я в ответ, запихивая в рот мягкую конфету со вкусом спелой клубники.

– Уже? – огорчился парень. – Кей обидится.

– Думаю, нет.

– Нет, точно, обидится. Видела, какой он сегодня нервный? А с утра нормальный был. Он в последнее время стал каким-то неуравновешенным. Рэн сказал: «Чувак страдает». Точно, он же редко напивается. А недавно в виски горе топил.

– Как это?

– Пил, – развел руками парень. – Я хотел побыть с ним за компанию, но он почему-то не разрешил. Но нет-нет, я не пью – предложил просто посидеть вместе с ним. Иногда, когда человеку плохо, с ним нужно просто посидеть рядом, и тогда ему будет не так одиноко. А Кей хорошо тогда напился, да...

– Сплетница, – раздался точно такой же голос около моего второго уха – это вернулся Рэн и уселся справа от меня. Таким образом, я оказалась в окружении близнецов. Кстати, а не высокий ли в группе «На краю» «близнецовый процент»? Двойня – не частое явление.

– О, конфетки, – похитил у меня из руки добрую половину сладостей Рэн. – Шпашибо, Каша. – То, как он прошамкал мое имя, меня изрядно повеселило.

– Ты, джентльмен! Верни обратно конфеты, – тут же встал на защиту сладкого Филипп.

– Изо рта вытащить, что ли? – невинно поинтересовался Рэн, и оба брата опять разорались. Нет, им что, действительно по двадцать шесть, а не по шестнадцать?

– Все, наконец, собрались? – быстрым шагом вошел в помещение Андрей. Следом за ним появились две развеселые особы мужского пола в вытянутых футболках и в джинсах. Они тащили какую-то аппаратуру, а следом за ними спешила коротко остриженная женщина лет тридцати с кучей проколов на лице и с цветными татуировками на запястьях. Как потом оказалось, это была дизайнер одежды, готовившая для съемок музыкантов сценические вещи. Следом за ней неслись ее помощницы, нагруженные сверх меры одеждой.

– Клево выглядишь, девочка, – жуя жвачку, почему-то сказала дизайнер мне, проходя мимо. – «Живой» типажик.

– А я ведь говорил, что ты милая, – заметил Филипп.

– Хорошие девочки не всегда милые. А ты в себе это сочетаешь, – присоединился к нему брат.

– Я спросил, все здесь? – рассерженным тоном многодетной мамы спросил Андрей.

Уже вернувшийся Арин ничего не отвечал. Наверное, был расстроен из-за Кея и своей черноволосой стервочки.

– Мы давно уже тут собрались. Только Келлы нет пока. Но он сейчас будет, – отозвался Рэн, между делом в шутку душа брата, да так, что в воздухе только и мелькали его худые руки.

– Задрал!! Отпусти меня!

– Отпусти Филя, – бросил менеджер. – Сейчас приедут фотографы и визажисты. Остальные на месте.

– И скоро это будет? – вновь появился Кей с недовольным выражением лица. Алина шла следом за ним. Помада с ее губ исчезла, взгляд был горящим.

Блин, что они там делали??

– Очень, очень скоро. Они пока в пробке, но подъезжают. И, ребята, хорошая новость. Мы договорились с Брэдом Майлзом, – назвал Андрей одного очень известного английского режиссера, снявшего кучу крутых клипов для многих зарубежных рок-исполнителей. Он также прославился своими короткометражными фильмами, получившими множество наград, в том числе всем известный Оскар за лучший. «Короткометражный драматический фильм». Если с «На краю» будет работать известный режиссер такого уровня, о котором даже Томас говорит с некоторым восхищением при всей своей нелюбви к киноискусству, значит, Андрей и его компания всерьез задумываются над тем, чтобы сделать группу всемирно известной.

– Сейчас я беседовал с ним насчет нашего клипа, – продолжал менеджер. – У него хорошая идея. Скоро будем снимать. И клип совпадет с выходом нашего альбома.

– И какая же у него идея? – мрачно осведомился солист «На краю», покачивая ногой.

– Славная идея. Что-то вроде клипа о мести. Холодной и прекрасной – все в твоём стиле, Кей, не волнуйся. Мы специально это обговаривали. Клип полностью подходит под текст твоей «Белоснежки».

Интересно, что еще за Белоснежка? Название песни?

– А мне нечего волноваться. Могу даже предложить собственную концепцию.

– Предлагай. Твоя фантазия должна понравиться старине Брэду. О, прошу прощения – звонок, – и с этими словами Андрей удалился.

– Давай, говори свою версию! – крикнул через всю комнату другу Рэн.

– Зачем тебе ее знать?

– Ты всегда что-нибудь убойное выдаешь, чувак.

И Кей, кивнув, решил поделиться своими идеями с окружающими, с интересом уставившимися на него – всеми, включая меня. Но почему-то сейчас, когда Алина была рядом, Кей не замечал меня. Даже не смотрел. Вот псих, умеет настроение испортить.

– Ну что же... Нужно что-то о мести. Холодной мести. Мести со стажем. Предположим следующее. Наши герои. Хороший мальчик, по-идиотски влюбленный в красивую девушку едва ли не всю свою короткую жизнь. Девушка, естественно, не просто красавица, а манерная королева с элементами стервозности. Пусть будет... м-м-м... самой популярной

девочкой в школе. Парень – конкретный лох, спокойный и милый мальчик, делающий все, что попросит его девочка.

– Тряпка, короче, – вставил Рэн, заинтересовавшись действием. Мне тоже стало интересно. До чего же у Кеюшки воображение странное.

– Да, ты прав. Они – тряпка и королева. А дальше... – Кей потер губы указательным пальцем. – Он добивается ее любви так, как умеет. Долго и упорно.

– А он ни черта не умеет, – опять влез Рэн, которому, похоже, нравилось что-то придумывать.

– Опять в точку, – согласился с ним солист группы. – Он – ничто. Но он ее любит. Безумно. И она соглашается быть с ним. Ей с ним удобно – наш мальчик делает все, что скажет девочка, безмерно ее обожает, закрывает глаза на ее ужасный характер. Поначалу ему кажется, что он может растопить лед в ее сердце.

– Круто сказано, пафосно, – одобрил Рэн, убирая с глаз длинную прядь волос. – Но, чувствую, пареньку это всего лишь кажется.

– Мне не нравится эта идея, – отозвался вдруг Арин. – Может быть, что-нибудь другое? Жесткое. В стиле «На краю».

– Нет, мне нравится именно этот сценарий. Так жизненно, правда? – обратился Кей к Алине, сидящей с такой прямой спиной, что, казалось, она проглотила стрелу.

– Правда, Кей, – ответила она ему серьезно. Я с удивлением посмотрела на нее.

– Продолжаем? Девушка принимает мальчика, допускает до себя, пользуется пару лет, и в один день...

– Бросает? – осведомился Фил. – Печально, печально...

– Ты еще расплачься, – фыркнул его брат. – Тебе сопельки не вытереть, деточка?

– Отстань от меня, ослиный муж. Слушай Кея.

А солист рок-группы тем временем продолжал крайне задумчивым тоном, потирая пальцем подбородок:

– Девушка его жестко предает. А может быть, и бросает. И мальчик хочет добиться чего-нибудь в жизни, чтобы...

– Чтобы сказать, что и он чего-то стоит! – в который уже раз встрял веселый близнец. – Отлично, Кей! Еще немного, и ты будешь писать сценарии к мыльным операм.

– Да, ты прав. Девушка бросает парня, а он... Он становится... не знаю даже... известным актером?

– Да, актером – это круто, – согласился гитарист. – Вокруг него шумиха, пресса, куча женщин, слава, баксы – все, что нужно для жизни.

Филипп демонстративно закатил глаза, показывая свое полное презрение к жизненным ценностям брата. Кирилл же говорил дальше.

– Добившись всего, мальчик вновь встречается с этой девушкой. Нет, она сама приходит к нему. Ведь наша девочка все это время горько сожалела о том, что в трудную минуту оставила его. Теперь они меняются местами. Он – повелитель жизни, а она – м-м-м, тряпка? Нет, это несколько грубо для такой красотки – она стала теперь его игрушкой. Она стоит перед ним едва ли не на коленях.

– Свершилось правосудие? Крутотень. Он целует девочку, она влюбляется в него так же сильно, как он когда-то в нее, а он ее убивает? Мучает? Пытает? Насилует? Бьет? – тут же начал предлагать кровожадные варианты Рэн.

– Отвергает, это ведь идея холодной мести, – спокойно отозвался Кей, глядя при этом

прямо в глаза молчащей Алине. Арин, стоявший к нам боком, чуть повернул голову и утомленно и обеспокоенно посмотрел на брюнетку. Что-то тут не так – и у меня даже есть кое-какие подозрения насчет этого «не так». Поэтому я продолжала напряженно вглядываться то в Кея, то в Алину. Такое чувство, что Кей рассказывает свою историю любви к ней. Кстати, а ведь она сама недавно объявилась. Тогда, когда мы были на природе, Алина впервые увидела Кирилла за долгое время. Сказала что-то вроде: «Теперь тебя называть Кеем?». Она что, не знала, кем он стал?

– Может быть, это их история?

– И все? – разочаровался близнец-гитарист, – а где жестокость? Где твоя фишка, мужик? Элемент неожиданности?

– Точно, – щелкнул пальцами фронтмен «На краю». – Этого нет. Непорядок. Тогда... Она встречает его с другой, счастливого и радостного, и сходит с ума. Может, даже он специально находит себе подружку, чтобы забыть старую любовь? Играет? Или по-настоящему вновь влюбляется? Неважно. Да, его бывшая тихо сходит с ума от ревности и ужаса от упущенных возможностей. Она страдает, злится. Теперь ей надо унижаться перед ним, просить вернуться, – с каким-то садистским видом добавил Кей. – Последнюю сцену можно снять в местной психушке. Потому что она полностью сошла с ума. Концепция клипа – месть и сумасшествие, сожаление и снова месть. И много холода. Зима, снег, пар изо рта, замерзшая река.

– Эта гордая красотка, может, в конце героя убивает, сбежав из психушки? – радостно спросил Рэн. – А то так сильно слюняво и розово получается.

– Ты помешан на жестокости. Между прочим, моральные муки намного хуже физических, – назидательно проговорил его брат. – Если их правильно показать на экране...

– Молчи уж, ты как раз наша общая мука, – отмахнулись от него. – Ноешь и канючишь.

– Я не ною, – дернул подбородком парень. Нет, ну какие двадцать шесть лет?

– И сериалы бразильские смотрел раньше, – приоткрыл для окружающих еще одну страницу из жизни Фила его брат-близнец. Кей засмеялся, я улыбнулась, и даже у невозмутимого Арина появилось на лице что-то, отдаленно напоминающее улыбку. Интересно все же, длинноволосый действительно представитель готической субкультуры или у него просто имидж такой?

– Так она парня к праотцам отправила в конце? – вновь поинтересовался Рэн.

– Нет, она его не убивала, – не согласился с таким вариантом событий Кей. – Уйдет без него.

– А мне кажется, – подала голос Алина, закидывая ногу на ногу – все присутствующие тут же убедились в длине ее нижних конечностей и их совершенстве, – тему безумия можно усилить. Было бы хорошо, если бы девочка убила новую любовь своего возлюбленного. А он тогда бы...

– Убил бы свою бывшую, действительно пытая, – резко оборвал ее Кей. Ему не нравилось чужое вмешательство в его сценарий.

– Это я и хотела предложить, – с легкой улыбкой отозвалась Алина. – Двойное убийство. И он остается один. И тут будет место для темы одиночества. Или тройное убийство – он убивает и сам. Катя, – неожиданно обратилась она ко мне. – Как тебе наш совместный сценарий?

– Ужасно, – не стала скрывать я своих эмоций, удивленная тем, что брюнетка обращается ко мне. – Вам совместно можно ужастики и триллеры снимать.

– А ты боишься таких фильмов, да? – ласково спросила Алина.

– Есть немного, – не стала я отрицать. Почему она смотрит на меня едва ли не с ненавистью?

– Правильно, бойся. Хотя я, к примеру, не сильно их пугаюсь. Но, кто знает, вдруг в жизни все повторится? – она лукаво взглянула на меня и встряхнула головой – волосы черной волной упали на обнаженные плечи и яркую желтую ткань ее платья. Это что, угроза Катрине в завуалированной форме? Нет, Алина, так дело не пойдет.

– Ты у нас бывшая девушка Кея, так что тебе и нужно бояться этого сценария, – ответила я, чувствуя, что не могу удержаться от этих слов. – Вдруг он и впрямь найдет себе кого-нибудь, а ты в психбольнице начнешь время весело проводить.

На секунд пять повисла почти полная тишина.

– Ты, мышка, как ты, – гневно начала Алина, но Арин умудрился заставить замолчать ее, всего лишь слегка обняв за плечо.

– Успокойтесь, – кинул он сначала на нее, потом на меня укоряющие взгляды.

– А я понять не могу, почему роковая красотка стала все же встречаться с нашим героем, а? – вмешался Филипп.

– Может быть, – подняла Алина немигающий взгляд не на него, а на Кея, – может быть, мальчик когда-то добился ее, сумел приручить, и она его по-настоящему любила и всего лишь один раз ошиблась, потому что не знала, как поступить?

– О, да-а-а, – протянул Кей, подошел к Алине, все глядевшей на него большими глазами больной лани, и что-то принялся тихо говорить ей на ухо.

Нет, точно, это их история любви, и теперь Алиночка ревнует меня к своему бывшему. А Арин не зря говорил, что это он ее бросил... Она Кириллу изменила, что ли?

Бас-гитарист нехотя подошел к парочке. Тоже что-то сказал: почти шепотом. Алина отвернулась, ни на кого не глядя.

– Защищаешь? – спросил Кей громко.

– Помолчи, – негромко произнес длинноволосый блондину. – Кей, хватит уже. Слышишь меня? Хватит. – В голосе Арина появилась едва уловимая угроза, и парень шагнул близко к другу с каменным лицом.

– Все спокойны. Хватит спорить, – уловил напряженную атмосферу между нами мужик в кепке, появившийся словно из воздуха. – Брэд снимет тебе первоклассное психоделическое видео, Кей. Про месть, про любовь, про убийство, про что хочешь. Да так, кто вообще ничего не поймет. Все, сейчас не минуты терять не будем – и так несколько часов пропали даром, – взял на себя вновь прибывший командную должность, – вот и ребята-фотографы пришли с гримерами.

Как по мановению волшебной палочки, дверь вновь отворилась, и в помещении оказались сразу несколько человек – трое молодых мужчин и две девушки. Неужели все они фотографы? Через минуту выяснилось, что фотограф только один (его напарник где-то застрял), девушки – стилисты-гримеры, а два других парня – лишь помощники, которые отвечают за свет и за аппаратуру. Вся эта толпа, бурно поздоровавшись со всеми, унеслась на крышу, подняв суматоху. Все вокруг зашумели и засуетились – кроме самих музыкантов.

– Ждем только Макса, – объявил обладатель кепки. – Андрей его встречает. Его тачка отстала слегка.

– Это кто? – спросил его Фил.

– Профессиональный фотограф из нашей любимой столицы, специально прибыл к нам

по предложению агентства, – было ответом любопытному парню, – мы впервые пользуемся его услугами. Говорят, делает улетные «живые» кадры.

– А, это он будет сегодня на частном концерте снимать? – проявил осведомленность Рэн.

– Да, он. Так, парни, нас ждут стилисты! Все за мной, – раскомандовался мужик в кепаре.

Музыканты дружно кинули на него ленивый взгляд и не тронулись с места.

– Давайте быстрее, мать вашу всеобщую, музыкальную, – грубо обратилась к ним подошедшая дизайнер. – Быстро все за мной!

Ее молодые люди почему-то послушались, пошли за ней, а Рэн принялся пошло шутить, за что получил порцию лекций от брата. Алина тут же целеустремленно устремилась вслед за Кеем. Мне это не понравилось. Зато я вспомнила об Антоше и написала ему, извинившись за то, что долго не отвечала, что все, о чем он думает, вовсе не глупо, и что я очень хочу быть его солнцем! Мы успели договориться о времени и месте встречи. Здорово, что он ест меня.

Как только я поставила смайлик в последнем смс, как в помещение появились новые действующие лица. Вернее, одно, лицо, которое мне много сотен раз снилось беспокойными долгими ночами и заставляло просыпаться в слезах. Нет, это был не монстр из кошмаров и не кровожадный бабай. Это был самый обыкновенный парень... Нет, те, кого мы любили, ведь не бывают обыкновенными, правда?

Когда мы влюблены, они кажутся нам самыми-самыми, и даже их недостатки привлекают.

– О, Макс пришел! – захлопал в ладони коротко стриженный фотограф, что-то уточнявший у мужчины в кепке. – Сейчас и начнем сет! Парни уже на крыше устанавливают оборудование.

– Всем доброго дня! Сегодня будет отличная фотосессия, – раздался мягкий баритон. – Прошу прощения, что мы опоздали – в городе пробки просто невыносимые.

– Макс, ничего, время еще есть. Думаю, мы все успеем, – отозвался Андрей, в то время как Красная кепка пожимал руку высокому молодому человеку с внимательными голубыми глазами и волнистыми русыми волосами, закрывающими шею. Одет он был по-молодежному небрежно, но это, как и всегда, впрочем, лишь подчеркивало его мягкую независимость: простые потертые на коленях джинсы, вязаная коричневая кофта с капюшоном и закатанными рукавами, шузы с ярко-синими шнурками.

– Обещаю, все пройдет на высоте.

Я встала со своего места, во все глаза разглядывая фотографа Макса, не веря в увиденное. Сделала шаг назад, а потом замерла от неожиданности. Это точно он! Даже его плавные движения остались такими же, и улыбка, и привычка потирать запястье... Этого человека я никак не могла встретить здесь. Нет, не могла!!

Но встретила. Каким-то неведомым, странным образом, сумасшедшим, невероятным!

Что за чертовщина? А этот-то здесь откуда?

Я не знаю...

А я знаю – его привела злая сила. Откуда ему здесь взяться-то??

И что делать? Что делать?

Что? Ну, не знаю... Прячься, дура!! Повернись спиной, не смотри на него. Я же сказала, не смотри. Хватит пялиться, слабачка!

Но он так изменился. Смотри... Смотри, какой он. Какие у него руки и плечи крепкие!

Естественно, четыре года прошло – мальчик повзрослел и стал большим и сильным. И все-таки стал фотографом, говнюк, чтоб его. А ямочки на щеках все же остались такими же. Ладно, не отвлекаемся. Не гляди в его сторону, раз ты ему наподдать не можешь. Ненавижу его!!

А я уже забыла. У меня сердце быстрее бьется, что делать? Мне страшно? На меня нахлынули воспоминания. Почему я такая дура?

Вечный вопрос. Откуда мне знать, почему мы – такая дура. Я – твой внутренний голос, а не всевидящее око. Родилась ты такой, Катя.

Почему я его встретила здесь? Я не хотела никогда-никогда-никогда его видеть! И я не буду на него смотреть.

Вот так-то лучше. Отвернись и занимайся аутотренингом: «Я невидимка, я незаметная невидимка». А может, лучше подойти к нему и как пнуть куда-нибудь в солнечное сплетение? А, нет, до туда ты точно не дотянешься.

Я лучше сделаю вид, что меня тут нет. Он, должно быть, занят и может быть не заметит постороннего человека. А сейчас боком-боком, как краб, мы и уйдем отсюда.

Да-да, меня ведь ждет Антон... Эй, чувак, спасай Катрину!

Я решила незаметно выскользнуть отсюда. Но моим кратковременным мечтам было не суждено сбыться, потому что Андрею захотелось вдруг представить Максиму всех присутствующих, включая и мою скромную персону.

– А это Катя, дочь известного художника...

– Томаса Радова? – голубые глаза Максима, эти глаза, в которые я когда-то хотела смотреть часами, но боялась это делать, широко открылись, когда он вдруг увидел меня. И сразу узнал.

– Откуда сведения? Да-да, его самого, – подтвердил Андрей, – он, между прочим, оформляет новую обложку для «На краю».

– Вот как? – голубые глаза не отрывались от моего лица, а я, в свою очередь, не могла сама отвести свой взгляд в сторону.

– Неожиданный ход, правда? – заметил менеджер. – И это при том, что Томас отказывался от подобных предложений даже со стороны наших зарубежных, в некотором роде, коллег. Просто не знаю, как Кей его уговорил на подобное. – Катя, это Максим – фотограф из московской фотостудии «Клевер».

– Привет, Катя, – растерянно произнес он знакомым и совсем не изменившимся голосом, тихим и спокойным, но перестав при этом улыбаться. А ведь до встречи со мной лицом к лицу его широкая белоснежная улыбка освещала это помещение!

– Привет, Максим, – так же негромко отвечала я.

– Ого, а вы знакомы? Мир тесен, ребята, – и я убеждаюсь в этом уже который раз. В таком случае оставлю вас наедине, – чуть сощурившись, проницательный менеджер оглядел нас задумчивым взглядом и отошел. – Макс, пять минут, и приступаем к делу.

– Как дела? – задал Максим мне любимый вопрос миллионов людей на земле. Голос его был нерешительным и удивленным – встреча со мной не входила в планы этого человека.

– Хорошо, а у тебя? – смущаясь, задала я аналогичный вопрос.

– И у меня хорошо. Учишься?

– Да. На юриста. А ты работаешь?

– Да. Фотографом. Как родственники?

– Хорошо. А твоя мама?

– Тоже отлично.

– А дедушка?

– Все еще бодрится.

И мы замолчали.

Вот и все, о чем можно было поговорить со своей первой любовью, повзрослевшей и возмужавшей. Оставалось только лишь разглядывать друг друга, едва ли не физически ощущая неловкость и отстраненность. Наверное, а я очень на это надеюсь, Максим ощущал стыд или раскаяние, и от этого, должно быть, ему было еще менее комфортно, чем мне.

Странно – вроде бы здесь много людей, и они шумят, разговаривают, смеются, даже кричат, а в паре квадратных метрах от меня и него установилась тишина, похожая сейчас на вакуум прошлого, окутавшего двух совершенно чужих людей, которым...

Дура, ты чего несешь?! Пошли его на село к троюродному дедушке и сваливай подальше! А то еще при нем и разрыдаешься!

– Я рад, что встретил тебя, Кать, – первым нарушил затянувшееся молчание Максим.

– И я тоже... очень рада. Хорошо, что ты стал профессиональным фотографом.

Когда-то давно, еще в школе, он мечтал работать именно в этой области, вопреки воле своих родителей, желающих вырастить из единственного сына знаменитого врача. Максим – представитель целой династии врачей. Его старый, но бравый прадедушка оперировал в военно-полевом госпитале всю войну и мечтал сделать из внука хорошего хирурга. Однажды, в девятом классе, когда мы с Максимом были просто-напросто одноклассниками, обменивавшимися глупыми и даже пугливыми взглядами и боящимися признаться в симпатиях друг к другу, я совершенно случайно, попала к нему домой. Надо сказать, не без помощи Нинки, решившей, что в ее силах сделать так, чтобы, как она говорила, «вы, тормоза, были вместе». Она знала, что он нравится мне и говорила, что чувствует, что я привлекаю Макса.

Когда я, пугливая, как антилопа-гну на водопое, попала к парню домой, его прадедушка решительно усадил меня за стол и за чаем принялся рассказывать о военных днях в госпитале, и о том, что все представители их славной фамилии – обязательно врачи, что его внук обязательно продолжит семейную традицию, и его будет ждать блестящее будущее. Максим (волосы у него и тогда были всегда волнистыми и растрепанными, как и сейчас, а вот лицо было худым-худым и скуластым) сидел рядом, и я, почти не слушая рассказы его дедушки, просто радовалась тому, что одноклассник находится со мной за одним столом и что сидим мы близко-близко – даже колени соприкасаются слегка.

«Ты нашему Максу будешь отличной девушкой, – на прощание заявил дедушка к нашему обоюдному ужасовосторгу, – иди, проводи Катю домой, внук».

Он пошел меня провожать. Чтобы потом делать это все чаще и чаще, а однажды осмелиться поцеловать.

Я дернула головой, отгоняя прошлые воспоминания. Вот же ситуация – встретить бывшего и единственного парня здесь и сейчас!

А мы с Кеем чем-то похожи. Максим меня тоже предал. Как и его Алина.

– Да, стал фотографом, – он неловко улыбнулся, прижимая к себе рюкзак. – Ты очень здорово выглядишь, Катя. Взрослая. У тебя волосы теперь такие длинные. И лицо другое.

Естественно, лет-то мне уже сколько. Чай, не десять и даже не двенадцать.

– Ты тоже прекрасно выглядишь, – отвечала я, глядя поверх его головы. Интересно, эти волосы до сих пор такие же жесткие, как и раньше? – Возмужал.

– Ну да, спасибо. Как думаешь, я стал лучше?

– Да.

– Если будет время... можно, я сфотографирую тебя? – внезапно предложил парень. – Тебя любят камеры, я помню. И... Андрей зовет, я пойду, хорошо? У меня много работы, сама понимаешь, – словно оправдываясь, произнес он и ушел, оглянувшись раз пять.

Я в полном недоумении глядела ему вслед. Не может быть. Может быть, я страдаю галлюцинациями? Ущипнуть себя?

Я медленно опустилась на диван, сложив руки на колени и глядя на них. Это Максим... Сейчас, немного успокоюсь и уйду отсюда.

– Келла! Ты, наконец, принес к нам свою задницу!! Поторапливайся! – услышала я громкий окрик. Значит, синеволосый и моя подруга все-таки вернулись в самую последнюю минуту. Нинка тут же подтвердила мои мысли – потрясла за плечо и даже за волосы подергала.

– Алло, гараж! – услышала я ее голос.

– Нина?

– Нет, ожившее чучело крокозябры. Что он тут делает? – грозно осведомилась она, скалой нависая над моей головой.

– Кто?

– Не прикидывайся рождественским оленем. Я его только что видела – мельком, но все равно узнала. Кто-кто? Эта скотина Максимочка, кто еще! – заорала Нинка, трясая меня за плечи. – Откуда ты его здесь взяла? Сейчас же признавайся!!

– Это не я, это он сам взялся! – вяло попробовала я отцепить подругу от себя, но она затрясла меня еще сильнее – как грушу.

– Сам?

– Нина, он фотограф, приехал на фотосессию «На краю».

– Да ну на фиг? – искренне поразились она и опустилась рядом со мной, нервно дергая ступней – пока никто не видел, подружка многое себе позволяла. – Да такого невезения не бывает!! Катька, это же просто убийственно! А ну пошли его убивать, вставай! Я сейчас его лишу пары органов. За все, скот, поплатится.

– Сядь, Нина, и ничего не делай, – велела я ей деревянным голосом. – Прошу тебя.

Подруга в кое-то веки послушалась.

– Та-а-ак, – почему-то замерла она, и ее глаза засветились нездоровым блеском, – а это еще кто?

– Где?

Кого она там еще углядела?

– Вон. Краля в желтом, – и Журавль с яростью уставилась влево. Я скосила глаза и увидела Алину, о чем-то беседующую с Андреем.

– Ты ее знаешь? – сегодня день открытий, не иначе! Сейчас выяснится, что Алина – добрая Нинкина знакомая. Хотя нет, так презрительно на хороших знакомых не смотрят. Скорее, таких пристальных взглядов, в которых пламя ненависти горит равномерно уже много лет подряд, достаиваются давние хорошие враги.

– Естественно, знаю я эту чертову крысу. Давно знаю, и давно желаю ей самых комфортных номеров в адском отеле «У доброго демона». Ха, и здесь она, кукла, – к

последнему слову подруга добавила непечатное выражение с очень экспрессивным значением.

Я так и видела, как над белокурой головкой Нины поднимается размытое изображение Алины, перечеркнутое алым крестом, а потом брюнетка начинает гореть в грозных языках желтого пламени.

– Откуда вы знакомы?

– От верблюда. Наш город все-таки не двадцати четырех миллионный Шанхай, вполне естественно, что люди определенного социального слоя друг друга знают. С ней я частенько виделась в клубах и на некоторых тусовках и вечеринках. Знаю ее предков. Знатная стерва. Вот курицыно отродье! – почти прорычала Журавль. – «Меня терзают смутные сомнения»... На всякий случай нужно вызвать дежурных санитаров, подруга.

– Зачем? Что за сомнения?

– Сомнения в том, смогу ли я удержаться, не впасть в состояние аффекта и не грохнуть ее. Ненавижу таких, как она. Ненавижу ее. – Нина говорила это зло и искренне. Она, при всей своей нелюбви к человечеству, редко по-настоящему ненавидела людей. Обычно просто презирала, или же они ее раздражали.

Продолжая прожигать Алину недобрым взглядом, Нинка вдруг спросила:

– Катя, вот, смотри, это живой пример самовлюбленной и болезненной стервозности.

По-моему, он не единственный... второй такой пример я знаю с первого класса и вижу почти каждый день. Нинка словно уловила мои мысли и спросила:

– Знаешь, чем я отличаюсь от нее?

– Нет, – честно призналась я.

– Ну, я так и подумала, спасибо, Катенька. Но вообще-то знай. Я умею прятать свое истинное, конечно же, прекрасное, личико, и умею быть хорошей и милой, а она этого делать не хочет. Не не может, а не хочет. А знаешь, почему?

Я покачала головой.

– Алинчик, эта милая девочка, слишком гордая. Желает, чтобы все восхищались ей такой, какая она есть на самом деле. Видишь, даже я не отважилась на это кощунство. – Нина злобно расхохоталась. А Алина, продолжая о чем-то разговаривать с менеджером «На краю», легкой соблазнительной походкой уверенной в себе женщины с обложки дорогого глянцевого журнала ушла вслед за ним – видимо туда, где сейчас должны были происходить съемки.

– Я, допустим, если увижу недостаток человека, который мне не нравится, или, к примеру, узнаю, что ему девушка изменяет, не стану говорить об этом прямо – лучше расскажу об этом остальным, чтобы о таком классном факте знала не только я, но и общество. Или попридержу этот фактик, чтобы потом использовать в свою пользу – чтобы при случае был козырь. А вот Лескова подойдет и в лоб, улыбаясь мило-мило своими острыми зубками, сообщит: «У тебя рога, чувак». Или: «Ты стала выглядеть еще хреновей. Что, пластика не удалась?». Я манипулирую и ищу выгоду, а она – издевается. Над всеми – кто не нравится и кто нравится.

– Кто-кто? – кажется, я уже слышала эту фамилию. Точно, да – у Антона дома из уст его матери!

– Лескова, – повторила фамилию брюнетка Нина. – Идиотская фамилия, да? – явно намекая, что ее, Ниночкина, фамилия намного лучше звучит. Она захихикала. – А она ею гордится. Эту фамилию, видите ли, носили ее предки, какие-то там мега крутые дворяне-

графы, а она, видите ли, их прямой потомок. У нее даже какая-то родословная есть, ее предок заказал недавно. Но туфта это все. Семейка у нее, я тебе скажу – просто абзац. Недаром мой отец ее папандра не любит, этого тюфяка. И как только он свое дело умудрился открыть?

Интересно, это просто совпадение, что именно здесь, в «музыкальной обители Кея», я встречаю девушку по фамилии Лескова, и она является Алиной, бывшей любовью самовлюбленного солиста «На краю», и той, которую госпожа Тропинина пророчит едва ли не в невесты Антону. Господи, как все запутано. А Антон-то тогда здесь при чем? Неужели теперь брюнетка перекинулась с одного братика на другого: с Кея на Антошу, и их хваткая и деловая мама хочет, чтобы ради совместного бизнеса Антон встречался с Алиной Лесковой? И при этом Алину любит бедняга Арин. Что за бред? И с Нинкой эта девушка знакома... Вот же моя подруга обрадуется, если узнает, что Алина – бывшая, а возможно, и будущая подружка Кея! Да у нее буйный припадок случится. Точно санитары понадобятся.

Но нет, мало ли всяких Лесковых есть в нашем городе. Фамилия не редкая. Но отчего-то мне не спокойно. Надо обязательно поинтересоваться у Антона насчет этой загадочной Лесковой, которую усердно сватает ему заботливая мама.

– Я ее ненавижу, почти так же, как пауков. Мне от ее одного вида плохо, как тебе от вида крови, – продолжала Нинка.

– Почему ты раньше мне о ней не говорила? – удивлялась я, изредка поглядывая в ту сторону, в которой скрылся повзрослевший Максим. Он больше не появлялся, и я одновременно была благодарна ему за это и зла на него.

– Как это не говорила? – заорала Нинка, напугав дядьку в красной кепке.

– Девушка, тише, – улыбнулся он ей. – Ты тоже стилист?

– Хренист, – рявкнула Нинка каким-то прокуренным голосом. – Отвали, дядя. Нет, принеси мне кофе.

Мужчина не обиделся и сказал почему-то:

– А, ты подружка Келлы. Ну ниче, ему такую девку и надо, пусть попляшет парень. – И, дьявольски захохотав, как истинный Мефистофель, он удалился наверх. Кофе все же перед этим принес. Видать, еще раз хотел полюбоваться на ножки Журавлика. Они были ничуть не хуже Алининых.

[Купить полную версию книги](#)